

Т Р И
Ж О В Ъ С Т И.

Н. ПАВЛОВА.

МОСКВА,
1835.

ТРИ ПОВѢСТИ.

Н. ПАВЛОВА.

Pavlow

Domestica facta.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1835.

~~ПЕЧАТАТЬ~~ ~~НЕ~~ ~~П~~ ~~О~~ ~~З~~ ~~В~~ ~~О~~ ~~Л~~ ~~Я~~ ~~Е~~ ~~Т~~ ~~С~~ ~~Я~~

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи были пред-
ставлены въ Ценсурный Комитетъ три
экземпляра. Москва, Ноября 2 дня, 1834
года.

Ценсоръ И. Снегиревъ.

ИМЕННЫ.

АУКЦИОНЪ.

ЯТАГАНЪ.

ИМЕННЫ.

И. В. ЧИЧЕРИНУ.

Тебѣ понятна лжи печать;

Тебѣ понятна правды краска:

Я не умѣлъ ни разу отгадать

Что въ жизни было, что въ жизни сказка.

Jul. What's in a name? that which we call a rose,
By any other name would smell as sweet.

Rom.

My name, dear saint, is hateful to myself.

SHAKESPEARE. *Rom. and Juliet.*

» Что въ имени? то, что мы называемъ
розою, пахло бы также пріятно и подъ
другимъ именемъ.«

.

» Мое имя, милый ангелъ, ненавистно мнѣ
самому.«

Когда-то я познакомился съ однимъ семействомъ, которое, по волю судьбы, рано сошло со сцены. Смерть застала его по разнымъ угламъ Россіи и воспоми-

наніе о немъ сохранилось, можетъ бытъ, только у меня въ сердцѣ. Мужъ умеръ отъ холеры въ Бессарабіи; жена исчахла въ Сарашовской деревнѣ; а малолѣтній сынъ скоро послѣдовалъ за родителями, на рукахъ у, какой-то, Оренбургской помѣщицы. Я не назову своихъ ожившихъ знакомцевъ, пошому что съ ихъ именами не соединяешь память объ услугѣ чловѣчеству, о мысли, завѣщанной ему въ наслѣдство. Они прошли мимо, какъ люди обыкновенные; они были, ихъ нѣтъ: вошъ книга ихъ бытія.

Но Провидѣніе, испеспрившее природу краснорѣчивымъ разно-

образіемъ, опмѣшило каждое существо особенными черпами: по-тому-шо человѣкъ вездѣ равно до-стоинъ вниманія, по-тому-шо въ жизни каждаго, кшо бы онъ ни былъ, какъ бы ни провелъ свой вѣкъ, мы вспрѣшимъ или чувств-во, или слово, или произшествіе, онъ кошорыхъ поникнешъ голова, привыкшая къ размышленію. При-глядись къ мирному жильцу зем-ли, къ послѣдному изъ людей: — въ немъ найдешь пищу для испы-тующаго духа шочно шакже, какъ въ человѣкѣ, кошорый при глазахъ цѣлаго міра пронесенъ на вол-нахъ жизни изъ края въ край, ко-го закинушъ онъ на высоту без-смершнаго счастья, или сбросяшъ

въ пропасть безсмертныхъ бѣдъ-
сивій. Сильный характеръ обнару-
живается часно въ шѣсномъ кру-
гу, подъ домашнею кровлей; при-
чудливый случай выбираетъ ино-
гда жертву незамѣтную, и его по-
учительные удары падаютъ безъ
свидѣтелей, среди тихаго семей-
наго быта, какъ падаетъ молнія
на пушника, заснигнутаго бурей
въ безлюдной степи.

Н. былъ человекъ лѣтъ трид-
цати, когда я встрѣтился съ нимъ
въ первый разъ. Онъ только что
женится. Трудно и почти не воз-
можно передать словами то
угаръ счастья, который шуманилъ
тогда его голову. Онъ видѣлъ въ

женѣ и друга, и любовницу, и цѣль жизни, и наконецъ все, что привязываетъ насъ, что веселишь глаза и увлекаетъ душу. Молодая, рѣзвая, милая, она, казалось мнѣ, основала также свои желанія на одномъ мужѣ и искренно ошдалась ему. Его просвѣщенный умъ, образованная жизнь понравились мнѣ, и я старался сблизиться съ нимъ. Человѣкъ въ минушу упоенія всякому радъ, всякаго принимаетъ въ свои щелья объятія. Н. проводилъ охотно со мною время, и мы, говоря по свѣшски, подружились. Часо я бывалъ у него и всегда съ нѣкошорою завистью любовался карпиною семейнаго блаженства. Мужъ и жена, какъ нарочно

созданные другъ для друга, жили одинъ другимъ. Каждому доспались на часъ и умъ, и любезность, и независимость сосноянiя. Смотри на нихъ, я думаю: »вошь неліцетърная дружба, вошь непришорныя ласки, вошь неподдѣльная веселость!« Мнѣ помнился, что въ то время я желалъ только одного: такой же себѣ жены, какъ жена моего пріятеля; мнѣ помнился, что въ то время я не промѣнялъ бы такой жены ни на увѣренность въ безсмертіи моего имени, ни на генеральскій чинъ. Н. рассказывалъ мнѣ подробноснн своей женидьбы: какъ онъ встрѣпилъ въ Сарашовской губерніи дѣвушку, воспитанную просвѣщенными родителями,

влюбился и понравился; какъ онъ былъ предметомъ первой любви, первыхъ восшорговъ ея младенческаго сердца, неповиннаго въ сполитной суешѣ. N. говорилъ мнѣ безприснанно о своемъ намѣреніи оставить службу и поселишься въ деревнѣ съ книгами и женою. Эпошъ образъ жизни почишалъ онъ самымъ покойнымъ и пріятнымъ: эпо была его любимая мечта. Наконецъ, для исполненія своего предпріятія, онъ отправился на короткое время въ Пешербургъ хлопоташа по разнымъ дѣламъ, а жена поѣхала съ своей шепкой въ деревню, куда, по окончаніи дѣлъ, и онъ долженъ былъ переселишься. Мы разсцались; я не видалъ его

года полпора и полагать, что никогда не увижу.

Однажды, я сидѣлъ въ театръ и, съ нешерпѣніемъ ожидая конца, зѣвалъ безъ цѣли по сторонамъ, какъ вдругъ входящъ въ одну ложу чловѣкъ, кошораго лице поразило меня: чершы знакомыя... всмаприваюсь... это Н. Онъ пуспился въ длинный разговоръ съ одною дамою, и я долго понапрасну спарался привлечь его вниманіе. Однакожъ онъ увидѣлъ меня, сошелъ въ кресла. Съ какимъ любѣпышспвомъ, съ какимъ удовольспвіемъ бросился я къ нему. Онъ примѣпно обрадовался мнѣ; но это была радоспъ спепенная, радоспъ чловѣка возмужалаго. Разумѣшся, я

предложилъ ему кучу вопросовъ, на которые онъ ошъвчалъ ошры-виспо, что при днѣ какъ пере-ѣхалъ совсѣмъ въ Москву, что въ деревнѣ жить невозможно: одни сосѣди замучалъ. Я разспрашивалъ о женѣ, но онъ не очень распро-спранялся о ней. Можно судить о моемъ удивленіи. Мы условились, чтобъ я у него обѣдалъ на дру-гой денъ, и разошлись. Онъ посѣ-шилъ въ шуже ложу любезничать съ извѣсною красавицей. Въ его походкѣ я замѣшилъ перемѣну: онъ хромалъ не много.

Опять явился я въ этотъ домъ, который нѣкогда заспавилъ ме-ня размечтавшись о семейной жиз-

ни, о милой женѣ, о согласіи
двухъ сердець; оцѣль вошелъ въ
эпопѣ храмъ, кошорый нѣко-
гда освѣщался яркими лучами ра-
доспи, гдѣ каждый звукъ, доле-
шавшій до моего слуха, былъ ол-
голоскомъ очаровашельной любви.
Я нашель все по прежнему: шѣже
ковры, шѣже цѣѣшы, шуже брон-
зу; по прежнему хозяйка вспрѣ-
шила меня; но лучшая роза поше-
рля уже весеннюю свѣжесѣ: уны-
ло смошрѣла она; ея шаги были
медленны; алыя щеки поблѣднѣли.
Поднялся занавѣсь, и два супруга
разыграли передо мной вшорое
дѣйствіе судьбы своей. Тупъ я
не видалъ болѣе равенства между
ними; они разучились уже угады-

вашъ другъ у друга мысли, предупреждашь желанія; шупъ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ, мужъ напоминалъ, что онъ глава жены. Неисцѣлимое равнодушіе къ ней проглядывало во всѣхъ его поспункахъ, во всѣхъ мелочахъ, и я убѣдился, что нѣтъ въ природѣ мускуса, копорый продолжилъ бы жизнь умирающей любви; нѣтъ зажигательныхъ свѣколъ, копоры снова запалили бы охолодѣвшее сердце мужа. Въ обхожденіи съ женою Н. свяпо хранилъ наружныя условія свѣпскаго воспитанія, но въ какомъ нравственномъ униженіи держалъ ее! Чпобъ ни сказала она, онъ возражалъ на все. Его возраженія были

учинивы, но подъ эпой учпн-
востпю скрывалась почпн всегда
язвипельная насмѣшка. Хопѣла ли
жена сдѣлать новое платье, по-
тѣхалъ на вечеръ?... мужъ не проши-
вился, но съ удивипельнымъ крас-
норѣчіемъ нападалъ на женскую
суешность, на женское неблаго-
разуміе. Вытпивалась ли жена въ
разговоръ?...—онъ пускался въ раз-
сужденія о приличіяхъ, объ умѣ, и
въжливо, но немилосердо доказы-
валъ, что женщинамъ неприлично
говорить, что онѣ не умѣютъ по-
рядочно говорить ни о чемъ. Какъ
часто она оппшучивалась опъ его
нападеній, желая по видимому увѣ-
рить меня, что все эпо не опъ
сердца, что онъ пощъ же и лю-

бишь ее по прежнему!... Признакъ слабаго, думалъ я, когда онъ бо-
репся съ сильнымъ.

Словомъ: вниманіе, нѣжность и
всѣ добродѣтели, приличныя ей
полу, не могли уже ворошить про-
шедшаго. Такая разительная пере-
мѣна, хотя я видѣлъ въ ней еспе-
сивенный ходъ снраспной любви,
возбудила все мое любовныисиво.
Чѣмъ болѣе я сблизался съ Н.,
тѣмъ онкровеннѣе онъ спановился
со мною; однакожъ въ нашихъ бе-
сѣдахъ никогда не касался жены,
какъ будто она не сущеспвовала.
Онъ хромалъ, и когда я спро-
силъ, отъ чего? по получилъ въ
опвѣтъ: »пуля« и только.

Много времени прошло съ его

пріѣзда въ Москву, какъ однажды мы заговорились съ нимъ наединѣ до глубокой ночи. Рѣчь зашла о прекрасномъ полѣ. Онъ воспламенился, что бывало рѣдко; слова полились рѣкою съ его языка, и на лицѣ изобразилось негодованіе. Я еще вижу его горькую улыбку, когда онъ сказалъ мнѣ: »шолько малодушный и. неопытный можешъ ожидашь истиннаго счастія отъ женщины; женщина должна бытъ минушною забавой; кто же смощришь на нее другими глазами, кто полагаешъ найши въ ней какое-то существо чистое, возвышенное... шощъ жалко ошибаешся. Она шакъ слабо сошворена, что у ней не досщанешъ силы прожиишь цѣлый вѣкъ съ однимъ

чувствомъ, съ одною цѣлью. Она всегда подъ чужимъ вліяніемъ, а какъ положишься на шого, въ комъ нѣтъ самоспопашельности! Женцина любишь спрашно и, пожалуй, выдешъ за мужъ за другаго, пошому чшо ее могутъ уговорить и бабушка, и маменька, и шешушки. Женцина умна, но никогда не бываешъ умна просшодушно: ей все хочешся блеснуть, озадачить. Женцина ласкова, добра, но до шого, чшо надоѣшъ. Ей семнадцашъ лѣтъ: она рѣва, прекрасна; думаешъ, чшо всѣ помышленія ея невинны, какъ голова младенца, чшо эшо чистый ангелъ, едва слешѣвшій на землю, которая не успѣла еще запылить его бѣлыхъ крылій;

а семнадцатилѣтній ребенокъ уже влюбленъ, умѣешь уже упайшь свою любовь; умѣешь, не краснѣя, поклясаться въ вѣчной вѣрности не тому, кого любишь. О, я на эшопъ счешъ разочарованъ... женщина, прюффи и шампанское—все равно!... «

Съ этими словами онъ опперъ ящикъ въ письменномъ столѣ; вынулъ небольшую пепрадь, подалъ мнѣ и, засмѣявшись, прибавилъ: »возьми, прочши, тебѣ пригодится: шупъ описано однимъ моимъ пріятелемъ довольно спранное приключеніе.«

Я сохранилъ рукопись, полученную мною отъ Н.

Воцъ она:

**Кшо проѣзжалъ Рязань, шопѣ
вѣрно знаешъ Сщепана Никишича;
шопѣ вѣрно оспанавливался у него
и слыхалъ, какъ онъ хваспаешъ сво-
ею мадерой. Живо я помню эшу**

грязную осень, эпошъ мрачный вечеръ, когда ни одна звѣзда не теплилась на небѣ, и когда почшовыя лошади едва дощацили меня до ворошъ Рязанской гостинницы. Я былъ мученикъ неперпѣнія! Мнѣ хошѣлось перемѣнишь время года, переправишь дороги, сдѣлашься чародѣемъ, чшобъ долешѣшь скорѣе въ объяпія обожаемой жены! Какъ я суешился, чшобъ немедля пуспишься въ пущь, какъ крѣпко сшоялъ прошивъ всѣхъ обольщеній Степана Никипича, завѣрявшаго, чшо у него ешъ и бифшексъ, и кошлешы, и мадера изъ Пешербурга. Но на спанціи не было лошадей. Я послалъ ошыскивать вольныхъ, хопя извошики и слуги

твердили, что за Рязанью чѣшъ проѣзда, что надо переночевашъ. Эти убѣжденія мало дѣйствовали на меня, однако по неволѣ должно было дожидаться. Я расположился ужинашъ, мечшая о концѣ моего путешествія.

Не прошло десяти минутъ, какъ изъ сосѣдственной комнаты слышались звуки гитары и мужского голоса! Ахъ, какого голоса!... Спрашный къ музыкѣ, я боялся пошевелишся на диванѣ, чтобъ не проронить ни одной ноты. Кто-то пропѣлъ сперва нѣсколько куплетовъ изъ баллады:

» За чѣмъ, за чѣмъ вы разорвали
Союзъ сердецъ? «

Попомъ:

» Погасло дневное свѣтило. . . . «

Ночь, мечты любви, заунывное
расположеніе духа — все поселило
во мнѣ мысль, что свѣшлые, пла-
менные звуки выливались изъ сер-
дца, шѣснимаго глубокою печалью. Я
тихо подкрался къ двери, чшобъ
посмотрѣшь въ замокъ на незна-
комца, и мнѣ удалось. Онъ сидѣлъ,
развалившись на софѣ; большіе го-
лубые глаза устремлены были въ
потолокъ; длинные русые волосы

падали въ безпорядкѣ на широкой лобъ, на кошоромъ лежалъ большой рубецъ, по видимому, признакъ сабельнаго удара; правая рука была подвязана; въ лѣвой онъ держалъ гишару. На немъ былъ военный сюршукъ; въ пешлицѣ висѣлъ Георгій.

Всякой догадается, что мнѣ захотѣлось познакомиться съ занимательнымъ офицеромъ. На вопросъ мой: кто это? мнѣ сказали: прозвѣній Шнабсъ-Ропмиспръ С. Фамилія происходила отъ собственнаго имени. Я велѣлъ попросить у него позволенія войти къ нему, но онъ предупредилъ меня и явился самъ. Это былъ мужчина среднихъ

лѣтъ, высокаго роста, стройный спаномъ. Цвѣтъ лица его носилъ на себѣ грубые слѣды непогоды и жаровъ; но черпы были вырази- шельны. Передо мной спрѣлъ не дюжинный челоѣкъ. Я осыпалъ его привѣтствіями искренно, онъ полнощѣ чувствѣ, внушеннаго пѣ- ніемъ; онъ жалъ мою руку и улы- бался съ примѣльнымъ удовольстві- емъ. Но съ перваго раза мнѣ пока- залось, что онъ неразговорчивъ, и языкъ его не имѣетъ свѣтской гибкости. Такъ какъ объясненія дорожныхъ людей заключающа- сначала въ опѣшкахъ на вопросы: куда?... откуда?... что я узналъ, что онъ ѣдетъ изъ дѣйствующей арміи и что ему нужно побывашь

въ Тамбовѣ, въ Сарашовѣ, да въ
нѣкошорыхъ другихъ городахъ.
Намъ, хошя недалеко, но предшо-
ялъ одинъ пушъ; мы условились
опсправившяся вмѣспѣ, и онъ охош-
но согласился заѣхашъ по дорогѣ
ко мнѣ въ деревню, куда я шоро-
пился къ именинамъ жены. О, какъ
она обрадуешя, думалъ я, шакому
госпо, она—пѣвица въ душѣ!... Мы
сѣли ужинашъ; бушылки двѣ до-
браго вина принесены были изъ
моей коляски, а Сшепанъ Ники-
шичъ подкрѣпилъ ихъ своимъ шам-
панскимъ. Воображеніе наше разы-
гралось, языкъ спалъ вольнѣе. Чуд-
ный незнакомецъ оспшилъ мою ду-
шу и плѣнишельнымъ голосомъ, и
мужесшвенною наружношью, и

военными походами, копорыхъ крапкую исторію чишалъ я на его бѣломъ креслѣ, на разсѣченномъ лбу и на подвязанной рукѣ. Онъ заговорилъ о музыкѣ и о войнѣ, глаза его сверкали вдохновеніемъ, а спаканъ опускашаль бушылки. Я замѣшилъ, что мой ласковый, дружескій пріемъ сильно подѣйствовалъ на него; онъ спалъ веселье, и нюгда я приписалъ это добротѣ сердца; шеиерь бы объяснилъ себѣ такую веселоснѣ проспѣе, удовленивореннымъ самолюбіемъ. Тогда я былъ молодъ, счастливъ!

Хваспливоснѣ не проглядывала въ рѣчахъ офицера, но смѣлыя вы-

раженія обнаруживали необузданность чувствъ. Онъ глядѣлъ какими — по безпрепелнымъ состоямъ смерти, и его пламенный взглядъ могъ бы пошряспи недоступную красавицу. Въ немъ все было перемѣшано: и смерть и жизнь, и музыка и шпыки. Когда я, по Русскому обычаю, вздумалъ спросить: не родня ли вамъ шаконъ-по вамъ однофамилецъ? то онъ съ злобною улыбкой сказалъ мнѣ: »вы не знаете моей родни, да и чортъ ли вамъ въ ней?« Разумѣется, что, послѣ эшаго отвѣта, я оставилъ его родню въ покоѣ. Но вино развязало и мой языкъ. Чародѣйная сила шампанскаго вѣчно переноситъ насъ къ предметамъ нашей

нѣжності. Я подъ шумъ музыки и войны явился на поприще разговора, съ сердечнымъ счастьемъ, съ семейною жизнію, съ милою женой; но едва успѣлъ произнести нѣсколько словъ объ очарованіяхъ супружеской любви, какъ на лице моего собесѣдника набѣжало мрачное облако задумчивости. Онъ хлопнулъ спяканомъ о споль и началъ безпокойно ходишь по комнатѣ.

» Чѣмъ съ вами сдѣлалось? « спросилъ я.

» Ахъ, не напоминайше мнѣ о любви и о женѣ... я также любилъ, « ошвѣчалъ онъ, » да... «

Тяжкой вздохъ вырвался изъ его широкой груди, и онъ замолчалъ. Любопытство подспрекало меня. Я не спану разпроспранялся о всѣхъ моихъ уловкахъ, чшобъ зашпавишь его говоришь, и до сихъ поръ не знаю, чшó было причиною опкровенности. Я ли внушилъ довѣренность, вино ли высказало шайну, или онъ пошому не скрылъ ее, чшо никого не боялся?

Онъ закричалъ: »шампанскаго!«— схватилъ недопишый спаканъ, бросился на диванъ и, крупя лѣвою рукою красивый усь, началъ разсказывать почти слѣдующимъ образомъ:

» Когда я родился, шо ни одна

словоохотная цыганка не смѣла бы предсказать, что эшошъ сюршукъ будетъ на моихъ плечахъ, и эшошъ кресшъ на моей груди. Няньки не ухаживали за моимъ младенческимъ, не убаюкивали моей колыбели, и мать моя не приходила въ ужасъ, когда я бѣгалъ по грязи босыми ногами. Не эшо вино назначено было « (и спаканъ дрожалъ въ его рукъ) » развеселяшъ мою голову и, если бъ я послушался своей судьбы, то не съ вами бы садисься мнѣ за ужинъ. »

» На мѣдныя деньги учили меня грамошъ; но я учился прилежно, пошому что спрасшная охоша пѣшь припала ко мнѣ съ самага

ребячества, и чинъ дьячка сдѣлался границею моего честполюбія. Я не пропускалъ ни одной службы въ приходской церкви, важно выступалъ со свѣчою передъ выносомъ, визжалъ громче всѣхъ въ прощонародномъ хорѣ, и бормоталъ вслухъ молишвы, при окончаніи обѣдни. Не долго дали мнѣ роспи въ кругу эшихъ скромныхъ наслажденій: меня опшняли опъ приходской церкви, опъ опца и мапери. Этому давно; но даже и шеперь наверхпывающся иногда слезы на моихъ глазахъ, если случипся мнѣ хорошо припомнишь, какъ я тогда плакалъ.»

» Въ одинъ день, — онъ былъ

звѣзда моей жизни, второе рожденіе мое, шеаспральный свиспокъ, по кошорому мѣняешься декорація,— въ одинъ день мнѣ осмошрѣли зубы и губы; по осмошпру заключили, что я флейша, ошъ чего и ошдали меня учишься на флейшѣ. Я плакалъ, но ни одно сердце не ошкликнулось на беззащитный плачь мой, никто не прижалъ ребенка къ теплой груди и не постарался ласками ошереть его слезы. «

» Меня гошовили въ куклы для прихотливой скуки, для роскошной праздности, но музыка спасла своего питомца. Ей я всѣмъ обязанъ: она разорвала связь у минушны рожденія съ годами жизни и приворожила ко мнѣ сердце женщины,

которая была бы недоступна для меня, какъ скала Кавказа для козацкой лошади. «

» Правда, что музыка чуть не превращала моей головы въ разспроенный инструменшъ, моихъ мыслей — въ фальшивыя ноты; но, на краю гибели, на краю человческаго опчаянiя, она же подавала мнѣ утѣшенiя, неподвластныя ни какому горю и ни чьему произволу. Я пѣлъ, стоя у людей въ задней ширенгѣ; я скишался безъ приюта и пѣлъ, глодалъ черствый хлѣбъ и пѣлъ... Ахъ, покуда струна, покуда голосъ будущъ потрясашъ воздухъ, до пѣхъ поръ половина меня можешъ спрадашъ, но другая все будешъ

наслаждаешься! По неволѣ я спалъ учишься на флейшъ, но скоро приспраспился къ ней; музыкальныя способности развернулись во мнѣ. «

» Много лѣтъ прошло, какъ мало по малу я началъ знакомиться съ извѣстными арпистами въ Москвѣ, бросилъ флейшу, оказалъ большіе успѣхи на скрипкѣ и на фортепiano.... Наконецъ пѣніе сдѣлалось моимъ исключительнымъ занятіемъ. «

» Любители музыки дорожили моимъ дарованіемъ, звали на квартеты, заспавляли пѣть; но въ ихъ глазахъ я былъ только музыкантъ.... пѣвецъ.... или лучше ска-

запѣ, машина, коѣторая играещѣ и
ноещѣ, къ коѣторой во время игры
и пѣнія сѣюющѣ лицемѣ, а послѣ
поворачивающѣ спиною. Меня хва-
лили, и эѣта похвала пахла ми-
лосѣрдіемѣ; мнѣ удивлялись, и, въ
знакъ высѣкаго одобренія, ипрепали
но плечу; меня называли геніемѣ,
но шакѣ равнодушно, шакѣ спокой-
но, что видно никому не хотѣ-
лось на мое мѣспію, видно всякій
думалъ: » ты геній, да дѣло не въ
эѣтомѣ! « меня превозносили до не-
бесѣ, но шакѣ искренно, шакѣ оби-
дно, какѣ превозносишѣ человекѣ
все, чему не завидуещѣ, какѣ онѣ
радѣ иридши въ веспоргѣ опѣ
шѣго, кого считаещѣ ниже себя. «

» Я началѣ даваѣть уроки и эѣпимѣ.

средствомъ добывалъ деньги. Случай завелъ меня къ одному молодому человѣку; онъ не походилъ на другихъ. Фанашикъ музыки, пламенный поклонникъ искусствъ, онъ преимущество дарованія спавилъ чужь ли не выше всѣхъ преимуществъ; онъ меня, выброшеннаго изъ числа людей, копорыхъ можно назвашь, меня, музыканта, сажалъ за обѣдъ, рядомъ съ какимъ нибудь Коллежскимъ Ассессоромъ. Признаюсь, что его обращеніе показалось мнѣ сначала дико: я еще не привыкъ къ этому. Ему не было дѣла до того, что я, откуда я; онъ обходился со мною, какъ съ другими, и ошъ эшаго часно приводилъ меня въ краску. Мнѣ

было ново, неловко, когда онъ при
госпяхъ заводилъ со мною разгово-
ръ, или просилъ садиться....
Върьше, что не смѣшь съспь, не
знашь куда и какъ съспь—это са-
мое мучительное чувство!... За
що я шеперь вымѣщаю шогдашнія
спраданія на первомъ, кто попа-
дется. Понимаете ли вы удоволь-
ствіе отвѣчать грубо на вѣжли-
вое слово; едва кивнушь головой,
когда учпиво снимающъ передъ
вами шляпу, и развалишься на кре-
слахъ передъ чопорнымъ баричемъ,
передъ чиннымъ богачемъ? Моло-
дой человѣкъ, мой благодѣтель,
полюбилъ меня, какъ равнаго, какъ
друга. Я все время, кошорымъ
могъ располагать, проводилъ у не-

го. Онъ далъ мнѣ средства совер-
шенствованія мой талантъ, за-
ставлялъ меня читать книги, приу-
чилъ говорить по человѣчески, не
краснѣя, не думая, что я не стою
чести, чтобы со мной разговари-
вали. Словомъ, онъ пересоздавалъ
меня, счищалъ ржавчину съ моего
ума и съ моей души.»

» Жадно я хватался за книги;
но удовлетворяя моему любопыш-
ству, онѣ оскорбляли меня: онѣ
все говорили мнѣ о другихъ и ни-
когда обо мнѣ самомъ. Я видѣлъ
въ нихъ картину всѣхъ нравовъ,
всѣхъ спрасей, всѣхъ лицъ, все-
го, что движется и дышитъ, но
нигдѣ не встрѣшилъ себя! Я былъ
существо исключенное изъ книж-

ной переписи людей, нелюбопытное, незанимательное, кошорое не можешъ внушитьъ мысли, о кошоромъ нечего сказашь и кошораго не лзя вспомнишь.... Я былъ хуже, чѣмъ убишый солдащъ, заключенная пушка, переломленный шпыкъ или порванная спруна.... »

» У всякаго естъ годъ, естъ день, въ кошорый судьба прочишываетъ рѣшительный приговоръ его оспальной жизни, осмѣиваетъ шеплую вѣру въ легкомысленныя надежды или даетъ имъ живой образъ: шо наряжаетъ ихъ въ женщину, шо подноситъ въ мѣнѣхъ золоша. У всякаго въ жизни, какъ въ горячкѣ, естъ переломъ,

двѣнадцатый день, свое домашнее Вашерлоо.... И у меня былъ ша-кой годъ, такой день. «

» Человѣкъ, ошъ кошораго я за-висѣлъ, ошправился на жишье въ одну Губернію, съ намѣреніемъ исправить шамъ хозяйство въ своей деревнѣ и увеличить доходы; въ той же губерніи, въ томъ же уѣздѣ, находилась и деревня моего благодѣтеля. По сосѣдству, мнѣ позволено было жить у него: я уже пользовался нѣкопорою свободой. «

» Мы помчались шуда, на кру-ной берегъ Волги, и музыкальныя предпріятія роились въ нашихъ головахъ; но не знаю, ошъ чего

мысли мои сдѣлались мрачнѣе, и звуки родныхъ пѣсень спали ближе, поняшнѣ моему сердцу, чѣмъ самъ безсмертный Моцартъ.»

» Мой бранъ по музыкѣ имѣлъ въ деревнѣ много сосѣдей, познакомилъ меня съ иными, расхвалилъ мои дарованія, а попому я шопчасъ вошелъ въ большую честь у тѣхъ, копорые не знали, что дѣлалъ съ пальцами и голосомъ дочерей, и у кого фортепьяно было совершенно мершвымъ капишломъ. Въ качествѣ пріѣзжаго музыканша изъ Москвы, я сдѣлался деревенскимъ учишелемъ, — и, признаюсь, въ деревняхъ мнѣ оказывали болѣе почеша, чѣмъ въ сшолницѣ: конеч-

но, только опъ того, что мой покровишель никому не рассказываль моей испоріи, и не было нужды въ эшихъ объясненіяхъ. Къ тому же, его обращеніе со мною придавало мнѣ невѣроятный вѣсъ. Все шло хорошо, однообразно. «

» Однажды пригласили меня въ ближнюю деревню, къ одной почтенной спарушкѣ, чинобъ аккомпанировать, какой-то, пріѣхавшей барышнѣ. Я занемогъ немного и мнѣ не хотѣлось; но уговорили, увѣрили, что я опказомъ испорчу праздникъ. Эшо былъ день именинъ спарушки, и внучка ея должна была непременно пѣть, при песпиромъ собраніи госшей.

» Важность обстоятельство убедила меня. Я, преодолевая нездоровье, одѣлся понаряднѣе и отправился....»

» Замѣтите, что я уже умѣлъ довольно смѣло предсказать предъ многочисленное засѣданіе госпожиной. Когда я говорю »довольно смѣло:« эшо значить, что я уже ходилъ не на цыпочкахъ, что я уже спускалъ всею ногою, и ноги мои не нушались, хотя еще не было въ нихъ эшой красивой свободы, съ коюрою я теперь кладу ихъ одну на другую, подгибаю, шаркаю и спущу.... Я могъ уже при многихъ переищи съ одного конца комнаты на другой, оживлялъ вслухъ; но все мнѣ было покойнѣе держаться

около какого нибудь угла; но все, желая пощеголять знаніемъ свѣтской вѣжливости, я къ каждому слову прибавлялъ еще: съ.»

» Какъ весело взошло солнце въ эшопъ день!... О!... я шолько теперь чувствую, какъ хорошо его запомнилъ!... Онъ шущъ, онъ весь шущъ « (и здоровою рукою офицеръ билъ себя по лбу) » со всѣми подробностями, со всѣми мелочами!... Мнѣ кажется, я еще помню каждую спрую Волги, каждый цвѣшокъ, всѣ лица, всѣ звуки, все, на что я шогда взглянулъ или что услышалъ. Я могу пересказать вамъ эшопъ день съ шакою же ушомишельною шочностию, съ ша-

кимъ же убійственнымъ исчисленіемъ и словъ и обшояшельствъ, съ какимъ женщины пересказываютъ свои вчерашніе разговоры или наряды, а сшарухи свои сны.»

» Свѣшлый, прекрасный день, какихъ мало подъ нашимъ небомъ!... «

» Я ѣхалъ по нагорной споронѣ Волги. Она, подернушая лучами солнца, присмирѣла шогда въ неровныхъ берегахъ... шихо капилась, какъ будшо безсильный ручей! Кой-гдѣ, кресшьянскіе ребяпишки играли по ней въ своихъ челнокахъ... ни одной волны, ни одной бысшрой спруи.... О какъ я любовался нашей Волгой! Прохладный вѣшеръ обвѣвалъ меня! Чшо-шо

душистое было въ воздухѣ, что-то очаровашельное на эшой громадѣ воды, на эшомъ морѣ зелени по луговой споронѣ! Вѣрно, природа, какъ помѣщица, къ кошорой я слѣшилъ, праздновала свои именины. Въ эшу минушу я былъ болѣе человекъ, болѣе музыкантъ, чѣмъ когда нибудь. Мнѣ хопѣлось пѣшь, я чуялъ вдохновеніе.... но эшошъ порывъ внутренняго жара недолго подспрекалъ мои способности. Я доѣхалъ наконецъ шуда, гдѣ по общему правилу долженъ былъ вспрѣишь сполько грубыхъ ушей, сполько безошвѣпныхъ душъ, долженъ былъ прекращашь *allegro* въ *andante*, и *adagio* въ *allegro*, шо опшягивашь, шо гнашься

въ погоню за пискливымъ голосомъ, какой-нибудь, деревенской барышни. Мученическая должностъ учителя приучила меня къ равнодушному, къ ангельскому терпѣнію, и съ поникшей головой я былъ уже готовъ на жестокое испытаніе. «

» Передо мной промчалась къ крыльцу коляска въ шестъ лошадей. Мнѣ также хотѣлось подъѣхать за нею, но на перрассѣ передъ домомъ стояли госпи, и у меня не доспало душевной силы на такой отважный поступокъ. При подобныхъ случаяхъ, какой-то, досадный голосъ напоминалъ мнѣ: «коляска и ты — разница.» Я оробѣлъ, оставилъ свой экипажъ

у околицы и прокрался въ домъ, не будучи замѣченъ. Въ передней ожидала меня бѣда: должно было докладывать обо мнѣ, и мнѣ пришлось входить одному. Вы можете судить, что происходило въ моемъ сердцѣ; но волею-неволею, надобно было рѣшиться. Долго я поправлялъ волосы, опряхалъ пыль, наконецъ вошелъ, разумѣется, немножко бокомъ и держась къ спѣнкѣ. По счастію, карпина, поразившая меня, придавала мнѣ бодрости. «

» Много набралось шуда деревенскихъ сосѣдей и сосѣдокъ; но, какой-то, оригинальный беспорядокъ царствовалъ въ этой толпѣ. Беспорядокъ былъ во всемъ, и въ

плашьяхъ, и въ положеніяхъ, и въ лицахъ. Свободная, безпечная жизнь полей съ своею дикоспью, съ своей небрежноспью, съ своимъ своевольспвомъ, опражалась въ зеркалѣ эшого общесхва. Кой-гдѣ мелькало женское жемацспво, кой-гдѣ проглядывало лице, какъ буднѣ, упавшее съ неба. Тупъ завишые усы, шамъ нечесанная голова, шупъ жилешъ, опушанный золопою цѣпью, шамъ неглаженное плашье, но шупъ же и чепчикъ изъ Москвы съ Кузнецкаго моспа, шупъ же ловко спянушый спанъ и великолѣпно взбишые волосы.... Я подумалъ: нечего робѣть — и подошелъ къ хозяйкѣ.»

» Доспашочно дряхлая спарушка

сидѣла въ креслахъ, положивъ ноги на скамейку; передъ ней лежала вышитая по кавѣ подушка, которую она показывала усѣвшимся около нея барынямъ, и примѣшное чувство гордости, смѣшанной съ удовольствіемъ, одушевляло на время ея улыбку, ея безжизненные глаза. — »Эта мнѣ подарила Александрина,« — повпоряла она, важно поворачиваясь то на шу, то на другую сторону. «

» Я успѣлъ уже ей при раза поклониться, и вѣроятно, по милости подушки, долго бы продолжалъ кланяться, еслибъ, какая-то, молодая дѣвушка, которую я въ замѣшательствѣ не разглядѣлъ по-

рядочно, не шолкнула ея и не шеднула ей, чего-шо, на ухо, въ-рояшно, обо мнѣ; пошому чшо она пошчасъ обернулась, а вмѣспѣ съ нею и все почтенное засѣданіе, приподнялась на креслахъ и сказала: «

— » Ахъ, эшо вы, баиушка; покорно благодарю, чшо пожаловали; я объ васъ много наслышалась опѣ Владиміра Семеновича; говоряшъ, вы большой музыканшъ, а ко мнѣ приѣхала погоспитишъ музыканшша, внушка моя... Сашенька, поди сю-да! «... —

» И та, кошорую, конечно, звали Сашенькой, подошла. Признаюсь, мнѣ было не до Сашеньки: всѣ

глаза уставились на меня, и я горько, какъ на огонь; однакожь я робко возвелъ мои очи на внучку, и сердце мое шепнуло мнѣ: » она должна хорошо пѣть.«

—»Рекомендую вамъ внучку мою,« продолжала сшарушка, » ужь такая охошница до музыки!... Прошу ко мнѣ почаще жаловать: вы будете съ нею пѣть; ей надобно же не забываясь, чему училась. А гдѣ Владиміръ Семеновичъ? Чѣмъ же онъ не съ вами?« —

» Онъ поѣхалъ по дѣламъ въ городъ, — оповѣчалъ я; можешь быть сегодня вечеромъ ворошился.«

—»Ахъ онъ злодѣй,« сказала она, » совсѣмъ бросилъ сшаруху; я съ

нимъ за эшо побранюсь; онъ ваи не нахвалился. Не хошите ли, балюшка, взглянушь на подарокъ, какой сдѣлала мнѣ сегодня Александрина? « — и съ эшимъ словомъ она прощянула обѣ руки съ несною подушкой.... « —

» Скоро ли ты опшпустишь меня, думаль я, и между шѣмъ приспально смотрѣль, и неловко кланялся, и шевелиль губами, какъ будшо расхваливалъ ненаглядный подарокъ. Наконецъ спаруха унялась, проговорила: — » милоспи просимъ садись; « — ея госпи переспали мѣряшь меня съ головы до ногъ, пошому чшо, кпо-шо, еще приѣхаль: я сошелъ съ высшавки и перевелъ духъ. «

» Когда я опдохнулъ опть замиранія сшылливости, то вспомнилъ пошчасъ свой первый взглядъ на Александрина и ея первое впечатлѣніе на меня.»

» Она должна хорошо пѣшь, — вошь все, что мелькнуло мнѣ въ ней. По естественному порядку своихъ музыкальныхъ мыслей, я изъ угла комнаты началъ разглядывать это существо, кошорое должно хорошо пѣшь.»

» Я не скажу вамъ, что она поправилась мнѣ, не могу эшаго сказать; съ словомъ: *нравиться*, соединяется, какал-то, мысль о равенствѣ, а Александрина шакъ далеко стояла опть меня въ гражданскомъ

бышу, что я не догадся бы вдругъ, еслибъ. въ самомъ дѣлѣ она понравилась мнѣ. Нѣтъ, это чувство, при первой встрѣчѣ съ нею, не могло заглянушь въ мою душу, въ кошорой опъ униженія шакъ много было робоспи. Я смопрѣлъ на нее, какъ на каршину, кошорая не продается, кошорую нечѣмъ купишь; какъ на нопы, по кошорымъ предсказываль себѣ волшебное согласіе ихъ звуковъ; смопрѣлъ не какъ человѣкъ, а какъ музыкантъ.»

» Однакожь я разглядѣлъ эти голубые глаза, полные, какой — то, мечпательной жизни, эти щеки, гдѣ игралъ шонкій румянецъ весны, и живописную неспройность бѣло-

курыхъ волосъ, и легкій спанъ, и быспрую ножку. На ней было бѣлое плашье, за голубымъ поясомъ пукъ цвѣшовъ; она, шо и знай, подбѣгала къ бабушкѣ, пошому что ша безпреспанно ее кликала.»

» Будъ я шогда шѣмъ, что шеперь, я прочель бы на лицѣ Александрины, въ ея походкѣ, въ ея словахъ, эшо просшодушіе неопышнаго сердца, чисшаго, какъ снѣгъ на головахъ Эльборуса; эшу смѣлоспъ невинности, кошорая не боишся завпрашняго дня, пошому что не знаешъ еще, чего бояшся; эшу шеплошу души, кошорая не усшала ни ошъ любви, ни ошъ горя, ни ошъ радости.... Вошъ что

предспавилось бы моему воображенію, еслибъ я былъ шѣмъ, чшо шеперь; но нѣшъ, шогда всѣ эшѣ мысли я выразилъ для себя иначе. Я подумалъ шолько: »какъ она должна бышь добра!«

» Между шѣмъ какъ я разсма- шривалъ юную музыканшшу, рука моя невольнo поправляла галспухъ, или, сказашь по Русски, я невольнo охарашивался. Ошгадайше причину человѣческихъ движеній! Сшаруха опяшь, чшо-шо, заговорила со мной, но ея краснорѣчіе было прервано водкой и громкимъ возгласомъ: »ку- шаешь посшавили.«

» Я сидѣлъ бы за обѣдомъ, какъ въ пусшынѣ, пошому чшо никого

не зналъ, еслибъ не попался мнѣ въ сосѣди, какой-то, любитель музыки: онъ замучилъ меня своей музыкальной исторіей, рассказывалъ, какъ выучился на скрипкѣ и на чеканѣ, какъ составилъ оркестръ изъ дворовыхъ людей, чего ему это сползло, какъ ему нравились н-мольный концертъ, копорый онъ училъ, и наконецъ звалъ меня къ себѣ. Скучно было его слушать, но по крайней мѣрѣ, онъ былъ мнѣ за сползомъ поддержкою. Все молча въ кругу незнакомыхъ было для меня поже, что громко говорить при всѣхъ. «

» Мирно обѣдалъ я, вдали отъ

хозяйки, на унизишельномъ краю
спола; и по, какой-шо, особенной
смѣшливости слугъ, каждое блю-
до подавали мнѣ послѣднему, опъ
чего и случилось, что изъ множе-
ства раковъ мнѣ достался одинъ,
а спаржу, салатъ и клубничный
пирогъ я видѣлъ только въ по-
чтишельномъ разсвоаннѣ. Но этъ
маловажныя обстоятельствова не
въ силахъ были раздражить мо-
ей щекотливости. Для нея го-
товилось другое изшествіе получ-
ше, подѣйствительнѣе. Недалеко
опъ меня сидѣлъ, какой-шо, госпо-
динъ съ молчаніемъ на устахъ, съ
уныніемъ на лицѣ, худощавый и
по виду пречувствительный. Подъ
конецъ уже обѣда развязался его

языкъ, и онъ началъ, съ кѣмъ-то, разговаривашь черезъ споль. Я не обращалъ шуда никакого вниманія, завоеванный моимъ сосѣдомъ, какъ вдругъ мое сердце забилося, лице вспыхнуло и глаза остановились, прикованные къ этому худощавому, чувствительному человѣку. Чуткой слухъ мой поймалъ его слова:

— »А я сегодня обрабопалъ славное дѣло: продалъ двухъ музыкантовъ, по тысячѣ рублей шпуку.« —

Сосѣдъ мой замѣпилъ мнѣ на ухо:

— »Топчасъ видно не музыканта! Я ни за одного изъ своихъ и по двѣ не возьму.« —

»Вы понимаете, что я чувство-

валъ, чего мнѣ хотѣлось; но не то было время. Теперь я не посовѣтовалъ бы такъ распроспраняться при мнѣ про домашнія дѣла своего оркестра, а тогда я могъ только покраснѣвъ, задрожавъ и съ шоскою глубокаго оскорбленія взглянуть на другой конецъ шпола, шуда, на милую Александрину, какъ будшо за шѣмъ, чшобъ въ ея добрыхъ, человѣколюбивыхъ чертахъ найши защиту опъ обиды, чшобъ ушѣшишься, чшобъ помиришься съ людьми, увидѣвъ ѣа ея благородномъ лицѣ: она не скажетъ эшаго, она не продаетъ музыканша! Да, это было такъ.»

(Слезы навернулись на глазахъ

офицера; онъ вспалъ, прошелся по
комнатѣ и, наливая въ спяжаны
шампанскаго изъ пирешей бутыл-
ки, продолжалъ:)

» Обѣдъ кончился, какъ кончаю-
щаяся всѣ обѣды: наѣлись, напумѣ-
лись и вспали. Долго не могъ я
собраться съ духомъ послѣ жесто-
кихъ словъ; невольно задумывался,
не находилъ нигдѣ мѣста, а худо-
щавый человѣкъ все вершѣлся око-
ло меня и даже, узнавши, что я
музыкантъ, подлещѣлъ бесѣдовать
со мною. «

» Въ эпомъ мрачномъ располо-
женіи заспалъ меня часъ музыки.
Всѣ разбрелись, кто куда попалю;

я споялъ одинъ на шеррасъ, передъ кошорою большой кругъ былъ усаженъ полнымъ собраніемъ цѣшвовъ. Вдали раздавались пьяные нагѣвы мужиковъ, пировавшихъ также на именинахъ у своей барыни. Солнце садилось. Я весь погруженъ былъ въ мою судьбу, какъ вдругъ явилась передо мной Александрина: «

— » Не знаю ошъ чего, « сказала она, » бабушкѣ хочешся непременно, чшобъ я пѣла: не угодно ли вамъ посмопрѣшь: чшѣ бы выбрашь? Я никогда не пою при всѣхъ и шакъ робѣю.... « —

» Ея слова, ея голосъ освѣжили мое воображеніе; я подошелъ къ форшепіано; но не успѣли мы ни

порядочно согласишься, что ей пѣшь, ни сдѣлашь репетиціи, какъ припашилась бабушка, за нею барыни, а шамъ собрались почти всѣ. Мой сосѣдъ по объѣду, какъ знашокъ, расположился за моимъ спуломъ, а худощавый челоуѣкъ, будто Божіе наказаніе, прямо передъ моими глазами. Но тушь уже онъ не въ состояніи былъ оскорбить меня: у насъ не было уже ничего общаго. Пальцы мои коснулись клавишей, и душа моя перелетѣла въ другой міръ, гдѣ мы не могли съ нимъ встрѣпшиться.»

» Александрина спояла возлѣ меня и примѣпно робѣла; безпокойно поднималась ея грудь, бѣлая

какъ голубь на солнцѣ. Ахъ, когда послѣ нѣсколькихъ аккордовъ, вылезли изъ этой груди первые звуки, еще дрожащіе, еще боязливые, — право, чушь пальцы мои не онѣмѣли.... ноты исчезли, я обернулся къ ней.... Знаете ли вы что такое конпр-альпо, это соединеніе твердости и мягкости, силы и нежности, сладострастія и мужества, котораго недоспашокъ такъ ощутилелень въ сопрано? Знаете ли вы, что такое голубые глаза и шесшнадцашъ лѣтъ.... эшопъ блиспашельный мигъ въ женской жизни, эшопъ лучшій аккордъ Творца, обворожилельный, полный, въ кошоромъ слышно и небо и землю, кошорому нѣшъ по-

добнаго ни у Гайдена, ни у Моцарта?... У Александрины былъ чиспый консп-альпо, не довольно еще выработанный; но ей было шеспнадцать лѣтъ, но у нея были голубые глаза. Каждую минупу голосъ ея спановился смѣле, и сердце мое замирало опть упоенія!... «

» Она кончила; зашумѣли кругомъ нелѣпыя, заученныя восклицанія; всѣ хвалили: я одинъ не умѣлъ сказапъ ни слова. Бабушка цѣловала внуку и вдругъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— » Какъ вы находите, бапюшка, хорошо моя-то поепъ? « —

.. » Прекрасно-съ — опвѣчалъ я, и элился на себя за холодъ опвѣта.

— «Теперь ваша очередь,» продолжала спарушка и, разумѣшся, напомнила опяшь, что она слышалась обо мнѣ ошѣ Владиміра Семеновича. Александрина вершѣлась, не обращая на меня никакого вниманія. Я никогда не былъ такъ самолюбивъ, какъ въ эту минушу!... Сидѣшь незамѣченнымъ, молча, когда все кругомъ лепешало безъ связи, безъ смысла, когда она и не воображала, что я одинъ почувствовалъ ее!... Заставишь, чтобъ она также заглядѣлась на меня, чтобъ она также заслушалась — эта честоплюбивая мысль привела въ движеніе всѣ струны моего сердца. Моя стыдливосшь пропала; для меня уже не существовалъ никто, ни

бабушка, ни сосѣдъ, ни худошавый
человѣкъ, ни вся ѣша безшолковая
шолпа: передо мной спояли фор-
тепіяно и Александрина. Не знаю,
каково я пѣлъ; но она все подхо-
дила ближе ко мнѣ, переспала смо-
шрѣшь по споронамъ; глаза ея
оспановились на пѣвцѣ.... Ахъ, что
бъ околдовашъ душу, не надобно
говорить, не надобно умѣшь го-
ворить, надобно пѣшь. Слова —
умъ, душа — звуки; слова огра-
ниченны, какъ умъ; одни звуки
шакже неопредѣленны, какъ душа.
Я не спану пересказывать вамъ
шолковъ, кошорыми осаждали меня
мершвыя уста моихъ слушашелей:
я глядѣлъ не на нихъ, я ихъ не
слыхалъ. Александрина задумалась;

я наслаждался уже впечатлѣніемъ, которое было предметомъ всѣхъ способностей моей души; но шоржество мое продолжалось недолго. Мнѣ мечталось, что мы равны съ нею, что мы жили въ царствѣ музыки.... я позабылъ, кто я!... какъ вдругъ она несмѣло подошла ко мнѣ, и нѣсколько словъ, тихо сказанныхъ ею, такъ меня образумили, что я покраснѣлъ, вспалъ со снула, увидѣлъ опять и бабушку, и сосѣда, и худощаваго человѣка. Александрина слезала мнѣ что-то по Французски: она не думала, что можно хорошо пѣть и не знаешь этого языка; она полагала, что я воспитанъ въ ея пониманіяхъ, что равенство дарованія равняетъ насъ во

всемъ... но ошиблась, но разшерзала меня. Не помню, какъ я опѣлался ошъ прокляшой фразы. Привхалъ Владиміръ Семеновичъ; пѣніе возобновилось, я оправился. Александрина говорила уже со мной по - Русски, говорила много, говорила сладко. Когда мы, съ моимъ благодѣшелемъ, спали сбирапсья въ дорогу, шо бабушка ошвела меня въ спорону, повшорила, чшобъ я ѣздилъ давашь уроки ея внучкѣ, и совала мнѣ въ руку сколько-шю денегъ. Я не взялъ. Александрина шакже звала меня, но, слава Богу, не давала денегъ. Мы поѣхали. Коншральшо, голубые глаза и Французскій языкъ не выходили у меня изъ головы; мѣсяцъ свѣ-

нилъ на Волгу, но мальчишки не играли уже по ней, и въперъ спрашно колыхалъ ее.»

» Смѣшно сказать!—я на другой же день присѣлъ за Французскую азбуку: Владиміръ Семеновичъ сдѣлался моимъ учицелемъ. Какія мученія выперпливалъ я! Языкъ мой зашвердѣлъ опъ лѣтъ; напрасно я переламявалъ его упрямство: онъ сохранилъ характеръ перваго воспитанія. За то, ручаюсь вамъ, что никшо не проклиналъ Французовъ сполько, какъ я!...»

» Какъ досказываетъ вамъ мою чудную исторію? Какъ передашь ея рѣчи, ея взгляды, ея любовь, котораа облагородила мое сердце,

но заразила его мспишельнымъ негодованіемъ, неисцѣлимымъ ропошомъ? Любовь показала мнѣ ясно, лучше чѣмъ всѣ разсужденія, что подѣ мною не было никого, и сколько надо мною!... Вы догадываетесь, какъ часто я видалъ Александрина. Ихъ домъ походилъ на совершенное уединеніе: бабушка, и она. Часто мы оспавались съ нею одни; мы пѣли, и шунтъ сѣввались сердца наши. «

» Эшопъ рубецъ не обезображивалъ еще моего дѣла, и лице мое не было опалено южнымъ солнцемъ. Я былъ моложе. Вы не поверите, съ какою дѣтской радостною выбгала она ко мнѣ на вспрѣчу, ко-

гда я приѣзжалъ, и какимъ огнемъ горѣли ея глаза, когда я пѣлъ! «

» Ахъ, истинной привязанности къ искусству надобно искать въ полѣ, въ глуши деревень, гдѣ роскошь и суеда не прищипываютъ чувствъ, гдѣ подъ необразованной одеждой бьется свѣжее сердце! Ахъ, чѣмъ узнать, хорошо ли вы поете, слышишь ли въ васъ святая искра дарованія, надобно, чѣмъ вы пѣли не въ сполницѣ, надобно, чѣмъ васъ слушала шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ блондурами волосами! «

» Наединѣ съ Александриной я уже не робѣлъ, говорилъ смѣло;

какое-то нелѣзное чувство равенства съ нею заглушало во мнѣ память о моемъ сословіи. Это былъ міръ музыки, міръ спраши. Но, оставляя Александрину, я переселялся въ міръ существенный, и мѣрилъ мысленно необъятное пространство, раздѣляющее насъ. «

» Тутъ не было мѣста надеждѣ, тушъ мнѣ не помогало легковѣріе человѣческое. Никакая мечшашельная голова не могла бы поспроить воздушнаго замка, гдѣбъ мы очутились вмѣстѣ, въ объятіяхъ одинъ другаго. Тяжкая мысль! Однако же я принималъ мѣры, чшобъ вырваться изъ подъ ига судьбы. Я зналъ, что Александри-

на не можешь быть моею; но не могъ жить безъ нея; но былъ бы несчастнѣйшій изъ людей, еслибъ она меня не любила; но, кажешся, заръзалъ бы того, кто разлучилъ бы насъ. Дни проходили: каждый былъ для меня и горе и радость. Не лзя выразишь, что я въ это время передумалъ и почувствовалъ. Я торопился жить: у меня не было будущаго. Мы давно догадались, что любимъ другъ друга, и все не высказывали этого: какъ будто, предчувствіе останавливало насъ обоихъ; какъ будто, мы предвидѣли, что слово: *люблю*, спрашно, что съ нимъ выстуняшь предразсудки, пресупленія, смерть. Оно было цѣлю, до ко-

порой я не желалъ достигнуть:
послѣ не оставалось ничего. Я не
могъ осуществивъ мечты любви,
шакъ мнѣ хотѣлось все мечтать,
продолживъ до нѣльзя эшо нерѣ-
шенное положеніе двухъ сердецъ,
не сочинявъ развязки къ эшой
обворожищельной драмѣ. Но какъ
удержалъ въ границахъ разсудка
и сказахъ себѣ: шы не пойдешь
дальше? «

» Часно, какъ водилъ, мы на-
мѣтали другъ другу о нашей шай-
нѣ. Такъ, на примѣръ, я споялъ
однажды за спуломъ Александрины,
кошорая чишала бабушкѣ Руслана
и Людмилу. Сшихъ: *»пастухъ! я
не люблю тебя,*« она произнесла

выразишельно, а между тѣмъ зажала пальцомъ часпицу *не* и украдкой взглянула на меня. Много бывало шакихъ намѣковъ съ обѣихъ сторонѣ, но дошло наконецъ до объясненія. «

» Однажды я приѣхалъ вечеромъ; мы расположились въ залѣ занимались музыкой; сшарушка сидѣла въ дальней комнашѣ за пасьянсомъ. Глаза Александрины были заплаканы, и прежде чѣмъ я успѣлъ спросить: опъ чего?... она сказала печально:

—» Вообразише, я должна ѣхалъ опъ бабушки: намъ должно разсшашься. «

» Я не помню, что я ей пупъ опивчалъ; помню только, что щеки мои пылали; что я держалъ обѣими руками ея дрожащую руку, на кошорую падали мои крупныя слезы, кошорую жгли мои поцѣлуи. Она вырывала руку, и между нѣмъ успа ея произносили кляпву, что она никого не будетъ любить, кромѣ меня; что, кромѣ меня, не будетъ ни за кѣмъ. «

— » Что вы сказали? кому вы поклялись? « говорилъ я — и кровь оспанавливалась въ моихъ жилахъ и шуманъ заспиалъ глаза. — » Ахъ, вы созданы не для меня: для васъ другая дорога, для васъ и любовь, и счастье, и цвѣшны, и весна, и весь

Божій свѣтъ; вамъ ли думашь обо мнѣ? Чтò я? откуда я?»

Александрина заливалась слезами и боязливо, съ пошупленнымъ взоромъ шептала увѣренія, копоры дышали чистой, безкорыстной спрасью, въ копорыхъ каждый звукъ былъ чувсво, глубокое, искреннее чувсво.... Ахъ! какъ она была хороша! какъ я былъ гордъ въ эшу минушу!... Я уви-дѣлъ новую жизнь, новый свѣтъ!... Въ первый разъ ошчаянье припна-илось въ моемъ бунпующемъ серд-цѣ; въ первый разъ разсудокъ переспалъ мучишь меня. Безъ спра-ха, со всѣмъ легковѣріемъ любви, со всею безсмыслицей надежды, я произнесъ наконецъ свой приговоръ:

— » Знаете ли, на кого вы смо-
прише? Знаете ли, кто споймъ
передъ вами? Знаете ли, кому вы
поклонились?... Я крѣпосной чело-
вѣкъ.»

» Я выговорилъ смѣло и оро-
бѣлъ. Я вдругъ почувствовалъ, что
нѣтъ болѣе равенства между нами,
и выпустилъ ея руку. «

» Не такъ быстро свалился я
съ лошади, когда Персидская саб-
ля разнесла мнѣ черепъ, какъ по-
блѣднѣла моя Александрина и упа-
ла ко мнѣ на руку. — На этой
рукѣ, заклеенной Турецкою пу-
лей, лежала она!.... Нѣжное пово-
реніе!... Отъ одного слова не успѣ-
ла на ногахъ! Мнѣ нужно было

шолько назваць себя, чшобъ испугашъ самую горячую любовь.... Повѣрише ли? я безъ жалоспи взглянулъ сперва на ея закапшвщіеся глаза, на ея помершвѣлое лицо.... Какое-шо глубокое презрѣніе къ женской слабоспи охолодило мое сердце. Я сказалъ слово, но я былъ шошъ же.... Кудажь дѣвались краснорѣчивыя взгляды, алыя щеки, эша жизнь первой весны, эшошъ яркой цвѣшъ красоны и юноспи?... Обморокъ обидѣлъ и меня и любовь.»

» Но едва мелькнула эша мысль, какъ я вспомнилъ, чшо у меня на рукѣ лежала милая, добрая, чувствшвительная Александрина, ангель,

освѣтившій мою душу непорочнымъ огнемъ, источникъ всѣхъ возвышенныхъ волненій моего сердца, моя единственная мечта, мое благородство, моя честь, моя слава!... »

» Я сжалъ ее въ судорожныхъ объятіяхъ и поцѣловалъ.... Она не очнулась даже и отъ эшаго поцѣлуя. На мой крикъ прибѣжали люди и бабушка.»

(Офицеръ поставилъ опорожненный спаканъ, оперся локтемъ лѣвой руки на колѣно, положилъ лице на ладонь и задумался. Все спало кругомъ насъ. Онъ просидѣлъ, молча, нѣсколько минутъ. Потомъ,

не перемѣняя положенія, принялся опятьъ разсказывать).

— » Чтò съ побою? ты разспро-
енъ? ты вѣрно знаешь? « сказалъ
мнѣ Владиміръ Семеновичъ, когда
я вошелъ къ нему въ комнапу. «

— » Чтò шакое? Ничего не знаю «
опшвѣчалъ я.

— » Я сей часъ опъ швоего бари-
на, « продолжалъ Владиміръ Семе-
новичъ; » я предлагалъ ему наконецъ
за себя 10 тысячъ рублей. Онъ
говорилъ, что шеперь съ радостію
бы взялъ, но не можелъ, а не мо-
желъ пошому, что, какъ я узналъ,
деревня, къ кошорой ты припи-
санъ, и ты самъ, проиграны. Толь-
ко не опчаявайся: я думаю, мы

найдемъ средства сладинъ съ шво-
имъ новымъ господиномъ, жопъ,
сказывающъ, онъ человекъ шяже-
лый. Куда же шы? «...

— » Пойду въ свою камнашу
спашь....«

» Я вышелъ, я шелъ, не знаю ку-
да; вся кровь вспушила мнѣ въ
голову; вѣчнось спраданій умѣ-
спилась въ одну ночь; по насшоя-
щему, я опкупился шогда опъ
нихъ на цѣлую жизнь и въ здѣш-
немъ и въ будущемъ мірѣ!... Какіе-
шо спрашныы образы лешали пе-
редъ моими глазами; кшо-шо на-
шешшывалъ мнѣ на ухо про смерть,
про мщеніе.... То казалось, что я
вижу свадебный ужинъ, за кошо-
рымъ сидишъ Александрина съ же-

нихомъ, а я спую у нихъ за спую-
ломъ, съ шарелкой, и женихъ при-
казываетъ мнѣ: »Пепрушка, подай
воды!« То казалось.... (шутъ офи-
церъ засмѣялся, но его губы за-
тряслись, шочно, онъ судороги
гнѣва), что я вижу моего бывшего
барина.... за споломъ, на копоромъ
лежатъ кучи золота и карпы...
блѣднаго... разспрепаннаго.... онъ
держался за пящерку и кричитъ:
» бейте , идите оспальное , и Пе-
прушка ваша.... Я его ни за какія
деньги не хотѣлъ опускаться на
волю, но шакъ и бытъ, бейте.«...
и пящерка падаетъ на право.»

» Эти опврашищельныя привидѣ-
нія носились передо мной по ши-

рокой Волгѣ, она буншовала подъ моими ногами.... Я помню, что я сползъ на ея крушомъ берегу, я смошрѣлъ въ бездну, я мѣрилъ разстояніе между жизнью и смертію... Я помню, что я очутился въ спальнѣ моего барина.... Лампада шеплилась передъ образами, и первые лучи утренняя зари прокрадывались сквозь закрытые ставни. У меня въ рукѣ была бритва. Я смѣло подошелъ къ кровати, съ ошвагой убійцы ошдернулъ занавѣсъ, но.... я говорю правду.... рука моя опустилась прежде, чѣмъ я увидѣлъ, что въ постели никого не было. Да, у меня не достало бы силы на такое дѣло. Все однакожь, я долженъ благодарить Провидѣ-

нѣ, что онъ не ночевалъ дома: онъ проигрывалъ послѣднее и — проигралъ. Жаль, что мы теперь не можемъ встрѣшиться съ нимъ! Вѣрно онъ предчувствовалъ, что на землѣ негдѣ ему спрячаться отъ меня, и спрягался на при аршина въ землю. Богъ ему судья!... онъ сдѣлалъ лучше, что пославилъ меня на каршу.»

» Я споялъ у постели, всѣ члены мои дрожали, холодный потъ капился съ лица и языкъ повпорялъ невнятно: » злодѣй, убійца!...« Изнемогая и тѣломъ и душою, я повалился передъ образами, но не могъ молиться: у меня не было ни одной ясной мысли, ни одного по-

нящаго чувства. Все перепуталось: и безуміе любви, и ненависть, и униженіе, и гордосць, и рай, и адъ.—Я лежалъ и вглядывался въ Распятіе, спараясь вспомнить, что оно значить. Сердце мое такъ спучало, что я испугался наконецъ: мнѣ послышалось, что кто-то идетъ. Съ ужасомъ вскочилъ я, спряпалъ бризку и выбѣжалъ изъ спальни, какъ Гамлетъ, преслѣдуемый тѣнью отца. Въ передней догарала свѣча, и человекъ, мой собратъ, дождавшійся барины, спалъ крѣпкимъ сномъ. Тутъ я пришелъ въ себя и отправился домой, но не могъ уже успокоиться. Перемена судьбы сдѣлалась для меня необходимою, воздухомъ, безъ котораго

не лѣзя дышашь. Сибирь, голодъ, морозъ, Нерчинскіе рудники—я все эшо перечелъ себѣ по пальцамъ въ одну ночь и вывелъ заключеніе, что тамъ мнѣ будешь лучше. На другой же день я бѣжалъ, пригладилъ волосы, вздѣлъ армякъ и запустилъ бороду. Мнѣ хошѣлось, по обычаю Русскихъ бѣглецовъ, пробраться въ Одессу, а если поймаюшъ, назвашься непомнящимъ родства. Цѣль моего побѣга была: попасшъ въ солдашы, или умерешъ отъ своей руки. — Когда мнѣ предсхавлялось, что я солдашъ, шо, какой-шо, лучъ надежды сверкалъ передо мною, и Александрина являлась шушъ съ своею улыбкой. Дома я осхавилъ письмо, что бро-

сился въ Волгу. Все дѣло въ рѣшимости: я рѣшился — и мнѣ стало легче. «

» Не зная порядочно дорогъ, не имѣя ни малѣйшаго свѣденія о припонахъ, гдѣ гостепріимные хозяева дають ночлеги удалцамъ Руси, я бродилъ, какъ Каинъ. Голая, осенняя земля бывала часомъ мнѣ поспелью, а засохлый хлѣбъ — пищею. Но на послѣдней ступени униженія и нищеты, глазъ на глазъ съ жизнію, кошорую судьба разоблачила ошъ всѣхъ соблазновъ, и показала мнѣ безъ прикрасть въ безобразной нагошѣ.... у меня были шоржеспвенныя минушы! «

»Представыше себѣ челоувка безъ

родныхъ, безъ друзей, безъ знакомыхъ, словомъ: одного на землѣ; шолько съ шемнымъ воспоминаніемъ о какомъ-шо голосѣ, о какой-шо женщинѣ!... Предсавьте, что эшошъ человекъ идешъ по необозримой степи, смопришъ на небо, усьянное милліонами звѣздъ, и поешъ: я пѣлъ, что пѣвала она.»

» Теперь вообразише себѣ Земскую Полицію, Уѣздный Судъ, душную шюрму уѣзднаго города.... Вообразише заклеяменныя лица и лица, пригошовленныя, сошворенныя для клейма: эшо были мои судьи, мое жилище и мои шоварищи. «

» Меня взяли, какъ безпаспортна-

го, и привели къ Исправнику. Онъ прежде допроса схватилъ меня за ворошъ и замахнулся; но Богъ спасъ насъ обоихъ. Блоспишель благочинія и порядка, вѣрно, хошъль шолько начашъ, съ чего слѣдуешъ, и поспращашъ меня, но не ударишъ; а я видѣлъ уже минушу, какъ неумышленный судья полетишъ вверхъ ногами къ подножію зеркала. «

» Не помню родныхъ, не знаю, какъ меня зовушъ, не знаю именъ, ни городовъ, ни селъ, гдѣ проходилъ и ошпанавливался, не знаю никого и ничего: — вошъ чшб ошвѣчалъ я Исправнику и въ Уѣздномъ Судѣ, спараясь смягчишъ свой голосъ и принимая видъ по-

корноспи. Меня судили, какъ непомнящаго родсшва, и долго судили. Наконецъ насшупилъ часъ моего искупленія. Все на свѣшѣ кончаешся, кончилось и мое дѣло. Я былъ приговоренъ въ солдашы и посшупилъ въ арешаншскія рошпы. Съ чѣмъ сравнишь мой погдашній востпоргъ?... Пшица, выпущенная въ Благовѣщенье изъ клѣшки, преступникъ, прощенный подъ шопоромъ палача, могли бы вамъ дать поняшье о чувсшвѣ, съ копорымъ я надѣлъ сѣрую шинель!... Никому жизнь солдаша не предсшавлялась въ шакихъ очаровашельныхъ краскахъ! Я дышалъ свободно, я смощрѣлъ смѣло, меня уже не пугала барская прихошь; я сдѣлался слу-

гою не людей, но смерти; я зналъ, что она не выдасстъ своей жершвы. Тогда открывалась Персидская война. Разумѣешь, меня замѣтили между моими товарищами: мой голосъ, музыка внушили участіе; я повѣрилъ свою шайну одному доброму начальнику и попалъ въ дѣйствующую армію. И у меня наконецъ явилось будущее: поле, шпыки!... Не разъ я цѣловалъ солдатскій мундиръ, обливая его слезами... О, благодарносшь къ нему проспынешъ развѣ тогда, какъ глаза мои засыплются землею!... Топишельные переходы, знойное солнце, всѣ военныя шягоспи не подавили моихъ душевныхъ силъ, не опшяли у меня ни бодрости,

ни надеждъ. Ни одной минутой я не ропсалъ на мой новый жребій, я былъ ему радъ до изскупленія, онъ дѣлалъ меня человѣкомъ.... Какъ ребенокъ, повсюду я себя: » ты солдатъ! « — и сердце мое билось весело, и смѣло улыбался я при мысли о своемъ баринѣ. Съ какимъ поэтическимъ прелепемъ увидѣлъ я въ первый разъ это поприще, гдѣ падающіе люди не по выбору, а кто попадется, гдѣ презрѣніе къ жизни можетъ задушить человѣческое лицепріятіе и поставитъ первымъ того, кто споялъ послѣдній!... Съ какой опчаянной рѣшимостью бросился я, когда въ первый разъ услышалъ дикій крикъ смерти и

побѣды!... » Ружья на руку, скорымъ шагомъ, маршъ! « Мнѣ нужно было вымесшшъ на комъ нибудь все прошедшее. Мнѣ казалось, что каждый Персіянннъ былъ моимъ баринномъ, былъ сшупенью къ рукъ Александрины. «

» Послѣ того сраженія, гдѣ мы подѣ градомъ непріательскихъ каршечъ шли черезъ мостъ на пришпуть, распѣвая пѣсню: *По мосту, мосту*, я получилъ первую награду, солдашскій Георгій. Онъ былъ мнѣ данъ по приговору моихъ шоварищей. «

Офицеръ переспалъ рассказы-
вашь, но, опускаясь на диванъ и

смыкая глаза, проговорилъ почти шепотомъ: » сдержала ли она свою кляпву? « Сальныя свѣчи давно уже были перемѣнены, четвертая бутылка Шампанскаго допила и лошади гошovy. Признаюсь , я досадовалъ, что пошорочился пригласить его къ себѣ.... Онъ казался мнѣ спрашенъ, я чувствовалъ невольное опшращеніе къ нему, не умѣя объяснить причины.... Но дѣлать было нечего. Я спарался дорогой вывѣдать, кто такой его бывший баринъ, кто такой Владиміръ Семеновичъ и кто Александрина? увѣрялъ, что, можетъ быть, дамъ ему объ нихъ свѣденія; но онъ не хотѣлъ называть никого. Онъ опвѣчалъ мнѣ, что Алексан-

дрина легко могла забыть его, шакъ за чѣмъ же пяпнашь молодую дѣвушку, кошорая сама не знала чпо дѣлала, кошорая, вѣрояшно, сохранила доброе имя, если и нарушила кляшву?»

Какъ онъ былъ разговорчивъ за виномъ, шакъ послѣ сдѣлался молчаливъ и во всю дорогу спалъ. Мы приѣхали поздно вечеромъ наканунѣ именинъ жены. Мнѣ сказали, чпо она больна и легла уже въ постелю. Я умиралъ опѣ нешерптѣнія видѣшьясь съ нею послѣ продолжительной разлуки, но не рѣшился разбудить ее: не было счастья, кошорагобъ я не опдалъ за ея здоровье, за одинъ мигъ ея покоя.

Какъ она обрадовалась мнѣ на другой день! Заигралъ румянецъ на блѣдномъ лицѣ, запрыгали слабые глаза. Я объявилъ ей, что привезъ гостя; но принявъ его она не могла, и даже не могла обѣдать съ нами, а общала выдпи къ концу стола, если силы позволятъ.

Много собралось къ намъ соседей, копорые съ большимъ почпеніемъ смотрѣли на моего офицера. Какъ онъ былъ хорошъ въ мундирѣ! Какой мужеспвенный видъ! Какая спройность! Какое выраженіе въ черпахъ! Прекрасные волосы, раны, широкая грудь, увѣшанная крешами: — все привлекало

вниманіе, все говорило воображенію. Только видно было, что онъ успалъ опъ Рязанской госпитальницы, пошому что сначала былъ чрезвычайно задумчивъ. Мы обѣдали довольно шумно, хотя мои сосѣди не смѣли очень развернувшись при великолѣпномъ офицерѣ. Къ концу сполна разшумился и онъ; праздникъ спалъ веселѣе, и я послалъ сказать женѣ, что мы пьемъ ея здоровье.

Въ самый развалъ обѣденнаго пира двери изъ ея комнаты распворились и показалась она, еще томная, слабая. Всѣ вспали. Я подошелъ къ ней, чтобъ представить офицера; но когда, прошаги-

вая руку, обернулся къ нему съ словами: вошь моя жена.... онъ споялъ окаменѣлый, онъ не двигался съ мѣста, глаза его замерли на ней.... Всѣ кругомъ кричали: »чеснь имѣемъ поздравить васъ, Александра Дмишріевна, со днемъ вашего Ангела!...«

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ офицеру, но едва успѣла проговорить: »я очень рада случаю....« какъ спрашно поблѣднѣла, подошла къ нему ближе, но не договорила, зашашалась и, облакачиваясь ко мнѣ на руку, шепшала: »другъ мой, мнѣ дурно.« Офицеръ не шевелился, не раскрывалъ рта и во всѣ глаза глядѣлъ на мою жену. Я ошвелъ ее; она упала на кро-

вашъ и умирающимъ голосомъ повторяла: »напрасно я вышла, я такъ еще слаба!« Думаю, что я посмощрѣлъ на нее довольно выразительно.

Когда я воропился въ споловую, всѣ оглушили меня вопросами: »какова Александра Дмишріевна? что съ нею? напрасно, кажется, она изволила выдши.« Мнѣ было не до опвѣшовъ!... Онъ еще споялъ шупъ, все шопъ же, ужасный, какъ шѣнь въ Макбешъ!... Онъ еще не опвелъ оцѣпенѣлаго взгляда опъ двери, въ кошорую вышла жена! Наконецъ ноги его подогнулись, точно сами собою; онъ сѣлъ; выпустилъ изъ руки рюмку и спалъ кусаъ губы.

Мерпвая пишина продолжалась до конца обѣда....

Послѣ, мой спутникъ поклонился мнѣ, молча, и пропалъ. Та, кошорая поклялась ему, ша, кошорую онъ поцѣловалъ....

(На эшомъ мѣсѣ въ рукописи не лѣзя разобрать многихъ словъ: онъ забрызганы чернилами, по видимому онъ шого, что перо было брошено на бумагу.)

Я подсмотрѣлъ однажды какъ.... плакала украдкой.... мнѣ.... шѣсно съ нимъ подъ однимъ солнцемъ.... мы вспрѣпились.... оба вмѣспѣ упали. Онъ не всшалъ, я хромаю.

APPENDIX.

Je me trouve dans la position de cette jeune fille à qui sa compagne demande la nomenclature exacte de ses amans. » Je me souviens très-bien d'Auguste, de Charles aux yeux bleus, d'Edmont, d'Alfred, du petit peintre et du grand médecin; mais après cela je m'embrouille... répond-elle.

CASTIL-BLAZE. /

Въ Большомъ Театрѣ играли одну изъ шѣхъ безчисленныхъ піесъ, кошорыхъ никто не слушаешъ; но представленіе было усилено балетомъ, а балеты привле-

кають зришелей, пошому чпо
многіе жишели Москвы сохранили
еще въ цѣлоспи привычки осьмнад-
цатаго сполѣпія. Многіе говоряшъ
съ учаспіемъ о Новеррѣ, Веспри-
сѣ, Дюпорѣ, какъ о мужахъ слав-
ныхъ, забышыхъ понапрасну не-
справедливими попомками; восхи-
щаюшся изящными группами Дидло,
какъ произведеніями, доспойными
луча безсмершія!...

Какимъ образомъ появились ба-
лешы на Руси, гдѣ спыдливоспъ
была доведена до шакой точки
совершенспва, чпо красавицы рож-
дались, цвѣли и ошцвѣшали уеди-
ненно, въ высокихъ шеремахъ; гдѣ
еще не всѣ борода обришы; гдѣ о

зефиръ мѣсяцевъ девять нѣтъ по-
мину?... И что такое балеты?
Что въ нихъ для насъ, для вѣка
историческаго, политическаго, эконо-
мическаго? Они, можешь быть,
способны подогрѣть студеною се-
мидесятилѣтнюю кровь — и поль-
ко! Что въ нихъ для мысли и для
души 1834 года?...

Но объ этомъ послѣ... Моя рѣчь
клонится къ тому, что я не лю-
блю балетовъ, и что въ театрѣ
было много, что есть: раекъ, верх-
ніе ряды ложъ и сцупья пуспы, а
бель-этажъ, бенуары и почти всѣ
ряды креселъ полны. Собралась
публика, у кошорой за обѣдомъ
подаешь бѣлый хлѣбъ, единствен-

ная мѣрка нашей образованности. Морозъ не закушалъ еще никого въ свою шажкую одежду, и на полунагія лилеи порхающей Флоры никшо не поглядывалъ изъ подъ медвѣжьей шубы. Небрежно раскинувшись на креслахъ, поводили невнимательными лорнешами Московскіе денди, Чайлд-Гарольды, Онѣгины. На концѣ вшораго ряда, сидѣлъ молодой чловѣкъ и посмашривалъ на ближнюю ложу; но шолько женскій глазъ могъ догадаться, что его двурога шрубка, блуждая въ пространствѣ залы, ошпанавливалась не случайно на одномъ и шомъ же предметѣ. Молодой чловѣкъ, кошораго имя начинается буквою Т, упошреблялъ всевозмо-

жныя уловки, чѣмъ не дашь никому замѣтить, куда онъ взглядываетъ; но шубка измѣняла. Въ пощемкахъ огромнаго шеафра, гдѣ трудно разглядѣть кого-нибудь просвыми глазами, она помогаетъ сказать: » я смопрю на васъ « ; но съ нею никакъ не лзя прищвориться и увѣришь женщину, что » я не на васъ смопрю. « Т. перевершывался безпреспанно на креслахъ, волновался и шѣломъ и душою, вспоминая въ опривкахъ испорію любви, несбывшіяся надежды. Прошлыя зашѣи разпаленнаго воображенія , смѣшная роль влюбленнаго , кошорый не самъ осшавиль, а кошораго осшавили — всѣ эшѣ мысли производили спра-

шную сумашоку въ его головѣ и сжимали ему сердце. » Она смошрипѣ на меня приспально, « думалъ Т., » она узнала меня, она вспомнила!... мы разочшемся, увидимъ, кшо будешъ смѣшонъ. «... Краска высупила у него на лицѣ, а между шѣмъ, во время аншракшовъ, шолпилась сладосшраспная молодежь съ лорнешами, наведенными на ту же ложу. Нѣкопорыя барыни, высовываясь изъ бенуаровъ, спрашивали: »скажише, гдѣ сидишъ Польская Графиня? « Каждому щеголю по очереди показалось, чшо она взглянула на него, а пошому каждый, попеременно, облакачивался о перегородку оркесшра, закидывалъ голову назадъ, и, лѣлѣя

бакенбарды легкимъ прикоснове-
ніемъ указательнаго пальца, при-
нималъ изнѣженный видъ беззабо-
днаго счастливица. Но Польской
Графини не было въ шеапрѣ, а
была Русская Княгиня ***. Ее не
все знали. Она, года полтора на-
задъ, исчезла изъ Москвы еще не-
вѣстой, вышла за мужъ и воро-
тилась въ столицу не болѣе двухъ
дней. А шакъ какъ мы имѣемъ вы-
годное мнѣніе о Польскихъ краси-
цахъ, и какъ вообще человѣку не хо-
чешся никогда объяснишь новаго
явленія естественнымъ образомъ,
надобны во всемъ чудеса: шо въ шеа-
прѣ разнеслась молва, что пріѣха-
ла Польская Графиня, у кошорой
мужъ, по полишическимъ общоя-

пельсшвамъ, бѣжалъ за границу, при побѣгѣ былъ раненъ Польскимъ уланомъ, принявшимъ его за Русскаго, и отъ этой раны умеръ черезъ недѣлю.

Пунцовый плащъ Княгини, презрительно сброшенный, висѣлъ за ея спиною въ живописномъ безпорядкѣ; лѣвая рука, играя обворожиительно лорнешпомъ, по лѣниво опускала его, по прикладывала къ прекраснымъ глазамъ шакъ небрежно, шакъ равнодушно, какъ будто Богъ не сотворилъ ничего, чшобы споило ея приспальнаго взгляда; кисть правой руки, обшянушая Французскою перчаткой, роскошно покоилась на полинявшемъ бархатѣ ложи; черная шаль, красиво

спущенная съ пышныхъ плечъ, лежала на сгибахъ локшей и спана волнистыми складками, выказывая цвѣтисный узоръ каймы, богатую шкань восшока; шемные волосы опшѣняли разпусшившіся розы щекъ и чернѣлись въ прорѣзахъ бѣлаго креповаго шока, на кошоромъ пушисныя перья марабу колебались шихо, повинуюсь шомнымъ движеніямъ своенравной головы; гошическіе браслелы, безпресшанная улыбка, полу-оживленный взоръ, скользящій по сценѣ и по зришелямъ — все засшавляло мечшашъ, все закрадывалось въ сердце. Княгиня была хороша, очень хороша!... я опшвернулся опъ нея: я подверженъ бессонницамъ.

Она узнала молодого человека, понимала, что онъ смотритъ на нее, и первая встрѣча съ нимъ послѣ долгой разлуки, послѣ многихъ кляпвъ въ вѣчной вѣрности, сначала смущала ее; но, мало по малу, смущеніе прошло, свѣтское равнодушіе взяло верхъ, и глаза ея встрѣчались часто съ глазами Т., шарыми знакомыми. Между тѣмъ, какъ онъ считалъ себя единственнѣйшимъ предметомъ ея вниманія, Княгиня удѣляла свои взгляды и другимъ, особенно одному спройному адъютанту, конюрый, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, совершенно обратился на ея ложу.

Спектакль кончился, и Т. спол-

кнулся въ сѣняхъ, разумѣется нечаянно, съ Княгиней; неловко было не поклониться; онъ поклонился молча, пошому чшо онѣмѣлъ ошѣ негодованія и не пригошовился еще къ разговору. Княгиню сопровождалъ широкоплечій мущина средняго росна, и вмѣшпшого, чшобѣ — по долгу учшшвосши и покровишельспва, кошорымѣ сильный обязанѣ слабому — очищашѣ дорогу, онѣ спокойно шагаль по слѣдамѣ жены, предѣспавляя ей право продирашѣся первой сквозѣ невѣжливую шолпу.

Ворошась домой, Т. спросиль чаю, впусшилѣ пальцы одной руки

въ волнистые волосы, а другою схватилъ развернушый томъ, только что показавшагося тогда романа: *Церковь Богоматери въ Парижъ*. Первые слова, что попались ему на страницъ, были: *c'était indéfinissable et charmant...* Онъ долго сморщилъ въ книгу, не перевертывая листа; наконецъ она полезла на диванъ, а онъ вскочилъ и началъ ходить большими шагами. Масло-вое стекло лампы, споявшей на столъ, разливало шусклый свѣтъ. Человѣкъ принесъ чай, Т. не видалъ; человѣкъ предложилъ халашъ, онъ не слыхалъ; но шевелилъ губами, какъ будшо разговаривая съ кѣмъ-шо; шо кусалъ ихъ, какъ будшо досадуя на что-шо. На его лицѣ

вырѣзалось то состояніе души, когда непоспоянныя, безпредѣльныя мысли ея привязывающся всѣ къ одному предмету; когда, неопвязанныя, умѣщающся онѣ въ шѣсныя границы одного чувства, одной слѣрасши.... или лучше сказать, когда мучительная лихорадка оскорбленнаго самолюбія бѣесть духовный составъ человѣка.

» Подай прубку, зашопи каминъ, вынеси лампу, « проговорилъ Т.

Эштѣ опривисшыя приказанія послѣдовали одно за другимъ послѣ длинныхъ промежутковъ молчанія и служили доказательствомъ, что привычка не осшавляешъ насъ и въ бреду.

Засверкалъ огонь, запрещалъ каминъ, въ кошоромъ еспъ всегда что-шо мечшашельное, шаинспвенное, похожее на очагъ какого-нибудь колдуна. Т., сбросивъ сюршукъ, ворочалъ головни, и съ его шрубки бѣжала на нихъ густая волна дыма.

Магическіе лучи, разсѣкая мракъ комнашы, прокрадывались къ картинамъ и эстампамъ, развѣшаннымъ по стѣнамъ. Призраки воображенія, воплощенные кистью, напоминающіе то объ адѣ, то о небѣ, внезапно показывались и внезапно пропадали. Тамъ въ сумракъ виднѣлся разбишый корабль Вернеша; тушь мгновеннымъ блескомъ заго-

рались чершы Байрона: буря природы и буря души!...

Погруженный въ прошедшее, Т. повшорилъ себѣ мысленно всѣ малѣйшія обстоятельствова обманушой любви, вспомнилъ, какъ женщина явилась ему съ кашпановымъ локономъ, съ черными, полуденными очами, соблазнишельная юностью, ласковая взоромъ, пыльная рѣчью. Какъ спрашно она любила, какъ много общала!

» Рѣзвое дытя,« разсуждалъ Т., смошря въ каминъ, »она выбрала меня игрушкой, поиграла и бросила; шеперь мнѣ хочешся поиграть, я не умру съ опчаянія! Развѣ я приспавалъ къ ней: любите меня!... Раз-

въ я вздыхалъ, развѣ я шѣшилъ
ее прищорной сладостью похвалъ
и удивленія? О, какъ я любилъ ее!»

Т. начиналъ опять безпокойно хо-
дитъ по комнашѣ, изобрѣщая сред-
ства, какъ удовлетворить оскор-
бленную любовь, чѣмъ успокоить
бунтующее самолюбіе, — но шрудно
мспить женщинѣ! Она защищена
или слабостью или вѣщреностью:
шо не почувствуешь, шо внушишь
учасіе.

Кипайскія шѣни мыслей смѣня-
лись проворно въ разгоряченномъ
воображеніи, и ни одна не была
по душѣ юному спрадальцу.

» Пусшишь въ свѣтъ ея пись-

ма, « — думалъ онъ, — » низко!... «
пушъ, вынувъ изъ бюро пукъ бу-
магъ, Т. бросилъ ихъ въ огонь. » Зас-
тавивъ ее при всѣхъ краснѣть, пре-
слѣдовавъ повсюду колкими насмѣ-
шками, не дававъ ей покою — ма-
ло, мелочно: всѣмъ покажешся,
что я не равнодушно перенесъ
измѣну, что я спрадаю, словомъ,
что не я первый бросилъ ее! О,
для чего она не мужчина? ... мнѣ
легко бы было спряхнувъ ярмо
обида! Еслибъ я могъ найсти въ ея
сердцѣ свѣжую рану и вложивъ
пуда свои пальцы, чтобы она за-
спонала опъ боли, обезумѣла опъ
оскорбленія!... Да, да! «... глаза его
заблиспали ярче камина... » еспъ
обида поняшная, чувспвишельная

только одному полу, а не обоимъ, сошворенная для женщины. «

Тутъ Т. позвонилъ, спросилъ: кошорый часъ? и сказавъ: »одѣвашься! я поѣду въ башмакахъ и въ карешѣ«, расположился передъ шуалешомъ. Помада новѣйшаго изобрѣшенія посшавила сшоймя зыбкій локонъ хохла, и великолѣпный узелъ чернаго апласнаго галспука прилегъ къ высокой груди. Въ двѣнадцать часовъ Т. не было уже дома.

— »Какъ миль! какъ разговорчивъ! Онъ спалъ любезнѣе обыкновеннаго! Бывало все молчишь, да ходишь, не упросишь танцовать!«

Такъ вездѣ, куда Т. ни появлял-

ся, шептали между собой наблюда-
тельные особы прекраснаго пола.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ прилежно
спарался нравиться: вершѣлся,
разсыпался, силился показать, что
угорѣлъ въ чаду свѣща, что безъ
ума веселъ и безъ памяти счаст-
ливъ!

Княгиня замелькала въ вихрѣ
залъ, и наспунила минуша заш-
мѣнія для сіяющихъ звѣздъ парке-
та. Всѣ взгляды, всѣ восклицанія,
все было для нея и все была она!
Ея улыбка напоминала міръ ребен-
ка, ея очи переносили въ міръ
спраспей. Ласково смотрѣла она и
на шого и на другаго, но иные
подозрѣвали, что ей особенно пра-

вишся адьюшаншъ, о кошоромъ я упомянулъ. Когда на одномъ балѣ Т. подошелъ къ ней въ первый разъ, приглашая вальсировашъ, боязливо подала она руку и пошупила взоры. Чпо ни дѣлай, каковъ ни будь, а совѣсно вспрѣпишьясь съ человѣкомъ, прошивъ кошораго былъ неправъ. Другія чувства умирають; чувство справедливости все живетъ.

— » Вы на долго, Княгиня, въ Москвѣ? « спросилъ Т.

» Не знаю, « отвѣчала она; » какъ вздумается мужу. « — Последнее слово задрожало у нея на языкѣ.

» Вы разлюбили вашу родину:

она прежде такъ вамъ нравилась! «
продолжалъ Т.

» Ахъ нѣтъ! я все люблю ее, но
есть обязанности. . . . »

Княгиня не успѣла докончить,
потому что подлестѣлъ адьюшантъ
и помчалъ ее по залѣ.

Т. возобновилъ знакомство, не
доказывалъ Княгинѣ, что она ви-
новата, а рѣзвился съ нею, шу-
тилъ, забавлялъ. Язвительная на-
смѣшка была у него готова для
всякаго, кто имѣлъ несчастіе при-
влечь ея вниманіе. Болѣе другихъ
досаждалось адьюшанту.

Она слушала, смѣялась; однако

же не пренебрегала ни кѣмъ изъ осмѣянныхъ, пошому что очень охотно говорила со всѣми и шанцовала. Иногда Т., вальсируя съ Княгиней, жалъ ей руку: онъ извинялся поэпическимъ забвеніемъ; она не сердилась.

Въ одно утро, его кареша пересшла скрыпѣшь по снѣгу возлѣ дома уродливой архишекшуры, но за то недавно выкрашеннаго, на кошоромъ-то изъ радіусовъ, пролегающихъ отъ города въ Кудрино, подѣ Новинское и на Дѣвичье поле. Въ эшо время Княгиня сидѣла за канвой, часто клала иголку и, опрокидываясь на бархашныя подушки кушешки, посмаш-

ривала съ нешерпѣніемъ на двери. Зимнее солнце, прокрадываясь мимо малиновыхъ споръ, шо проводило свѣтлую полосу на шелковомъ узорѣ упоительной ножки, шо рисовало лешучій кружокъ на алой щекѣ. Кружевная оборка чепчика, накинушаго на приглаженные волосы, служила рамкой миніашюрному порпирешу, въ кошоромъ живописецъ безсовѣстно польсшилъ женщинѣ. Распущенныя ленты шо падали на мягкія округлоспи плечь, шо спруились по апласу безмятежной груди. Княгinya была въ бѣломъ плашьѣ и въ голубомъ передникѣ изъ шали. Когда ей доложили о прїѣздѣ госшя: »проси! уѣхалъ ли Князь?« ошвъ-

чала она и, какъ ни была хороша, а все подбѣжала къ зеркалу.

— » А я на аукціонъ, « сказалъ ей мужъ, вспрѣшившись въ передней съ Т.

Наряженный какъ кукла, выставляемая поршными въ образецъ моды, Т. былъ не веселъ. Его одежда носила всѣ примѣны свѣтской ничтожности; на лицѣ его шлагошли суровыя думы, знакомыя только уединенію. » Эпой ли любви хошѣлъ я! « проговорилъ онъ самъ себѣ; и вдругъ грустные черты просіяли: онъ стоялъ передъ Княгиней. Она не сдѣлала никакого движенія, привѣтствовала госпа не эшимъ поклономъ, ко-

шорый шакъ швердо выучень , шакъ обыкновенень и шакъ правильно холоденъ, но другимъ, но поклономъ взгляда, поклономъ улыбки; не пошашнулась впередъ, не привспала, а все поклонилась, какъ умѣешь кланяшься шолько хорошенъкая женщина и какъ никшо, кромѣ ея, не долженъ кланяшься.

Удивишься красотѣ не унизишельно , не пропивно успавамъ ушонченныхъ госпиныхъ ; и Т. ошдалъ ей справедливую дань удивленія. Набожно оспановился онъ въ дверяхъ, не смѣя пересшупить порога, не смѣя подойши близко къ ушренной Княгинѣ: она ушромъ была лучше, чѣмъ вечеромъ.

— »Подойдите, чшб вы спа-
ли?» и эши рѣзвые, мягкіе звуки
напомнили юношѣ иное время,
иныя минушы счаспія.

»Эшошъ же голосъ слыхалъ я ког-
да-шо! . . .« подумалъ онъ, и сдѣлалъ
нѣсколько шаговъ, и вспыхнулъ, и
его рѣчь закипѣла... но ни слова о
прошедшемъ: онъ пощадилъ Княгиню
опъ намековъ, онъ не жилъ прежде,
не чувспвовалъ, не видывалъ ничего
похожаго на нее, и шолько воскли-
цаніе: »ахъ, за чѣмъ вы за мужемъ!«
вырвалось, какъ признакъ схоронен-
наго чувспва, какъ искренній крикъ
расшерзанной души.

Княгиня не дала опвѣща, но
сложила ладони, какъ складываютъ

ихъ, прося прощенія, и, наклонивъ голову немного на одно плечо, взглянула шакъ умильно, что ошець проспилъ бы ей послушаніе, мужъ невѣрносшь, а женщина красопу. Т. сидѣлъ возлѣ Княгини; румянецъ игралъ ярче на ея свѣжихъ щекахъ; слезой помишельнаго желанія пошускнѣли ея полузакрытые глаза; она не имѣла силы поднятъ руку, упавшую нечаянно на шею молодого человѣка; уже онъ почувсшвовалъ на губахъ жгучее дыханіе полуоткрытыхъ устъ; уже обворожишельный сшанъ, какъ молодая пальма, нагибаемая шихимъ въшпромъ, изнемогалъ въ сшрасшномъ шомленіи; уже канва полешѣла на-поль; уже леншы

чепчика 'прикоснулись къ бархашу подушки.... какъ вдругъ Т. сбросилъ проворно руку Княгини и ошснулъ назадъ: насмѣшливая улыбка явилась какъ молнія, онъ схватилъ шляпу, поправилъ волосы и самымъ учпивымъ пономъ, съ убійспвеннымъ хладнокровіемъ, сказалъ:

» Княгиня, ради Бога извини-
ше меня! Я опъ васъ ничего не хо-
чу, у васъ еспъ свящья обязанности,
а мнѣ вы, другая... все равно....
Ради Бога, извинише меня! «

Голова Княгини, перекинувшись
черезъ подушку, не носила на се-
бѣ никакого признака жизни. Т.
посмотрѣлъ, засмѣялся и вышелъ.

— » А я съ аукціона, « сказалъ ему Князь, вспрѣшившись опять въ передней.

Пышка самолюбія кончилась. Въ эпошъ день былъ балъ, на кошорый съѣхалась почти вся Москва. Туда явился и Т., но уже безъ цѣли, пакъ, по привычкѣ, уже не за шѣмъ, чшобъ шанцовашъ и любезничашъ. Онъ входилъ въ залу; насмѣшливая улыбка еще оспавалась на его лицѣ, и онъ воображалъ, чшо всѣ замѣшаяшъ его шоржесшво, и жалѣлъ шолько о шомъ, чшо Княгиня не скоро опомнишся, чшо не скоро удасшся ему увидѣшъ, какъ она поблѣднѣешъ, по краснѣешъ, окаменѣешъ при вспрѣчѣ съ нимъ.

» Она очаровашельна, она непоспужима! « шумѣла шолпа около Французской кадрили, и всѣ лорнешы были обращены въ одну сторону.

Безпечно, лѣнливо подошелъ Т. и вспрѣшилъ шумъ Князя, который просянулъ ему руку, и вспрѣшилъ шумъ Княгиню, которая взглянула на него мелькомъ, перелешая съ адъюпаншомъ на другой конецъ кадрили. Сладкая рѣчь лилась съ ея бѣглаго языка, веселый взоръ ласкалъ кавалера; она была милѣе обыкновеннаго, она была вечеромъ лучше, чѣмъ упрямъ. Я отвернулся отъ нея: я подверженъ безсонницамъ....

ЯТАГАНЪ.

• Il avoit à la main une espèce de vilain cou-
telas «...

• Un ataghan?...» dit Chateaufort qui aimoit
la couleur locale.

• Un ataghan.» Reprit Darcy avec un sou-
rire d'approbation.

LA DOUBLE MÉPRISE.

I.

**О, какъ шелъ къ нему кавале-
рійскій мундиръ!... какъ весело,
какъ живо, какъ ребячески вершыл-
ся онъ передъ зеркаломъ!... какъ
ловко перехватывалъ по нѣсколь-**

ку разъ свою шляпу, надъ копо-
рой раскидывались, свершывались,
дрожали чистыя, уклончивыя вѣп-
ви бѣлаго пера!... То рѣзво бро-
салъ онъ ее подъ лѣвую руку, шо
важно опускалъ къ правому колѣну,
принимая сшепенное положеніе,
прищуривая глаза и спараясь сгор-
бишь немного прямизну своего
спана. Съ какою нѣгой ложились
его благородные пальцы на черный
миніашюрный усь, гдѣ юные во-
лосы, недавно пробившись на свѣшъ,
были ярки цвѣшомъ, какъ вороне-
ная сшаль! Эшопъ усь не походилъ
на гусшой, суровый, безпорядоч-
ный, висячій усь закоренѣлаго сол-
дана, эшопъ усь не закопшѣлъ еще
въ дыму сраженій, не вымокъ въ

лагерной чашѣ. Опъ него не задрожалъ бы непріятель, не обомлѣлъ бы жидъ, не заплакала бы беззащитная сирота, не забѣгалъ бы опрометью полоумный практиричикъ и не пришихъ бы ревнивый мужъ. Это былъ усь не для бивакъ, не для башарей, а для госпинной, для женщины, для того только, чпобъ опшѣнишь румянецъ губъ и бѣлизну зубовъ, чпобъ придашь лицу рыцарскую прелесшь, напомнишь какой-нибудь романсъ, поединокъ, сшранспвующую любовь, а не сѣвернаго богатыря. Какъ пріятно рисовались шелковистыя рѣсницы юноши, когда онъ опускалъ довольный взглядъ на свои новыя эполеты! Хошя шо-

гда не было еще эпалетовъ кован-
ныхъ , мешалическихъ , прекрас-
ныхъ , но за то не было и звѣздочекъ,
губительныхъ для честолюбія Кор-
нелы, кошораго душа рвешся въ
Рошмиспры. Пошому-то, можешь
быть, онъ посматривалъ на свои пле-
чи съ особеннымъ удовольствіемъ.
Часовая цѣпочка молалась на его
красивой груди, горѣли пуговицы,
блескъ шемлякъ, все было, го-
воря по проспу, съ иголочки—и
его гибкіе, спройные члены, его
движенія дышали искренней ра-
достью. Онъ могъ уже обѣдать у
Андріе, промчаться въ коляскѣ,
явиться съ лорнешомъ въ пешпръ
и блеснуть на Невскомъ проспек-
тѣ. Онъ не спанешъ уже высма-

приваѣшь издалека, не идешъ ли Полковникъ, не ѣдешъ ли Генераль, и если возмъ него мелькнушь живые глаза, локонъ, ниспадающій шарфъ,—онъ не будешъ уже погруженъ въ думу о безпокойномъ словѣ: пальцы по швамъ. Часпо при-спукивалъ онъ нога объ ногу, и его шпоры звенѣли, и необыкновенно одушевлялся его оспрый взоръ, какъ будпо заранѣе онъ шѣшился мыслію, что эши звуки ошдадутся въ сердцѣ избранной красопы, когда она, облешая съ нимъ роскошную залу, прильнешъ къ его замирающей рукѣ; какъ будпо онъ предчувснпвовалъ, что по эшимъ звукамъ спанупъ ошгадывалъ его нешерпѣливые шаги, какъ будпо

думалъ... но чего не думаешь человѣкъ, прочищавъ въ приказахъ, что онъ уже не юнкеръ, а корнешъ? ... У кого съ эшимъ чиномъ не связаны воспоминанія дѣтскихъ восшорговъ, въ копорыхъ было шакъ много надежды, любви, свободы и, что всего лучше, много молодости! ... Единшвенный чинъ, младшій, чешырнаццатый членъ огромнаго семейства, но милѣ всѣхъ своихъ брашьевъ! ... Придушъ другіе чины! ... время и шерпѣніе опсчишающъ ихъ всякому, какъ слѣдующее жалованье за жизнь, придетъ все: и генеральство и звѣзды, да не придетъ молодость корнеша! ... Вишые эполеты повиснушъ на плечахъ, да не будешъ

уже двѣсшвеннаго взора, чшобъ полюбаваться ими.... шогда уже другое! шогда уже мысль о власти!... чшо-шо мрачное, шаинственное, коварное!... Корнешъ, первая крѣпкая сшупень, съ кошой не видно куда приведетъ, и какъ шашка лѣспница, называемая жи-знію: первое чувство равенства съ другими, первое позволеніе наслаж-даться какъ другіе!... Корнешъ не шо, что Коллежскій Регисшрашоръ, изчадіе чернилъ, рабочій грязныхъ судовъ, безотвѣшный шруженникъ опрятныхъ канцелярій, кошорый расшешъ, по маленьку, надъ без-смыслицей прозы, въ духомѣ че-тырехъ сшѣнь!... Корнешъ не шо, что студентъ, получившій ашше-

спашъ: спуденшъ, еще не доучась, танцуешъ на балахъ, повязываешъ галшукъ по послѣдней модѣ, сидишъ знашокомъ въ театръ, играешъ роль; спуденшъ можешъ скрышъ, что онъ еще учишся... а пошому чувсшва юнкера, надѣвающего офицерскій мундиръ, не лѣзя объяснишъ доспапочнымъ сравненіемъ. Въ эпомъ чувсшвѣ сполько неопредѣленнаго!... Важность смѣшана съ ребячесшвомъ, суепливосшъ чесполобїа и спокойсшвіе успѣха; можешъ бышъ, удовлетворенная зависшъ, можешъ бышъ, сродное человѣку желаніе имѣшъ менѣе начальниковъ.... словомъ, я не знаю что.... шолько всякій, кому бы случилось наблюдашъ, какъ

мой корнешъ примѣривалъ мундиръ, всякой заглядѣлся бы на него или съ учашіемъ, или съ насмѣшкой!... Эшо была минуша, когда онъ смѣлѣе бы прыгнулъ на коня, понесся бы по полю, Богъ знаешь куда, и влюбился бы безъ памяти въ первую, кошорая бѣ приласкала его.... минуша румянца, быспропы, щедрости, прекрасныхъ замысловъ, опѣ кошорыхъ рѣзвыя мысли шо кружашся надъ землей, какъ чистыя голуби, шо взвиваюпися къ небу, какъ жужжащая ракета.

Воспоргъ молодого челоуѣка покажешся естественнѣе и понятнѣе, если я означу эпоху его производсхва въ корнешы.

Эшо случилось въ шѣ недавніе годы, какъ женскіе лифы были короче и какъ военные, кромѣ армейскихъ пѣхотныхъ офицеровъ, шоржесшвовали на всѣхъ сценахъ: ошѣ паркеша вельможи до избы Спанціоннаго Смопришеля. Мундиръ бралъ въ полонъ балы и не дожидался лошадей. Для мундира родишели сажали сына за мапемапику и хлопощали съ дочерью; для мундира лелѣяла дѣвица Богомъ данную ей красощу; для мундира юноша собирался жишѣ. Вѣчная ли надежда пайдти подѣ блиспапельнымъ плашьемъ блиспапельную душу, временное ли присшрасшіе къ военной славѣ, какъ ко всякой другой, или врожденная въ насъ

наклонность къ песпрошѣ, наклонность, отъ которой иные жили земнаго шара раскрашивающъ свое шгло—неизвѣстно что внушало предпочтеніе, только весь первый планъ живыхъ картинъ общества былъ уславленъ спройными фигурами, на кошорыхъ играли яркія краски всѣхъ цвѣтовъ, а одноцвѣшный фракъ споялъ далеко, шеряясь въ пошемкахъ заштенной перспективы. Онъ прокрадывался по госпиннымъ робкими шагами незваннаго госпя, и ничей взоръ не слѣдилъ его, и ни-кто не справлялся о немъ: билось ли подъ нимъ жаркое сердце поэта, текла ли медленная кровь дипломаша. Все благоговѣло передъ

мундиромъ или бредило мундиромъ. Никто не предвидѣлъ будущей судьбы фрака, что онъ выступишь впередъ, хвасшая глубокомысліемъ, просвѣщеніемъ, образованностію, что всѣмъ захочется чему — то и для чего-то учишься, бывъ пружинами, заводишь фабрики. Только иногда нѣкоторыя аристократки, полуразрушенные памяшники пудры, сохранившія долготѣпную привязанность къ вѣку болѣе изнѣженному, болѣе раздушенному, оскорблялись рѣзкостью движеній, ошпрывисною рѣчью, и позволяли себѣ возвышашъ голосъ прошивъ общаго мнѣнія, упрекая военныхъ въ шомъ, что ошъ нихъ пахнешъ казармами.

Въ эту эпоху юнкеръ былъ пожалованъ въ корнеты. Онъ принадлежалъ къ великому числу тѣхъ корнетовъ, которыми опцы оставили въ наслѣдство какіе — по рассказы о Кинбургской кость, о взятіи Измаила, о Попемкинѣ, о золотыхъ временахъ; какое — по имя, уцѣлевшее на бумагѣ черезъ нѣсколько вѣковъ, но имя безъ дѣлъ, безъ преданій, безъ малѣйшаго подвига, достойнаго чьей нибудь памяти; оставили какую-то неизсякаемую родню, разбросанную по лицу Россіи, по захоластьямъ деревень и по ярмаркамъ Московскихъ госпитальныхъ; какія — по души, заносимыя снѣгами, закопченныя дымомъ...

вмѣстѣ же съ эѣимъ — банкротство. Покойный отецъ Корнеша пироваль, какъ всѣ опѣы прошлаго столѣтія, и развалины состоянія не могли бы доставить ему средствъ, для удовлетворенія возраспающимъ потребностямъ образованной жизни, еслибъ его мать не посвятила ошпатка дней своихъ на ежеминутныя заботы о спокойствіи, о благосостояніи, о щегольствѣ сына. Онъ былъ ей единственной связью съ дѣйствующимъ свѣтомъ, опѣ котораго давно опказалась она, осудивъ себя на вѣчную ссылку въ деревню, гдѣ годы и часы заставали ее съ той же думой, съ той же привязанностью. Послѣ пышной распочительности въ мо-

лодоспи, она погрузилась въ преклонныхъ лѣсахъ во всѣ мѣлочныя хлопоты хозяйства, толькобъ сынъ ея не задумался надъ расходами необходимой роскоши, толькобъ конь ея сына шакже красиво рылъ землю, какъ конь перваго богача. Образъ ея жизни, ея разговоры, ея письма представляли утѣшительныя доказательства мажериной любви, чистой, попечительной, неперепушанной съ другими корыстными чувствами — любви, кошорая не упрекаетъ въ равнодушіи, не мститъ за неблагодарность, не обманываетъ и не пристаетъ: «будь со мной, живи и умри возлѣ меня.» Если часшо такая любовь, какъ все прекрасное, достаетъ

ся недостойному, но крайней мѣрѣ, ашо пошлое правило не лѣзя, мнѣ кажешся, примѣнишь къ корнешу, пошому чшо онъ рѣдко пропускалъ почшу и безъ лѣни бралъ перо, когда надобно было писашъ къ машери. Къ шому же шопчасъ, послѣ производсва, загорѣлось въ немъ желаніе просишься въ опшускъ. Конечно онъ хошѣлъ обрадовашь ес, раздѣлишь съ нею свое восхищеніе; а можешъ бышь, досадуя, чшо ни кшо въ Пешербургъ не засуешился вмѣстѣ съ нимъ и не замѣшилъ, чшо на бѣломъ свѣшѣ спало однимъ офицеромъ больше, онъ хошѣлъ поскорѣе шуда, гдѣ, вѣрояшно, заглядяшся на него, примушь на сердце всѣ прелесши гвардейскаго мун-

дира ; гдѣ ешь и радостныя слезы машери, и деревенскія сосѣдки, и невиданные глаза, и губернский городъ. При всякомъ возвыщеніи хочешся удивишь кого бы то ни было, какъ при всякой мысли, кошорая намъ нравилась, хочешся высказать ее шому, на кого она сильнѣе подѣйствуешь. . . .

Прошло сколько-то времени, и веселый Корнешъ скакалъ по Тульской дорогѣ, прикрикивая на Шпанціонныхъ Смопришелей и буяня немного съ извозчиками....

Поздно вечеромъ подѣхалъ онъ къ сшаринной обишели своихъ предковъ. Мѣсяць бросалъ нѣсколько

лучей на огромныя и вѣшкія хоромы. Никто не шевелился, только ночной спорожъ колошилъ въ до-ску.

Въ первый разъ увидѣлъ Корнешъ эшопъ домъ, гдѣ жили его опцы, гдѣ живешъ его машъ, опкуда столько любви долешало къ нему до Пешербурга.... Взоволнованный, онъ шоропливо выпрыгнулъ изъ коляски: «машушка вѣрно почиваешъ», проговорилъ камердинеру и въ эшихъ звукахъ сказала прекрасная минуша сердца!... По маленьку поднялась сумашоха.... забѣгали огни.... «Молодой баринъ, молодой баринъ», зашумѣли по дому.... вдругъ появилась дрожащая

сшарушка въ спальномъ планшѣ, всплеснула руками и съ крикомъ: » Сашенька, другъ мой! » упала расплаканная въ объятія сына.

Бьется сердце во многихъ объятіяхъ, при многихъ встрѣчахъ: ешь друзья, жены, невѣсты.... ешь горячіе поцѣлуи и радостныя слезы, но нѣтъ слезы чище, нѣтъ поцѣлуя опкровеннѣй, какъ слеза и поцѣлуй матери! . . . Весь эпопгъ корыстный міръ пріязни, склонностей, спрасстей, лобзаній, и кляшвъ, и восторговъ не можешь проникнуть въ сокровеннѣйшіе изгибы нашего сердца и наполнишь его такимъ швердымъ убѣжденьемъ, шакой свѣшлой увѣренностью, съ

какою сынъ кидается на грудь мапери! . . . Не только пруды, заботы и всѣ вещеспивенныя удовольствія она приносишь ему на жертву, лучшее чувство души, невыразимую радость свиданія, свое высочайшее наслажденіе — спынишь отдашь за его спокойствіе. Она исчезаетъ, шочно нѣтъ ея.

—» Сашенька усшалъ съ дороги,
» Сашенькѣ надо ошдохнуть, приго-
» шовьше поскорѣй комнапу, что
» возлѣ кабинеша. Ты, другъ мой,
» спишь на шюфякѣ или на перинѣ?
» Да пы весь въ пыли, да чшожь
« Сашенькѣ ужинашь? «

Напрасно онъ говоришь: »я не

» усшалъ, я не хочу спать, позволѣше
» мнѣ побыть съ вами«.... она не вѣ-
ришь, она все хлопочешъ, какъ бы
уложивъ Сашеньку, а сполько лѣтъ
не видалась съ нимъ, а шакъ при-
сшально смошришь на него!...

»Ты, право, похудѣлъ съ дороги,...
» мнѣ и въ голову не приходило
» ждашь себя: ни слова не писалъ...
» Завпра швое рожденіе, другъ мой;
» шы зналъ? ... у меня обѣдаешъ
» Князь съ дочерью; я думаю, шы
» помнишь его, шы ужъ былъ не ма-
» ленькой.... Здравствуй, Павелъ,
» здравствуй,«.... Камердинеръ Кор-
неша цѣловалъ руку у барыни, и
она плакала ошъ радости, чшо ви-
дишь Павла.

Между шѣмъ въ дверяхъ гостинной, гдѣ происходила эша сцена, шрудная для описанія, потому что ошшѣнки маперинской любви шакже нѣжны и неуловимы, какъ цвѣшъ яснаго неба,—между шѣмъ въ дверяхъ начали мелькашъ полурасшрепанныя прически, сонныя лица и съ робкимъ любопытствомъ выглядывали изъ слабо-освѣщенныхъ комнашъ. Наконецъ собралась безпорядочная шолпа, удивительно разнообразная въ нарядахъ. Впереди спарая няня Корнеша и кормилица, за ними большая часть природныхъ дворовыхъ и нѣсколь-ко происшедшихъ. Всѣ, сперва, въ церемоніальномъ порядкѣ, а шамъ, наперерывъ, бросились по Русски

прикладывашься къ ручкѣ молодого барина, кошорую онъ по Нѣмецки не давалъ. Съ такимъ усердіемъ и съ шакою насшойчивосью они ловили его руку, что еслибъ не замѣшались шупъ няня и еще кой кто, сшарѣ Корнеша, по крайней мѣрѣ, впрое, то человекъ несвѣдущій сказалъ бы: » эшо отецъ, эшо дѣши! . . .

Послѣ шрогашельныхъ и поучительныхъ каршинъ, послѣ различныхъ изліяній души, производившихъ опъ разныхъ побужденій, у кого опъ любви, у кого опъ привычки, послѣ замѣчаній о красопѣ, о роспѣ, о мундирѣ Корнеша, замѣчаній сдѣланныхъ машерью, няней

и кормилицей вслухъ, публично, а прочими за угломъ, не въ барскомъ присушствіи, — словомъ, послѣ ужина, пріѣзжаго уложили. Онъ давно спалъ, а машь не спала.

Завтра рожденіе сына! Чѣмъ подарить его? Надо, чтобы, проснувшись, онъ увидѣлъ подарокъ передъ собой! Кошорый посланъ въ Цесарбургъ—не успѣлъ. Пошли большія хлопоты!...

Няня съ Кормилицей позваны къ барынѣ на совѣтъ: каждая подавала мнѣніе; но, какъ на многихъ совѣсахъ, каждое мнѣніе было не хорошо. Распворили шкафы, перерывали сундуки! То дурно,

шо нейдепъ, шо не понравився, и горничная, копорая опшправляла должносшь секретаря, шо есшь все дѣлала, и вынимала, и клала, и приносила, — начала уже заботишься о здоровьи барыни:

» Вы, право, сударыня, занемо-
» жеше ; вѣдь посмошрише, ужъ
» почши совсѣмъ разсвѣло.»

Въ это время нерѣшимости и неудачъ, когда у всѣхъ, даже у няни съ кормилицей, кромѣ одной машери, обнаружилось большое понолзновение ко сну, въ это время она вспомнила объ одной вещи!... Вещь прекрасная, приличная военному.... но есшь примѣша

примѣша народная, примѣша давнишняя!... Вещь принесли.

Всѣ похваляли, прибавляя: »да эшимъ, сударыня, не даряшъ,« и спарушка впала въ раздумье....

Не даряшъ!... а подарокъ понравившя сыну!...

Эпошъ подарокъ дошелъ, какъ наслѣдственная свяшыня, до прешьяго или чешвершаго поколѣнія; наминалъ подвигъ воина, знаменшаго въ родословной Корнеша.... эпошъ подарокъ, сработанный подъ знойнымъ небомъ для сильной руки и раскаленной крови, посвященный мщенію, палачь Христіянскихъ

головъ, модная игрушка воинспвен-
ныхъ щеголей Востока, лучшая
жемчужина Азіяшскаго пояса —
эшошъ подарокъ былъ: Яшаганъ.

II.

Много рѣкъ разсѣкаеиъ необъ-
ятную Россію. Пишательныя жилы
огромнаго шѣла по бьюиъя непри-
мѣнно, какъ волосяныя сосуды,
по кипаиъ жизнью, какъ началь-

спвенная артерія. Живопись природы, ошрывки изъ исторіи, разбросаны на ихъ берегахъ, а ни у одной нѣшъ сполько поэзіи въ названіи, какъ у рѣки, кошорая прошекаешъ по Тульской Губерніи опъ Сѣверо - Запада къ Юго - Востоку.

Пробивъ землю неугомоннымъ ключемъ, она явилась на свѣшъ въ Богородицкомъ уѣздѣ, прорѣзала себѣ пушъ чрезъ Ефремовскій, и видно съ какимъ усиліемъ рвалась между горъ, мешалась опъ скалы къ скалѣ, чшобъ наконецъ добрашья до Дона. *Красивая Метъ* прозвалъ ее народъ, не согласуя прилагательнаго съ сущестшительнымъ. Въ

шомъ мѣстѣ, гдѣ она выгибаеиша наподобіе рога, и гдѣ сшонишъ село Изрогъ, сохранилось до сихъ поръ темное преданіе о приключеніи, оишъ кошораго будшо бы произошло это поэшическое имя.

Разсказываютъ, что шамъ, какой-шо, Ярославъ переѣзжалъ, когда-шо, черезъ мостъ въ коляскѣ; что лошади провалились; что онъ, для спасенія любимаго коня, вынулъ мечъ и холгылъ обрубилъ посшромки, но уронилъ его въ воду.

Есть еще преданія, есть еще поэзія сшарины въ окрестностяхъ Красивой Мечи. Близъ нея лежишъ шакъ называемый *Конь - Камень*,

окруженный своими обломками и другими камнями, вросшими въ землю. У иныхъ эшо проѣзжіи вишязь, эшо безбожный народъ, кошорый осмѣлился шворишь въ чесшь его игрища и пляски на день св. Вознесенія. У иныхъ эшо чужеспранный богашырь, кошорый ѣхаль по заповѣднымъ лугамъ и не поклонился на привѣшъ красныхъ дѣвъ, да молодыхъ парней, сказавъ, чшо, на землѣ, не кланяеця никому. Громъ наказаль его. Тамъ наканунѣ Іоанна Крещишеля, Івана Купалы, сверкаешъ шаинспвенный огонь по верхамъ горъ, спускаюпся съ неба свѣчки и вѣнцы. » Свѣчка горишь « скажущъ вамъ, указывая на фосфорное сіяніе. Богъ

вѣспѣ, кѣмъ зашепелилъ эту лампаду, шолько она шеплишся надъ схороненнымъ кладомъ, или надъ Русскимъ, убишымъ за независимосшъ.

Спуденая, прозрачная рѣка шечешъ шакже быспро, извиваешся шакже неправильно, какъ лешаешъ надъ нею ласпочка, безпокоюсь о приближеніи шучи. Высокій প্রশникъ шумишъ по ея заливамъ. Крушы, ошвѣсны берега ея. По нимъ шянушся лѣса, кое-гдѣ возвышающся курганы, надгробные памяшники безыменныхъ людей, и кое-гдѣ мелькающъ разноцвѣшныя скалы: шо блѣдныя, шо голубыя, шо желшыя. Тушъ дико глядишъ

природа, и когда осень, обрывая деревья, подергиваешь зелень краскою смерти, шупъ пріятно сморщъ на орла, какъ онъ, опусаясь на прибрежную вершину, сидишь спокойный съ чувствомъ своей царственной силы. Рѣка красивая, рѣка живописная, очаровательная Мечь!... Въ иную минулу ея небо примешь за небо Швейцаріи!... Далѣе опъ береговъ за лѣсами, за курганами открывается обширный горизонтъ: деревни, поля, рощи. Картина болѣе игривая, болѣе суетная!... На ней жизнь, пруды, пошъ человека, и чшобъ эша жизнь, эши пруды не показались горькими, на нее должно любоваться не осенью, а при блистательномъ

солнцѣ лѣша, въ лѣшній полдень,
въ лѣшнее ушро!...

Велико наслажденіе писателя,
если придется ему рассказывать
произшествіе, кошорое случилось
въ неизвѣсшномъ углу, да хоть
сколько нибудь заманчивомъ для
воображенія; произшествіе на про-
спорѣ поля, не въ сонномъ горо-
дѣ, гдѣ нѣтъ приключеній на ули-
цахъ и спрасшей въ госшинныхъ;
гдѣ жизнь изнашиваеиша безъ жиэ-
ни, и гдѣ не вымолишь у неѣ ни
одного предмета для повѣсши.

Много лѣшъ шому назадъ, на
берегу Красивой Мечи, въ прекрас-
ный вечеръ Іюня, въ эши сладкіе

часы, когда у юноши наворачивается безошчепная слеза мечшашельности, небольшое общество расположилось около чайнаго 'сшолла, въ душисшомъ саду, подъ шихимъ небомъ деревни. Тѣсный кружокъ состоялъ изъ людей одного племени, одной классификаціи; но, судя по первому взгляду, нѣкоторыя опдѣлялись опъ другихъ рѣзкою межою поняшій, привычекъ, образованности. Случай не новый!... Опъ чайнаго сшоллика до пышнаго обѣда, опъ семьи до бала, все шоже: говоряшъ однимъ языкомъ и не понимающъ другъ друга. Кромѣ эшаго разногласія въ образѣ воспитанія и въ оборопѣ мыслей, шущъ шайлась еще причина для щекош-

ливаго спора. Всѣ спраспи, желанія, склонности чловѣка умѣщающіяся легко на самомъ узкомъ пространствѣ, и эшопъ малый міръ, сколокъ съ большаго, заключаль въ себѣ начало многихъ разнообразныхъ волненій сердца. Для однихъ шупъ было чему радовашься, на что надвѣяшьяся; для другихъ—чему завидовашь, чего искашь и на кого взглянушь.

» Прикажише ли, папинька, еще чаю? «

» Да помилуй, Вѣрачка, я и эшаго допишь не могу. У меня слишкомъ сладко, а Андрею Степановичу шы, кажешья, налила со-

вѣтъ безъ сахару. Онъ своей чашки и не опивѣдалъ. « Послѣ эсихъ словъ отецъ Вѣрачки опустился въ кресла и продолжалъ безпечно пускать на воздухъ легкія спиритыдыма.

Вѣрачка спѣшила поправить свое разсѣяніе. Ея лице веселое, одушевленное, приняло вдругъ выраженіе нѣкошораго спокойствія и важности, какъ бываешь часто, если нечаянный намекъ, взглядъ, звукъ, какая — нибудь бездѣлица напомнишь женщинѣ, что она увлеклась не много. Но эпошъ переходъ ошъ движенія къ покою, ошъ свободы къ оковамъ, не нравицца... Примѣшное нешер-

пѣніе мелькало въ черныхъ глазахъ, когда они остановились на Андрей Сшепановичъ, и когда нѣжная рука, съ благовоспитанной небрежносшью, приподнимала для него другую чашку....

Онъ вскочилъ, кланялся, просилъ, чшобъ Ея Сіапельсшво не безнокон-лись и увѣрялъ, что у него очень сладко. Наконецъ оняшь устѣлся, опять на кончикъ спугла, бокомъ, совершенно повернувшись къ своему сосѣду, съ шюю перемѣною, что началъ прилѣжно пить чай, коннорый давно проснылъ опъ его вѣжливаго обращенія. Андрей Сшепановичъ говорилъ много и не менѣе шогѣ цовшорялъ: »Ваше Сіапельсшво, Ва-

шего Сіяшельства, Вашему Сіяшельству. « Князь, важный сшарикъ, пріятной наружности, слушалъ его одинъ: шо холодно, шо съ учаспiемъ, и по эшому учаспiю можно было догагашься, чшо если Андрей Сшепановичъ счишаепся первымъ охошникомъ въ уѣздѣ, шо занимаешъ шакже немаловажное мѣсто и въ іерархіи богашсшва. У нихъ образовалась бесѣда своя. Никшо не мѣшалъ имъ и никому они не мѣшали. Только иногда Князь, услышавъ нечаянно какое-нибудь слово, сказанное въ другомъ ошдѣленіи общесшва, бросалъ шуда одну изъ эшихъ несвязныхъ и чашо обидныхъ фразъ, на кошорыя вельможи не ждушъ ошвѣта, и на

кошорыя нечего опивѣчашь; да иногда Андрей Степановичъ дѣлался предметомъ общаго вниманія. На нѣсколько секундъ умолкали всѣ. Корнешъ, залетѣвшій изъ Пешербурга на шуль подлѣ Княжны, перерывалъ разговоръ съ нею и шурился, всматриваясь въ Андрея Степановича; спарушка, сидѣвшая противъ нея, сводила съ Корнеша глаза; Княжна не позволяла себѣ ни малѣйшаго движенія, но видно было, что скрадьваетъ улыбку, гошовую просіяшь на ея устахъ; Полковникъ, споявшій на серединѣ круга съ яшаганомъ въ рукѣ, вытягивался во всю длину воинственнаго росла, а лѣшъ шридцати мущина, въ Адьюшаншскомъ мундирѣ,

развалился немного неучтиво на креслахъ, поднималъ голову вверхъ и смонхрѣлъ на небо, шочно ничего не слушаешъ. Адъютанты часшо, какъ и чиновники особыхъ порученій, заносчивы, пошому чшо спутники большой планеты, они имѣють право вертѣться около нея.

Эшо явленіе происходило въ шѣ минушы, когда голось Андрея Степановича раздавался громче, глаза полнѣли, лице краснѣло; когда вспышки охошничьяго краснорѣчія, выраженія, созданныя вдохновеніемъ спроси: » спая закипѣла и машерой волкъ загорѣлся въ чистыхъ поляхъ« вырывались изъ его широкой груди. Но проблескъ вниманія исче-

залъ быстро и совершенное равнодушіе къ особѣ Андрея Сшепановича заспупало мѣсто элекприческаго дѣйствія. Корнешъ по прежнему обращался къ Княжнѣ, по прежнему спарушка смощрѣла шолько на него, и любовалась имъ нѣжнѣе, и спановилась наблюдащельнѣе, какъ будшо хошѣла воропишь поперянное мгновеніе, искру учаспія, украденную другимъ у предмета ея невыразимой привязанности.

» Позвольте замѣшить, кинжалами не даряшь,» сказалъ Полковникъ, ошносясь къ ней, поглядывая значптельно на Княжну и повершывая яшаганъ, привезенный по прось-

бъ Князя на показъ военнымъ гос-
сшамъ.

Ножны кинжала, покрышыя обли-
нялымъ бархашомъ, были перехва-
чены въ двухъ мѣстахъ золотыми
бляхами. У слоновой рукоятки, раз-
двоенной сверху, обложенной до-
рогими камнями неискусной грани,
осыпанной жемчугомъ, не доспа-
вало нѣсколькихъ украшеній: камни
повыпадали, жемчугъ заперся, но
на прихотливомъ оружіи все еще
уцѣлѣло клеймо роскоши и Азіат-
ской красоты, свидѣтельствую-
ясно, что прямой, узорчатый
клинокъ, закаленный на заводахъ
Дамасска, служилъ не уличному
убійцѣ, не для куска хлѣба.

— »О, я съ него взяла за это грошъ,« ошвычала Полковнику мань Коршеша.

— »Мало, Напалья Степановна; да и гвардейскому офицеру нейдетъ плащиться мѣдными деньгами,« возразилъ Князь, придавливая большимъ пальцомъ шабачный пещель въ шрубкѣ.

— »Вы шутище, папашка; а подарить кинжаломъ въ день рожденія— это спрашно. «

Тутъ Княжна опкинула разсѣянно черный, волнистый локонъ, копорый закрылъ—было яркіе лучи одного изъ ея прекрасныхъ

глазъ, бросила бѣглый взглядъ на Полковника съ Адьюпанномъ и обернулась къ Корнепу. По видимому, она спаралась поддерживать общій разговоръ, сколько этаго требуетъ учивость оцъ полной хозяйки дома, и не рѣдко должностная фраза, желая дань общешую, слепала съ ея облазнительныхъ губъ. Но почти всякой разъ послѣ такой фразы она обращалась къ своему сосѣду, и забывала другихъ, и слушала его шакъ живо, что прошиворѣче или согласіе, да или нѣтъ, рисовались заранее въ ея выразительныхъ чертахъ. Заранѣе она давала оцвѣтъ ему, по благородной усмѣшкой, по живописнымъ наклоненіемъ го-

ловы, но неизъяснимымъ краснорѣчіемъ взора.

—«О, я не боюсь примѣшъ,» сказалъ молодой гвардеецъ, посвящая свои слова также цѣлому обществу. «И за чѣмъ вы пугаете меня, Княжна? Его, кажешся, опинялъ мой прапрадѣдъ, машушка, у Сераскиръ-Паши или у Трехъ-Бунчужнаго? Эшъ наследственныя преданія воспламеняють пошомковъ.... мнѣ уже хочешся опиняшъ у какого-нибудь Паши саблю.... Я велю обшлянушъ его новымъ бархатомъ.... Позвольте мнѣ, Княжна, думатьъ, что мой апаганъ не спрашенъ.»

—«Кинжалъ примѣчательный....

можнобъ сказать прекрасный, еслибъ прекрасно было убивашъ людей, «... проговорилъ Адьюшанпъ и ушелъ въ свой черный галспукъ. Онъ почти все молчалъ; переспавая молча, почти все относился къ Полковнику, а между тѣмъ приспально, язвительно слѣдилъ всѣ движенія Корнепа, всѣ взгляды Княжны и безпокойно вслушивался въ каждое ихъ слово. Напрасно небрежнымъ положеніемъ тѣла онъ силился принятъ на себя равнодушный видъ, напрасно прибѣгалъ ко всѣмъ пріемамъ изученнаго хладнокровія, которое помогаетъ утаить бунтующее чувство, и съ улыбкой счастья, съ порывами восхищенія, вытерпѣть

пышку самолюбія на днѣ души, безъ свидѣтелей. Оно, оскорбленное, прорывалось наружу и въ щонкихъ перемѣнахъ желчнаго лица, и въ изысканной замысловащости, и въ насильственномъ предпочтеніи Полковника всему обществу. Племянникъ могущественнаго дяди, Адъютантъ вѣнковаго Генерала, онъ находился въ опигуску у родныхъ и, будучи знакомъ съ Княземъ въ Москвѣ, сѣдался у него въ домѣ ежедневнымъ госпемъ. Хотя час-по онъ встрѣчалъ шушь и Полковника, расположеннаго также въ сосѣдствѣ съ своимъ полкомъ, и хотя у эшаго было замѣтно менѣе склонности къ приданому невѣстѣ, чѣмъ спроси къ ея

увлекательной красотѣ, но Адью-шангъ не робѣлъ. Доскѣ свѣтско-сти, смѣлостѣ паркетной опышности, внушали ему высокое мнѣніе о себѣ и унизительное о соперникѣ. Деревня удивительно пишала гордостью. Въ деревнѣ на каждомъ шагу предсказывались ему эти мѣлочныя, но сладкія утѣхи самолюбія, до которыхъ никакъ не доживешь въ большомъ городѣ, потому что тамъ много Адью-шанговъ. Въ деревнѣ онъ видѣлъ себя единственнѣйшимъ предзнаменіемъ сиюличнаго общежитія и являлся передъ Княжною поржесивенный, веселый, а, можетъ быть, и увѣренный въ побѣдѣ. Вооруженный великолѣпными фразами

и неисчислимыми воспоминаніями 1812-го года, ходячая реляція, герой всехъ своихъ разсказовъ, шумѣлъ въ цѣломъ уѣздѣ, шѣлъ болѣе, чѣмъ чувствово чести, развившее въ немъ до крайней степени, налагало благоговѣйный страхъ на простодушныхъ помѣщиковъ. Это была честь щекоплавая, честь недослупная, честь во всехъ со-спѣвахъ и мускулахъ. Если, бывало, Андрей Степановичъ, или какой нибудь щеголь въ розовомъ гал-спукѣ неосторожно задѣвалъ его локтемъ на деревенскомъ пиру и потомъ разсыпался въ извиненіяхъ, то съ этой честью дѣлалась судорога: Адьюшаншъ наклонялся важно въ знакъ прощенія, но про-

должипельнымъ, уничпжающимъ взглядомъ вымѣрля дерзскаго съ ногъ до головы. — » Не вѣрьте, « говариваль онъ, »если кто скажеть, что въ душѣ не прусиль ядра или пули; но прусовъ нѣтъ, спрусиль въ сраженіи не лѣзя и, ониправляясь онъ энаго предисловія, судиль о храбросни какъ о дѣлѣ весьма обыкновенномъ, припоминаль свои подвиги шакъ, мелькомъ, болѣе онъ солдапской онкровенности, чѣмъ онъ желанія выказашъ себя; однако же всѣ успѣли подробно узнать, что приключилось ему на высопахъ Монмартра, въ какомъ углу Европы былъ онъ окруженъ Французскими лашниками, и на кошоромъ клочкѣ

Бородинскаго поля воевалъ съ Наполеономъ. Ему удивлялись, а Княжна, кшапи о высопахъ Монмаршра, разспрашивала о Парижъ, о Тальмъ.

Въ эпъ минушы храбросши, ловкосши, краснорѣчія, самозабвенія, въ эпъ минушы, копорыя испыталь всякой, кому случалось орашаренивованъ въ глуши деревни или за Москвой рѣкой, гдѣ нѣшъ никого, чшобъ васъ перебишь, зашмишь или вамъ прошиворѣчишь, въ эпъ минушы, мимолевиныя какъ дѣмъ, упаль съ неба Корнентъ. Какая-шо мрачносшь подернула блисшательнаго Адьюшанца и Княжна спала шакъ разсѣянна, чшо

не могла уже слушать послѣдовательно длинную исторію военныхъ походовъ. Уже за чайнымъ столомъ онъ не находилъ въ себѣ искусства овладѣть разговоромъ, не постѣвлялъ за быспрошою свѣтскихъ мыслей, кошорыхъ никакъ не догонишь, если самолюбіе мучитъ душу и исключительная дума давитъ воображеніе. Уже, наконецъ, онъ не глядѣлъ ни на Княжну, ни на Корнеша; онъ началъ на Полковника и, придираясь къ яшагану, началъ громко объяснять, какимъ образомъ доспался ему подъ Краснымъ кривой кинжалъ, вывезенный изъ Египта Французскимъ Генераломъ; какимъ образомъ Турки вонзають яшаганы

въ землю, кладушь ружья на рукояшки и, лежа, спрѣляюшь; словомъ, онъ, казалось, совершенно пренебрегъ вниманіемъ Княжны, шолько рѣчь его все походила на золотой мундиръ Камергера, причисленнаго къ Герольдіи.

Между шѣмъ, какъ Адьюшанлъ разыгрывалъ роль жершвы, копорая переносишь свое несчасіе съ достоинствомъ, рѣзвая хозяйка забыла давно о япаганѣ. У нея съ Корнепомъ предметы пролетали молніей мимо свѣтскаго вниманія, рождались и мерли, какъ слава въ наше время; ихъ разговоръ былъ разговоръ бѣглый, скользящій, проникнувшій брашнствомъ воображе-

нія, сходствомъ вкусовъ, всею легкостью молодости, всѣми цвѣтами нарядовъ, баловъ, красоты, богатства.

— » Вы смѣлесь, Княжна,« сказалъ между прочимъ Корнелъ, » а чай не деревенское удовольствіе, для чая нуженъ городъ, зима. Во первыхъ, при дневномъ свѣтѣ чай уже не по: для него необходимы свѣчи. Послѣ спектакля, часовъ въ одиннадцать вечера, когда вы сидите за фортепіано, а свѣтъ заноситъ окна, шупъ я понимаю чай; воптъ эштъ минушы сотворены истинно для чая!«

— » Чай на чистомъ воздухѣ все-

го пріятнѣе,» замѣшилъ Полковникъ, который покушался давно помѣстивъ свое слово и опдохнувъ отъ обязанности слушать теорію лшагана, выученную имъ твердо въ школѣ сраженій.

Къ тому же, онъ думалъ, вѣроятно, угодишь Княжнѣ. И она всступилась за чистый воздухъ, возспала прошивъ позднихъ вечеровъ, прошивъ всѣхъ обыкновеній споллицы, возспала за деревню, но такъ мило, такъ неискренно, такъ небдишельно!... Звукъ ея голоса зацпили и упреннюю зарю, и уединенныя прогулки, и весь восхипишельный міръ папріархальной жизни, да шолько приспирасшіе къ

невиннымъ суешамъ проглянуло на ея лицѣ.... спектакли, балы, ловкой гвардеецъ кружились передъ нею,— она перенеслась на солнце паркета; но спорила, но нападала на нихъ, пошому чшо не лзя же высказывать эштѣ шайны сердца; пошому чшо ложъ лучше испины; пошому чшо женщина всегда хвалишъ шо, чего не любишъ, и любишъ шо, чего не хвалишъ.

Опрыვისное изрѣченіе Полковника пропало, какъ подвигъ солдата, какъ мысль зачеркнушая красными чернилами, какъ жаркое чувство въ глазахъ робкаго юноши, когда онъ слѣдишъ издали великолѣпную красавицу, кошорая

не узнаешь никогда о его скромномъ сущесгвованіи.

Во все продолженіе эшой бесѣды, Полковникъ споялъ: по въ нервѣшимосши куда дѣвашъ яшаганъ, по принимался снова разсмашривашъ его, по подпирался обѣими руками, сгибалъ лѣвую ногу и прислукивалъ шпорой, по щипалъ бакенбарды. Кресшы и медали, законная вывѣска благородной души, полезныхъ шрудовъ и неуспрашимосши, были красиво развѣшаны на его груди въ убійственномъ количесшвѣ.... Но, грустная мысль!... эшо лице, опаленное порохомъ, эша грудь, по кошорой сполько разъ скользилъ непріа-

шельской шпырь, эти знаки отличія, изъ кошпыхъ, можетъ быть, каждый прикрывалъ рану, все перялось, все какъ будто не было!... Непослужимъ дослугъ къ сердцу женщины!... Не она ли отзывалась о немъ съ особеннымъ уваженіемъ за то, что онъ никогда не наводилъ разговора на войну, не намекалъ на собственные заслуги, хотя и замѣчала, что ему все хочется щеголять свѣтскостью.... Не она ли отдавала полную справедливость его молчаливой неуспрашиваемости, признавая ее первымъ достоинствомъ въ мужчинѣ!... и со своимъ шлемъ, послужной списокъ, изчерченный кровью, не могъ занять жернова мѣсна за чайнымъ сподомъ...

III.

Въ усадьбѣ Князя водили раз-
сѣданнымъ лошадей, когда его
дочь, въ верховомъ плащѣ, въ
мужской шляпѣ и съ хлыстикомъ,
подойдя проворно къ снѣженнымъ

дверямъ, ошкуда ошлогій скашъ, усшавленный по споронамъ лиловыми и бѣлыми левкоями, спускался въ широкую, длинную аллею изъ шолѣшнихъ, сполбовыхъ деревьевъ, аристокрашически мрачную и богато опряшную. Въ самомъ концѣ ея, гдѣ былъ выходъ изъ сада, шоялъ Корнешъ съ Адьюшаншомъ: эшопъ, какъ будто имѣлъ намѣреніе не сходишь съ мѣсна; шопъ, какъ будто колебался въ нерѣшимости ошпахься или уйли. Княжна выдернула изъ — за пояса лорнешъ и спалъ смелрѣшь украдкой съ шакимъ либошыншомъ, что, казалось, ей ошчелхонѣлось замѣнить шучушншомъ зрѣніи ошраниченность: другого

чувства и подслушать глазами далекой разговоръ. Онъ примѣтно оживился. Спокойствіе, широкое, онъ образованной осанки, нарушилось у офицеровъ во всехъ часникахъ: кто переналъ аксельбанты, миль фуражку, кто пожималъ плечами и махалъ рукою, . . . однако, еще немного, и они разошлись бы довольно смирно. Корнетъ опустившись уже шага три, Адьюшантъ поспѣвъ, отвернулся, но только взглянулъ назадъ, кивнулъ головой, . . . и, вмигъ, Корнетъ ошановался, събѣда, знакъ на домъ и на адью, надвинулъ фуражку, . . . Адьюшантъ въ нему, . . . и оба, вмигъ, исчезли изъ сада. . . .

Корнетъ, зачался на молодой

цѣпи, Княжна пошупилась. Обвила хлыстикъ около руки съ большимъ шпаніемъ, оторвала разсѣянно нѣсколько листковъ у прекрасной шамповой розы и медленно пошла къ форшетіанамъ; оглянулась на аллею, оглянулась еще разъ, задумчиво пролепѣла пальцами по клавишамъ и, съ небрежностью шущины, кинулась на диванъ. Шляпа упала съ нея и она приняла одно изъ эшѣхъ неправильныхъ, искусительныхъ положеній, копорья не терпящъ свидѣтелей, тапаясь въ непорочности дѣвичьяго уединенія. Это были ондыхъ опѣ неволи, бунѣ прошивъ привычекъ воспитанія; это были обременительныя размышленія, Ищаль-

дская лѣнь или заманчивая мечта! О чемъ думала Княжна? ... О чемъ думаютъ Княжны наединѣ? ... Голосъ отца заспалъ ее въ живописномъ забытѣи, и она опомнилась, и вдругъ изъ прелестной, романтической женщины превратилась опять въ прелестную, классическую Княжну.

— «Да что такое у васъ случилось?» спросилъ Князь съ видомъ неудовольствія. » Полковникъ не ужель мнѣ объяснить причины: говоришь, что не знаешь; однакожъ я послалъ его помирить ихъ непременно.... Это почти у меня въ домѣ, ѣздили съ побой.» ...

— «Я и сама не знаю,» шепнула она.

вѣчала Княжна; « лошадь у Адьюпанша попугалась, онъ упалъ... »

— « Ну да, упалъ, это ужъ я слышала! » перервалъ Князь, складывая руки на спинѣ и начиная сердито ходить по комнатамъ.

— « И упалъ довольно смѣшно, папинька; сынъ Нашалы Спешановны улыбнулся и, не помню, что-то сказалъ мнѣ. Я смотрѣла на Адьюпанша... кажешься, вскакивая на лошадь, онъ видѣлъ, какъ шопъ засмѣялся. »...

— « Да я и себя не оправдываю... Это одинъ предлогъ для Адьюпанша; разумѣешь воякій выдентъ изъ

перити, когда его выбрасываютъ изъ общества, не замѣчаютъ. « ...

Тутъ Князь сшадъ проповѣдывашъ дочери тяжелую науку свѣща; а какъ проповѣди, совѣты и всякаго рода правоученія бывающъ дѣльны, когда читающся людямъ слабымъ (крапкость создана силой!), то онъ распространился объ эщомъ предметѣ, обвинилъ Корнеша за молодость, а дочь за опромелчивость въ обращеніи, и вообще оспался вѣренъ назначенію всѣхъ правоучителей и судей, копорые умѣютъ осудить, да не умѣютъ уберечь никого отъ слабости или преступленія. Однакоже, подъ конецъ, началъ смягчашъ

жестокость упрековъ выраженіями: другъ мой, милая; поному чшо Княжна сильно распрогалась. Приученная по смерти матери къ безусловнымъ похваламъ, къ безусловному исполненію своихъ прихотей, она прослезилась, слушая отца и ломая хлыстникъ. Трудно рѣшить, досада ли извлекла эти слезы, или приготовленные въ душѣ для другаго чувства, онѣ заблестали на гусидыхъ ресницахъ при первомъ удобномъ случаѣ. Женщины плачутъ обо всемъ, когда имъ хочется плакать о чемъ-нибудь.

— Едва Князь, движимый ошцовскою нежностію, умѣрилъ скорость

діагональнаго путешествія по тос-
синной и промесь: нѣсколко
словъ: бѣже «снисходительныхъ»,
какъ дочь, послѣ продолжитель-
наго молчанія, не возразивъ ниче-
го на родишельскій приговоръ,
спросила съ живоспію:

— «Да куда жъ Полковникъ по-
шелъ? найдесть ли онъ ихъ?»

Въ эту минушу загремѣли шпо-
ры. Княжна бросилась въ другую
комнату, припворила за собой
двери, но не плотно, и приложила
ухо. Она не могла не вспомнить,
что не лзя ей показаться Полко-
внику: не причесана, не переодѣша,
въ волненіи!... въ слѣдъ за нимъ

явилась и Напалья Степановна съ веселымъ лицомъ, а пошому онъ подошелъ къ Князю скорымъ шагомъ, и на вопросъ:

— » Ну чшо шамъ? «

Опвѣчалъ шепотомъ:

— » Маленькая непріятность, Ваше Сіятельство.

.

IV.

Вы, можетъ быть, помните, какъ однажды волновалось Московское общество и позвольте мнѣ употребить это выраженіе, вопреки несправедливымъ, раздра-

женнымъ, жестокимъ судьямъ, которые утверждаютъ, что общество Московское не волнуется, что оно равнодушно, холодно, что у этой кокетки и глаза не живы и душа мертва? Вы, можетъ быть, подкрѣпите меня свидѣтельствомъ передъ всякимъ, кто любитъ читать одну правду. Да, страшное волненіе встрѣшило въ гостинныхъ Князя съ дочерью, когда они воропились на зиму въ Москву. Волненіе въ полголоса, безъ признаковъ на лицахъ, непримѣтное для поверхностнаго взгляда.

Красоша Княжны не измѣнилась, но огонь не оживлялъ ея рѣчей, и черны, гдѣ при малѣйшемъ впе-

таплатніи сверкаль уми или шеплялось чувствиво; гдѣ все виушало или благоговѣніе, или спрасшь, гдѣ былъ и ангель свѣша и ангельшмы — эши черны приняли въ себя чшо-шо однообразное, неподвижное, безопивѣшное; приняли шаковое выраженіе, кошорое часно на лицѣ женщины приводитъ васъ въ опичаяніе и не позволяетъ никакой заносчивой мысли закрасься къ вамъ въ голову. Лучшая спруна сердца, спруна симпатіи, назначенная для опголосоковъ на всѣ звуки, молчала, какъ будто приучилась къ одному. Никогда наружное кокетство, опданное въ удѣль низшимъ рядамъ общесства, провинціалкамъ гостинныхъ, не

унижало Княжны предъ мушкетерами; никогда принужденностьъ движеній, словъ, взглядовъ, поклоновъ, не портила того, что было въ ней истинно прекраснаго; а полному, не подстрекаемая этой доподлинной склонностью своего пола, она являлась въ свѣтъ съ естественнымъ расположеніемъ души и не уиѣла скрыть, что ея воображеніе поражено чѣмъ-то.

Свѣтъ не праспшилъ естественности, свѣтъ не щерпилъ свободы, свѣтъ оскорблялся сосредоточенной думой; онъ хотѣлъ, чтобы въ принадлежали только ему, чтобы только для него промывали свое участіе, свою жизнь,

чтобъ дѣлили и рвали свою душу поровну на каждаго.... Заройте глубоко высокую мысль, припаице нѣжную спрасъ, если онъ мѣшающъ вамъ улыбнувшись, разсмѣявшись или разгруснившись по волѣ перваго, кто подойдетъ. Свѣшь разшерзаетъ васъ, и онъ шерзалъ Княжну.

—»Какъ она имѣетъ духъ показывающъся?« говорили мащери, снаряжая дочерей на вечеръ.

—»По крайней мѣрѣ не давала бы виду, что эта исторія была за нее,« замѣчали мимоходомъ почешныя барыни во время торжественнаго шествія къ зеленымъ споламъ.

— »Оба убишны на мѣспѣ. Вы зналина, что былъ Адьюшанпомъ у Графа***? Какой милый чело-вѣкъ! Я, право, услышавши, сама расплакалась о немъ; а какъ жалокъ его дядя! Мнѣ пишушъ изъ Пешербурга, что онъ совсѣмъ потерялся, шочно помѣшанный.«... Такъ на одномъ балѣ шепшала своей пожилой сосѣдкѣ важная особа, похожая на каршину, вспавленную въ золошую раму, а написанную рукою Суздальскаго живописца.

— » У меня сердце обливается кровью, когда я ее вижу,« продолжала она, занимаясь все Княжною, кошорая царшвовала надъ мазуркой, и не оглядываясь назадъ,

чтобъ не видѣнь своей дочери,
которая сидѣла какъ опущенная
въ воду.

— » Ей въкъ не замолишь эпѣго
грѣха!« прибавила пожилая сосед-
ка съ поспешеннымъ одушевле-
ніемъ въ голосъ, пошому, что жен-
скій судъ всегда идетъ *спессено*.
» А другой, кажется, только что
былъ пожалованъ въ офицеры...
Такой молоденькій! Мудрено ли,
что она вскружила ему голову!
Привѣхалъ повидаться съ машерью!
Вотъ несчастный случай! Вѣрно
она не переживетъ... О дядя Адъ-
юпанна вамъ пишущъ?.. Да еслибы
это была моя дочь, да я не знаю,
чтобъ со мной было! Я бы ума
лишилась!« —

— «Могу, васъ, увѣрить, что убишь одинъ,» сказала молодая дама.

Между тѣмъ юношѣ съ прекрасными глазами и съ шепчущимъ сердцемъ, смотря на Княжну не такъ сурово: нѣсколько зависши и много удивленія, кружилось около нея. Заманчиво были причиною дуэли, пріятно заставили умереть или убишь — это къ лицу женщинъ, это по душѣ ей.

— «Она рѣшительно влюблена,» говоритъ гвардейскій офицеръ, роняя себя на диванъ въ одной изъ комнатъ, опаленныхъ огнемъ злы.

— «Я не замѣчаю,» прошепталъ вслухъ.

разилъ Камеръ-юнкеръ, поправляясь передъ зеркаломъ. Онъ щиповалъ мазурку съ Княжною.

— » Я не узнаю ее. « ...

— » Зачѣмъ же вы господине приписываете любви, небольшую перемену? ... просто огорченіе: ... да, кажешся, и молодой человѣкъ, котораго теперь общее мнѣніе навязываетъ, Княжну, не имѣешь никакъ достоинствъ и блеска, чшобъ ужъ со всѣмъ поладовали ее! Сааа дуэль. « ...

» Чшожъ дуэль? « сказала гвардейскій офицеръ, выпрямился на диванѣ. Онъ поклонился опъ нея, правда, а адъютантъ и обрадо-

вался, думалъ, что попалъ на шруса. «...»

— «Да, спрусилъ» перервалъ другой военный, входя громко въ комнату; «рука дрогнула и въ пяльцахъ шагахъ жуля попала шолько, прямо въ середину рта.» ...»

«О, я очень далека отъ того, чтобы называть его шрусомъ: жаль, что это можетъ кончиться неприязнью! Дядя покойника не оставилъ этого шака: дрались безъ секундантовъ.» ...»

«Неправда! неправда! Охъ эти дяди!» шептала съ живостью военный, повертываясь проворно кр:

дверямъ на встрѣчу прекрасному
строю дѣвицъ, кошорыхъ причуд-
ливая прогулка завела нечаянно
туда, гдѣ мущины ошдыхали ошъ
свѣща залы, глазъ, ошъ панцевъ и
разговоровъ мазурки.

Всѣ эти обвиненія, приговоры и
догадки перебѣгали изъ успъ въ
усша, но на почшишельномъ разспо-
яніи ошъ Княжны; не ошдалили
ошъ нея ни одного поклонника и
не ошняли первенства на роскош-
ныхъ выспавкахъ невѣспъ. Одо-
бренія, похвалы не могушъ выве-
спи иную впередъ изъ толпы за-
пѣненной природою и случаемъ;
не могли порицанія, клевета, вся
настойчивая злоспъ людей спе-

решь румянца Княжны и липыня
ее наслѣдства. Въ неспромѣ букетъ
баловъ, она оспавалась серед-
нимъ цвѣшкомъ и, когда не было апа-
го цвѣшка, шо букетъ перялъ пре-
лесшъ радужныхъ оплизовъ и бла-
гоуханіе моды. Впрочемъ, не смо-
пря на кучу приглашеній, она вы-
ѣжала рѣже прежняго и, еслибъ
не увѣщанія опща, да другія деспо-
тическія опношенія свѣта, шо, ка-
залось, заключила бы себя охопно
въ чепырехъ спѣнахъ на всю зи-
му, длинную, неизмѣримую для
шого, кому хочешся весны и въ
деревню. Сколько законныхъ оп-
говорокъ находила она, чшобъ
оспаваться дома, сколько разъ бо-
лѣла у нея голова, сколько разъ за-

бывала заказашъ платье, какъ часно не въ чемъ ей было ѣхашъ!.. но ни разу не забыла, въ какой день опшодишъ почша въ Тульскую Губернію. Тушъ на канунъ садилась писашъ, погружалась въ заняшіе съ заботливостью, съ робкимъ умиленіемъ: въ ней обнаруживалась борьба искренней печали съ поддѣльной веселостью, какъ будшо рука ея подбирала слова, въ кошорыхъ сомнѣвалось сердце, какъ будшо языкъ лепещалъ ушѣшенія, кошорымъ она не вѣрила. Эти письма бывали всегда адресованы къ Напалѣвъ Сшепановнѣ. Опшъ нея Княжна получала шакже каждую почшу большія посланія, упишанная машеринскими слезами и, раз-

спроенная, прибѣгала пошчасъ къ опцу, и бросалась къ нему на шею и спрашивала: » писали ли вы, папинька, въ Пешербургъ? « » Писалъ, мой другъ, « отвѣчалъ онъ всякой разъ, надѣвая очки, чшобъ прочесть письмо Нашальи Сшепановны.

Въ эшой перепискѣ, въ эшихъ необходимыхъ угожденіяхъ свѣшу, въ эшихъ вопросахъ и ожида-ніяхъ отвѣшовъ изъ Пешербурга, дожила Княжна до весны. Торопилась на берегъ красивой Мечи, уговаривала опца, какъ однажды ушромъ, не за долго до опъѣзда, позвали ее къ нему.

— »Бѣдная Нашалья Сшепановна!«

сказалъ онъ, бросая на столъ распечатанный пакетъ.

Княжна вздрогнула, ея щеки загорѣлись и сердце забилося всѣмъ могущесвомъ молодости, всею бурей женской чувствительности.

Спрашивую перемѣну нашли они въ махери Корнея. Ея лѣна не перевалились еще за эту опивра-тишельную границу, гдѣ нѣтъ болѣе перемѣнъ; гдѣ душа погреб-

баешся подъ развалинами шѣла, нѣмая, неспособная подрумянишь пожелклую кожу, положишь на нее новое клеймо размышлений, спраданій или радости; за эту границу, за которой признакомъ жизни ошашается какая — нибудь привычка, — привычка къ собакамъ, къ кресламъ, къ воспитанницѣмъ.

Не было ни Корнета, ни Адъютанта. Только Андрей Сшепановичъ являлся къ Князю по прежнему свидѣтельствовать свое почтеніе и отдавать ончесть въ наспугательныхъ дѣйсвіяхъ пропивъ русаковъ и красныхъ звѣрей; да еще Полковникъ не подвергся вліянію времени. Неизмѣнный какъ

границѣ, онъ пребылъ вѣренъ своему поспу, вѣренъ Княжнѣ и не безъ тайнаго удовольствія встрѣ-
тился опять съ нею: поле сраже-
нія осматривалось за нимъ. Полков-
никъ не перемѣнился, но всѣ пере-
мѣнились къ нему. Онъ сдѣлался
первымъ человѣкомъ, ненагляднымъ
госпемъ, предметомъ общихъ ласкъ.
Княжна, Напалья Сшепановна и
самъ Князь, увлекаясь ихъ примѣ-
ромъ, угождали ему, какъ должникъ
заимодавцу, какъ бѣдный другъ дру-
гу богашому, какъ писатель Цен-
сору. Угождали, но вмѣстѣ и про-
сили.

—»Я увѣренъ,« говаривалъ Князь,
»что вы, Полковникъ, не опятчище

его участи: онъ будешь переведенъ къ вамъ; его мать изщераала мнѣ сердце; я писалъ, просилъ, чѣмъ по крайней мѣрѣ ему быть возлѣ нея: она умерла бы.... Пожалуйсьна, Полковникъ, я надѣюсь на васъ.»

— Помилуйте, Ваше Сіятельство, можете ли вы сомнѣваться? Вѣрно я сдѣлаю все, что будешь зависѣшь отъ меня.»

Тутъ Князь жаль ему руку, а онъ съ гордостію поглядывалъ на Княжну: сладко обѣщавъ покровительство при глазахъ прекрасной женщины. Но иногда бывали и тяжелыя минушны для Полковника — минушны, съ кошорыми не

умѣлъ онъ справиться: прослезиться неприлично, не прослезиться совѣстно; словомъ, онъ не зналъ чію дѣлать; боролся между чувствительностью чловѣка и мраморностью солдата, между своимъ положеніемъ и своимъ саномъ. Въ это затрудненіе приводила Полковника Напалѣя Степановна, когда хватала его за руку и когда ея слезы лились ручьемъ на форменный обшлагъ. Хотя рыданія мѣшали ей произносить слова явственно, но онъ понималъ, что это мать проситъ за сына. Княжна отвертывала поскорѣй голову и выбѣжала изъ комнаты. Князь повторялъ: »да полноте, Напалѣя Степановна, успокойтесь;« а Полковникъ сыпалъ

успѣшенія и клялся обѣщаньями:
» какъ вамъ не стыдно, сударыня,
мы посшараемся все поправишь;
вѣрно я для здѣшняго дома не
окажу ему никакихъ приштѣсненій,«
и проч.

Только у Княжны не вырвалось
ни одной просьбы, ни одного намека,
по кошорому Полковникъ могъ бы
догадаться, какое учаспие брала
она въ судьбѣ шого, за кого хода-
спайспивовали, какъ хошѣлось ей
перешагнушь чершу приличія и
плакать самой за молодого чело-
вѣка. Женская смѣшливосшь учи-
ла ее, еспеспивенная хипроспшь
шепшала ей: не проси, не напомни
чайнаго сполика, не напомни, что

когда-то Корнетъ заширалъ Полковника. Онъ все сдѣлаешь для себя: онъ назначишь парадъ, угощениы музыкантами, пройдешь церемониальнымъ маршемъ, съ однимъ полкомъ бросишься воевать вселенную; но если вмѣщаешься самолюбіе, защекопишь ревность.... и Княжна съ неподражаемымъ искусствомъ разыгрывала роль, добродѣтельную по цѣли и грѣшную по средствамъ. Такъ грѣхъ и добродѣтель нушаются на землѣ, шакъ женщины клянушъ за прищворство и пляшавушъ за опкровенность.

Полковникъ выдавалъ себя за смершнаго охотника до просвѣщенія, до книгъ, а шуще до запрещен-

пыхъ стиховъ, и Княжна снабжала его книгами, слушала стихи, которыми любилъ онъ роптать, шумѣть, разгорячаться въ ея присутствіи, просила вписывать въ ея альбомъ. Полковникъ увѣрялъ, что спрашенъ къ музыкѣ, и она просиживала вечера за фортепьянами, дѣлавля ему случай восхищаться, вертѣться и божиться всѣмъ, что ни естъ святаго, что онъ ничего не слыхивалъ лучше. Полковникъ любилъ обѣдать у Князя и она спрашивала всякой разъ: »вы будете къ намъ завтра?« Онъ иногда, поддаваясь къ женскому вкусу, погружался по своему въ разложеніе нѣжныхъ чувствъ, нѣжныхъ оппѣнковъ,

въ анатомію сердечныхъ болѣзней — и Княжна опускала глаза: черныя рѣсницы прятали спыдливый или насмѣшливый взглядъ, и легкая, двусмысленная улыбка налепала на уста. Онъ часно, къ исходу дня, къ сумеркамъ, къ эному часу, когда языкъ приговаривается, голова шупѣетъ и заносится въ какую-шо пуспону, гдѣ нѣтъ ничего, чѣмъ можно оцупать или на что опереться, онъ часно молчалъ, посмапривая на свою собесѣдницу, на пощомокъ, на спѣны, на небо въ отккрытое окно, не попадешся ль мысль, не завернешся ль слово.... и Княжна начинала поскорѣй хвалишь погоду.... Но какъ передашь эту вкрадчивую

внимательность, эту благородную
лесть, этошъ міръ шонкихъ, мѣ-
лочныхъ, безчисленныхъ соблазновъ,
кошорые наслала она на просшую
душу воина, чшобъ онъ не закигылъ
жаждою брани и приласкалъ шото,
кому береглись всѣ искреннія ласки
ея сердца? какъ передашь это оболь-
стительное умѣнье сшянушь ксша-
пи перчатку съ руки, выдвинушь
ножку, дашь замѣшишь, чшо ви-
дяшъ васъ изъ дали, бросишь вамъ,
мелькомъ, при всѣхъ, мѣшкое слѣ-
во, шайнспвенный намѣкъ на ва-
шу любимую мысль, на вашу лю-
бимую слабосшь, на вчерашній
разговоръ съ вами? ... чшбъ естъ
уклончиваго въ женскомъ нравѣ,
чшбъ естъ блестящаго въ женскомъ

умъ, чѣмъ есть неисповѣдимаго въ женской прелести—вся эта оправа, которая всасывается въ сердце мужчины, когда вздумается красавицѣ употребить его средствомъ для суеты самолюбія, для мщенія, для добродѣтели, ... все это счастье, о которомъ мы бредимъ, эта цѣль, которую шаримъ по угламъ свѣта, все слилось въ какой-то очаровательный призракъ... новый, невиданный Полковникомъ на самыхъ великолѣпныхъ нарадахъ, въ самыхъ славныхъ дѣлахъ.

Никогда не вздвигалъ онъ эпоху и не развѣшивалъ кресловъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ щеперь; никогда не сшановился

передъ полкомъ съ такой непри-
нужденной гордостью, и при кри-
кахъ: вольно, или смирно, никог-
да не бывало въ его голосъ ша-
кого одушевленія. Полкъ и кре-
пны явились ему въ другомъ видѣ,
но болѣе соблазнительномъ. Тем-
ное, инстинктивное чувство, за-
глушаемое обыкновенно мечтами о
качествахъ, которыхъ нѣтъ у насъ,
вѣроятно докладывало ему, что
носитъ Георгій, кричащъ на двѣ
тысячи человекъ — это было его
единственное право на руку Княж-
ны. Онъ перелисывалъ мысленно
исторію своей храбрости, конечно
уже не о томъ, что она всякой
разъ, бывало, доводила его до не-
премѣннаго Генеральскаго — нѣтъ,

теперь эта исторія оканчивалась другою надеждою, — мысль: мнѣ не откажутъ, привязалась одна ко всѣмъ воспоминаніямъ, похороненнымъ въ столбцахъ послужнаго списка, и сдѣлалась лучшимъ инстинктомъ службы. Но не только его честолюбіе приняло новое направленіе, Княжна произвела перемѣну даже въ его свѣтскомъ обращеніи. Надобно было видѣть Полковника, надобно было слѣдить, какъ онъ мало по малу сшановился краснорѣчивѣе, развязнѣе. Острые слова начинали вязаться между собой и разросшались въ круглой разговоръ. Уже при каждомъ словѣ онъ не поглядывалъ по сторонамъ, ловя на лицахъ одобреніе и спа-

раясь передашь другимъ свой смѣхъ, свою улыбку, кошорыми новобра-нецъ гостинной прикрываетъ обыкновенно щекошливую робость, безпреспанная сомнѣнія и раздражищельную недовѣрчивость къ самому себѣ. Въ его движеніяхъ не шакъ уже было замѣтно желаніе рисовашься, щеголять всякимъ шагомъ, всякимъ поворотомъ головы или спана. Пѣлковника окружили свободой, дали ему проспоръ, занимались имъ и онъ спалъ ошкровеннѣе, смѣлѣе, пріятнѣе. Онъ не входилъ уже въ гостинную съ прежнимъ мнѣніемъ, что тамъ слѣдуешь бытъ не шакимъ, каковъ онъ естъ; гостинная не представлялась уже ему спрашнымъ су-

дилищемъ, гдѣ смущишесь вы передъ равнодушіемъ правосудія; гдѣ иногда скользнешъ по васъ чей нибудь взглядъ, но заспавишъ поправишся, гдѣ иногда спанушъ слушашъ васъ, но съ ошпорожнымъ, или разсѣяннымъ вниманіемъ, и гдѣ обдадушъ холодомъ все, что вы загошовили въ глубокомысленномъ уединеніи и чѣмъ надѣялись ошличиться. Короче, Полковникъ получилъ эту счастливую увѣренность, кошорая внушаетъ смѣлосъ пускать слова по произволу мысли, не воздерживаясь, не охорашиваясь, и не рѣдко внушрeнній жаръ оживлялъ безыскусшвенносъ его выраженій, и не рѣдко Княжна, боясь формальнаго объясненія, шоропи-

лась найши предлогъ, чѣмъ перерывашъ разговоръ.

Впрочемъ, любезность его не дошла еще до невыносимой обольстительности, потому что когда Княжна уходила отъ него и бросалась въ своей комнатѣ на диванъ, то у нея вырывался изъ груди тяжелый вздохъ отдыха, между тѣмъ какъ на лицѣ обнаруживалось безпокойство, раздумье о томъ, что не слишкомъ ли уже баловали Полковника. Прежде ей не приходило и въ голову, что онъ можетъ мечтать о рукъ ея; теперь это казалось въ порядкѣ вещей и она вздрагивала при мысли о рѣшительномъ предложеніи....

Но это предложеніе, это объясненіе въ любви, это были фурін-мучилельницы Полковника, это были призраки, которые всмрѣчали его у постели и утромъ и вечеромъ, спановились въ рядахъ солдатъ, маршировали на ученьяхъ и, какъ полковыя знамена, не покидали его. Какъ предлагающъ руку и сердце? какъ говорящъ: люблю васъ? какъ это сказать? какъ осмѣлился сказать и кому, живъ? Княжнѣ!... Она была нарядна, такъ знамена, такъ странно окружена всѣмъ великолѣпьемъ приличій. Упасъ къ себѣ ногамъ, думалъ. Полковникъ, но это, какъ же неся, не водится, это нейдетъ къ моему росту и лѣтамъ; сказать: просдо, не падая на колѣна, какъ-

то холодно, запруднительно; написавъ письмо, но къ Княжнамъ писемъ по Русски не пишушъ; открылся Князю, но она осердилась, что я не спросился у нея; словомъ, что ни задумывалъ Полковникъ, все было неловко. Подъ часъ, гуляя съ Княжной по саду, онъ разгорался жаждой прислуна, чувствовалъ, что волна храброси мчитъ его къ цѣли и облекалъ уже умственно свою рѣчь въ законныя формы вспугленія и гошова былъ произнесши шоржесшвенно: Ваше Сіятельство!... но вдругъ замиралъ, вдругъ одинъ взглядъ, одно слово Княжны, то пугало его неприличіемъ, то перебрасывало изъ насшоящаго въ прошедшее,

опять любви къ походамъ, на край свѣта, подъ Лейпцигъ, въ оркестръ полковыхъ музыкантовъ или къ огромному дубу, замѣчательному по своей дряхлости, или къ Натальѣ Спешановнѣ, которая прохаживалась, задумавшись, по уединенной аллеѣ.... и Полковникъ поначасъ догадывался, что шеперь не время, не къ спашу, лучше въ другой разъ.

Эти мученія прекратились наконецъ; онъ опмѣнилъ личное объясненіе, не столько потому, что Княжна почти не осмѣивалась съ нимъ одна, сколько потому, что ему блеснула счастливая мысль. Безпрестанно повершывая одинъ и

нотъ же предметъ, можно от-
крыть въ немъ полезную для насъ
сторону. Полковникъ былъ въ себя
онъ открытѣе, отдохнулъ, успо-
коился. Наталья Сислановна объ-
яснилась за него съ Княжною, а
Наталию Сислановну попросить
ся съ нѣмъ.

Такимъ образомъ и самъ По-
лковникъ ожидалъ его съ удиви-
тельнымъ нетерпѣніемъ.

vi.

Полковничья квартира въ богатомъ селѣ была по возможности возведена на степень удобнаго жилья и принаровнена къ потребностямъ посюяннаго пребыванія ;

однакожь разныя полугородскія украшенія не опинимали у нея походнаго, поэпическаго вида. Спѣсны были завѣшаны коврами, полъ успанъ также ковромъ, ширмы отдѣляли спальню, ш. е. постель, опѣ кабинеша, или приемной; а у не большихъ оконъ новыя рамы съ цѣльными стеклами, задернушыя зелеными занавѣсками на подобіе сшпоръ, показывали, что нѣтъ ничего невозможнаго на свѣшѣ. Французскіе и Турецкіе пистолешы, Черкесская шашка, два, шри кинжала и образцы кшеровъ, ранцевъ, сумъ занимали мѣсто каршинъ. Въ одномъ углу опояли знамена помна, въ другомъ солдатское ружье; подъ знаменами . . . шпага . . . арестованнаго

офицера. Наконецъ безпорядочная группа шубокъ, бисерный кисея, Воинскій Успавъ, Рекрутская Школа, Крапкое Наспавленіе о солдатскомъ ружьѣ и шабачная атмосфера—все это одѣло большую горницу зажиточнаго крестьянина по военной формѣ. Только съ нѣкоторыхъ поръ между признаками временнаго привала, спрогой службы и неизмѣненныхъ бивачныхъ привычекъ, вкрались кой-какіе предметы роскоши, приличные сполчному, слабодушному щеголю. Такъ на примѣръ на столѣ, гдѣ лежали полковыя вѣдомости, Военный журналъ и другія дѣльные бумаги, шупѣ же почти безъ смѣны спояло зеркало, а возлѣ него какой-то

переводный романъ, взятый у Княжны, нѣсколько ножницъ и ноженъ, духи въ хрусталѣ, Французская помада въ фарфорѣ и прочія изящныя мѣлочи шуалеша, необходимыя для испинной любви девятнадцатаго столѣтїя. Чшо дѣлалъ? ... Полковникъ не спригся уже подъ гребенку, не оспавлялъ бакенбардъ на произволь вѣпра и пыли, а спарался соединишь женоподобныя прелеспи спашскаго наряда съ суровымъ блескомъ военнаго; позволялъ себѣ, опсправляясь къ Князю, выспавлялъ изъ-за чернаго галшука ворошнички, чистые какъ серебро; разсшегивалъ мундиръ, и бѣлый жилешъ его всегда бывалъ бѣлъ, и золошая

цѣнь ошъ часовъ пригонялась такимъ образомъ, что вмѣстѣ съ орденами не вредила впечатлѣнію цѣлаго. Что же касается до прежней благоразумной экономіи въ носкѣ эполетъ, по эшу спашью Полковникъ вычеркнулъ вовсе изъ усшава о своемъ гардеробѣ.

Онъ пилъ чай и курилъ шрубку, сидя передъ зеркаломъ, какъ, однажды ушромъ, вошелъ къ нему полковой Адьюшаншъ и, подавая распечашанный пакешъ, сказалъ:

—»Присланъ изъ гвардіи, разжалованный по суду въ солдашы за убіеніе на дуэли. «

—»А, присланъ!« перервалъ Пол-

ковникъ, вскочилъ со сгуда и схватилъ весело бумагу.

Его радость ручалась за ласковый пріемъ несчастному; онъ не дасть ему почувствовать неизмѣримости разстоянія, на которое такъ быстро раздвинули ихъ, и просянешъ добродѣтельную, хоть всегда тяжелую, руку помощи. . . .

—»Это тошъ, что, прошлаго года, говорили, женишся на Княжнѣ, вошъ вашей знакомой. . . . «

Косо посмопрѣлъ начальникъ на подчиненнаго и продолжалъ читать. . . .

—»Да теперь уже не женишся,«

прибавилъ опрометчивый Адьюшаншъ и лукаво улыбнулся, чѣмъ довольно удачно выразилъ презрѣніе къ одному и лести — другому.

— „Да гдѣ же онъ? покажите мнѣ его. “

Адьюшаншъ отворилъ дверь.

Безъ галстука, въ серпукѣ безъ эполетѣ, въ полномъ безпорядкѣ власши, Полковникъ взялъ чашку, съ поржесшвенной безпечносшью взглянулъ на дверь, поднесъ къ губамъ шрубку, зашянулъ — и сълъ. Ему напомнили, что Корнета счишали женихомъ Княжны, напомнили Корнета рядомъ съ

Княжною и просьбы Князя, машеринскія слезы, собствєнныя выгоды уступили вспышкѣ самолюбїа. Это была минуша, когда сильный хочешъ показаться слабому въ величественномъ спокойствїи древней шапсуи или въ оскорбительной, небрежной нѣгѣ; когда приговоряешься дѣлать вопросы и смотрѣть въ сторону; минуша, когда Полковникъ говорилъ: шы.

Солдашъ вошелъ.

Можешъ бышь, ощущение его, какъ онъ перешагнулъ порогъ, не должно сравнивать ни съ чѣмъ, а оставлять особю, на шой уединенной высотѣ, куда оно занесено

врожденной гордостью чловѣка:
эшо не опчаянье, не нищета, не
ревность; эшо чшо-шо непріятнѣ
нищеты и язвительнѣ ревности;
эшо какая-шо пронзительная ноша,
кошорая не гармонируешъ ни съ
однимъ спраданьемъ.

Солдашъ выпянулся, промар-
шировалъ и проговорилъ: » честь
имѣю явиться къ Вашему Высоко-
благородію « ...

Но движенія его были красивы
и свободны, а голосъ швердъ. На
лицѣ не было ни просьбы о по-
щади, ни страха, ни униженія.
Эшо былъ шощъ же Корнелшъ.
Таже краска молодости, чшо въ

инныя лѣша, продолжаешь цвѣсти надъ всякимъ несчастіемъ. Только солдашскій мундиръ придавъ ему мечинашельную прелесть. Мысль о безпріющности, о необходимой и безмолвной жертвѣ общества, о томъ, кпо идешь за смертію, куда глаза глядяшь, не спрашивая, гдѣ его ошець, жена, дѣши — эша мысль облагородилась образованнымъ взглядомъ.

Полковникъ не смутился, не замѣнилъ опаснаго, заманчиваго соединенія эшаго взгляда съ эшимъ мундиромъ.... онъ увидѣлъ мѣрный шагъ, вышажку, и пугающее воспоминаніе исчезло! Судьба закинула Корнеша далеко отъ Кня-

жмы, солдашъ не можешь бышь соперникомъ—и разсудокъ взялъ верхъ надъ мѣлочнымъ чувствомъ, и соспрананіе къ ближнему, кошораго мы не боимся, или въ кошоромъ имѣемъ нужду, смягчило жестокость величія.

Полковникъ вспалъ и съ важностью начальнической ласки, съ явнымъ желаніемъ осчаспливишь человѣка, опуспилъ руку на плечо солдашу: эшопъ покраснѣлъ.

«—Здравспвуйте! Мы съ вашей мапушкой ждали васъ давно. Мнѣ очень жалко, чпо съ вами шакъ случилось, да мы незаспавимъ васъ служишь по нашему.» Тушь Полковникъ обернулся къ Адьюшаншу.

— » Держашъ его въ шшабъ. «

— » Благодарю васъ за ваше снисхожденіе, « сказалъ солдашъ.

— » Все поправишся, молодой человекъ; вы можете выдашся съ ма-
пушкой когда хошите, шолько....

Полковникъ взглянулъ на Адью-
панша, какъ будто ему непріятно
было, что есмь свидѣтель слы-
дящихъ словъ:

» Только я вамъ не совѣтую
показывашся у Князя; оно бы и
ничего, да у него много бываешъ,
чтобъ, знаете, не дошло.... для
васъ же лучше. «

Онъ произнесъ это совсѣмъ про-
сподушіемъ дипломата.

Нѣсколько времени продолжался запруднишельный для обоихъ разговоръ. Полковникъ завелъ рѣчь объ обстоятельсшвахъ дуэли, пожималъ плечами, обвинялъ убишаго Адьюшанпа, пошомъ шупливо замѣпилъ, что сукно на мундирѣ у солдаша слишкомъ тонко, пошомъ спросилъ съ громкимъ смѣхомъ, умѣешь ли онъ дѣлать на лѣво кругомъ; а когда эшомъ выспавилъ правую ногу, Полковникъ сказалъ скороговоркой:

» Безъ формы, безъ формы....
олсправляйшесь, куда вамъ надобно.«

Солдашъ (я шану называешь его, какъ у солдашъ водишся, по про-

званію: Бронинъ; обыкновеніе, кошорымъ они опередили госпинныя, гдѣ уже пошому необходимо говоришь иногда по Французски, что нѣтъ возможности упомнишь имя и ошчесшво, или времени выговоришь ихъ, — ошъ чего выходишь, что всего лучше разговаривать по Русски съ Княземъ, Графомъ и Барономъ:). . . . Бронинъ одѣлся во фракъ и поскакалъ къ машери.

VII.

Эшо было самое ясное утро ;
легкій вѣшерь колебалъ красивую
Мечъ и милліоны золотыхъ пя-
ицень, разсыпанныя солнцемъ по ея
поверхности, блестяли, дрожали,

ослѣпительно перескакивали съ сшруи на сшрую.

Онъ не нашелъ Напальи Спепановны дома: она была въ деревнѣ у Князя. Тушъ Бронинъ почувствовалъ на себѣ тяжелую ношу совѣща, кошорый должно счищать приказомъ, подозрѣвалъ, почему не велѣно ему показываться у Князя; но неперпѣніе утѣшивъ нѣжную мать превозмогло подчиненность. Онъ вѣрно никого не найдешъ шамъ.... легко скрышь опъ Полковника.... къ шому же можно ли ему испугаться спрашилищъ благоразумія, и въ эшо ушро, въ эшошъ часъ, въ эшо мгновеніе не бросишь къ шой,

кшо первая привѣтствовала улыбкой новый мундиръ молодаго офицера и раскрыла передъ нимъ всѣ легкія, увлекаштельныя подробности гостинной, все счастье образованной суебны. Какъ она встрѣпишь меня, я во фракѣ, я солдашь?... только эша мысль мучила Бронина.

Князь принялъ его радушно, съ бблыпей внимательностью, чѣмъ прежде, и осыпалъ надеждами на прощенье. Мать схватила обѣими руками за голову и спала цѣловать.

—»Мапушка, вы, право, спыдише меня, цѣлуеша какъ ребенка,« ска-

залъ онъ и глаза его наполнились слезами.

Но Княжны не было въ комнатѣ. Извѣстіе долетѣло мигомъ до ея уборной.

Приколише же, Княжна, къ поясу самую свѣжую розу, киньше же поскорѣй въ зеркало самый любопытный взглядъ, бросьше поскорѣй на несчастнаго палящіе лучи восшорга, прохлажденные со-спраданіемъ и скромностью. . . . Проворно подошла она къ дверямъ и остановилась шакъ, что не лзя было опгадать, чего ей хочется, идши или оспашься. Примѣнная небрежность въ тонкосѣяхъ шуа-

леша показывала, какъ она шоропилась, но рука ея нѣсколько разъ прикасалась къ дверямъ все не зашѣмъ, чшобъ опшворишь. Только шеперь она вспомнила, чшо они разспались, какъ разспаюшся въ свѣшѣ, послѣ нѣсколькихъ упоительныхъ бесѣдъ, не сказавъ другъ другу ничего рѣшишельнаго. Кого увидишь она? думалъ ли онъ безпресшанно о ней? ... Ей не нужно болѣе эшихъ спройныхъ, вкрадчивыхъ словъ, приносимыхъ къ ногамъ прекрасной женщины на крыльяхъ оспрошы, ума и удивленья, не нужно плѣнишельной свѣшскости офицера, для кого годъ шому назадъ, пробудилось ея чувшво, э шо невольное чувшво, по-

добное капль дождя, кошорая ле-
шишь съ неба и сама не знаешь,
на какой цвѣшокъ упадешь!...
Теперь дайте ей всю важность,
всю свяность, всю глубину любви,
заплашите за слезы, за память, за
Полковника, за эшу безпредѣльную
нѣжность женской фанпазіи, ко-
шорая рисуешь несчастье въ чуд-
ныхъ формахъ, шо съ гордымъ
взглядомъ, шо съ чистшой, младен-
ческой душой, и переносишь сол-
даша въ несбыточный міръ равен-
ства; заплашите за эшу способ-
ность привязываться къ несча-
стью, кошорая не помнишь ни ва-
шихъ заблужденій, ни вашихъ зло-
дѣйствъ: видишь только конецъ
ихъ, и ошорвешь женщину ошъ

великолѣпной жизни, ошъ друзей, ошъ родныхъ и поведешъ за вами въ Сибирь, на край свѣща, по всюду, гдѣ шолько можно умерешъ за васъ... способношъ, кошорая лучше женскихъ стиховъ, женской прозы, лучше пера Герцогини Абраншесъ, Дельфины Ге и причудливой Миссъ Тролошъ!

Князь, не желая, вѣроятно, бышъ помѣхой свиданью мащери съ сыномъ, ошавилъ ихъ на единѣ, а она шощасъ же ошправилась дѣлать распоряженія и хлопошанъ, какъ бы его кварширу въ шшабъ нарядишъ приличнымъ образомъ, ш. е. наполнишъ всѣмъ, что нейдешъ солдашу. А пошому когда

Княжна въ прекрасной нерышимо-сти роняла легкую кисть своей руки на бронзу дверей и задумывалась и возвращалась взявъ плашокъ или перчатку—Бронинъ былъ уже одинъ.

Онъ стоялъ у окна и смотрѣлъ сквозь длинный рядъ коммодъ шу-да, откуда слѣдовало показаться Княжнѣ, а иногда взглядывалъ на дорогу, по которой прѣзжалъ Полковникъ. Все, что окружало его, сохранило прежній видъ веселой роскоши и могло бы пошвышнѣ воспоминаніемъ о рѣзвѣ офицер-ствѣ. Огромная эпажерка была по прежнему уславлена шѣми же Кишайскими куклами: Кишайцы, сидя, стоя, согнувшись, съ зонти-

ками и безъ зоншиковъ! Одинъ съ сломаннымъ посохомъ, одна съ ошибой ножкой—особенные любимцы Корнета, безоппвѣнные жертвы, заклеянные забавой сильнаго—опдѣлялись опть всѣхъ своей обвинительной наружностью и доказывали несомнѣнными уликами, какъ онъ бывало любилъ разсмапривашь ихъ, какъ смѣивался надъ ними, какъ, въ жару пріятнаго непоспоянспва, опромешчиво повершывался къ Княжнѣ и спавилъ несчастныхъ, не глядя, куда попало, безъ всякаго уваженія къ Кишайской спароспи и красопѣ. Теперь онъ не удоспоилъ ихъ ни однимъ взглядомъ и едва прислонился къ эшажеркѣ спиною.

Корнешъ двадцать разъ обошелъ бы эту богашую госшинную, двадцать разъ ошановилсѣ бы передъ каршиной, вазой или бюсшомъ, перебралъ бы всѣ изящныя бездѣлки, и каждой подарилъ бы секунду эшаго скользскаго, судорожнаго вниманія, съ кошорымъ чловѣкъ бросаешся на всякую мѣлочъ, когда одинъ, посреди неодушевленнаго великолѣпія, ждешъ чего нибудь и хочешъ разсѣяшь нешерпѣливую плоску и ищешъ доски спасенія на неизмѣримомъ морѣ ожиданія... Но солдашъ сшоялъ спокойно Несчастье сковываешъ шѣло, и его бысшрошу, гибкосшь, волненія переносишь на душу. Солдашъ не подспушилсѣ ни къ чему, пошому что

не было на немъ эпихъ эполешъ, разорваны были эпѣ ниши, кошорыя связывали его съ фарфоромъ, бронзой и мраморомъ. Опшйимйше у челоувѣка блескъ, суешу, возмoж-носшъ суешы, и ему—или опроши-вѣюшъ до ненависши прихoщливья выдумки роскоши, или покажепся слишкомъ мѣлкой эша наружная опдѣлка жизни. Онъ спанешъ до-прашиванъ ее, чпo въ ней еспъ не-зависимаго, шайнаго, загроможден-наго милліонами условій и очарова-тельными шонкосшями общежи-щія? Гдѣ у нея эпѣ примѣшы, по-лученныя ею при рожденіи опъ Творца, кошорыя не должны были полинятъ подъ румянами образо-ванности? Гдѣ эша мысль, эшо

чувство, эти лучи сердца, способные освѣтили ея голую и холодную пусшину? Наконецъ, гдѣ была любовь, которая кажется ложью Корнешу, когда онъ блестя на паркетѣ, и испиной, когда надѣнушъ на него лямку солдата?

Онъ ждалъ Княжны, но Княжны похожей на его судьбу; онъ ожидалъ бы у нея шипло, сорвалъ бы дорогѣй браслетъ, нарядилъ бы въ смиренное платье деревенской затворницы, чибѣ только какъ нибудь приблизить ея къ себѣ, перенести изъ сложнаго, ослѣпительнаго свѣта въ проспой и дикой мѣръ солдата, чибѣ газовая лента или

слишкомъ живописный локопъ не помѣшали сліянію сердець, не напомнили огней, вальса....

Вошъ почему Бронинъ стоялъ спиною къ Кишайскимъ кукламъ, и почему Княжна заспала его въ шакомъ несовременномъ сосюданіи души, чпо онъ возсшавалъ даже на поэзію женскаго наряда, наспроивалъ людей, предметы, прекрасную женщину подъ ладъ своему мундиру и, можешъ бышь, вѣрилъ обвелшалоу предразсудку, чпо для счастья надо хижину и сердце!

Княжна вспрѣшила его какъ женщина, кошорая боишся обидѣшь

мушину соспрандіємъ и не любишь, чпобъ онъ нуждался въ немъ. Если отецъ очень внимательнымъ пріемомъ, излишесшвомъ учпиво-спши не доспигъ вполнѣ своей доброй цѣли и далъ Бронину почувсшвовашъ нѣсколько разпну двухъ мундировъ, шо дочь посшупила шоньше. Она проникла въ шайну, не разгаданную умомъ. Ея веселый взглядъ, ея ровное обращеніе, слили въ одно Корнеша и солдаша, счастье и бѣду. Только все онъ не могъ сначала освободпшься отъ заспѣнчивосши, едва прпмѣпной, но всегда прпвязанной ко всякой неудачѣ, ко всякому невыгодному послѣдспвію, хошь даже самага благороднаго дѣла. А пошому раз-

говоръ между ними пошелъ сперва по своимъ обыкновеннымъ ступенямъ, и поэзія сердца уступила первенство деспотическимъ пріемамъ общежитія.

» — Я спою здѣсь на часахъ и караюлю Полковника,« сказала Бронинъ съ улыбкой, послѣ нѣсколькихъ фразъ и нѣсколькихъ промежушковъ молчанія.

» — Я прикажу смотрѣшь его: скажешь какъ онъ поѣдетъ. « Княжна позвонила въ колокольчикъ.

» — Вѣрно ему шакъ пріятно у васъ, что онъ не хочешь раздѣлишь эшаго удовольствія ни съ кѣмъ? «

» — Папинька и ваша машушка избаловали его. «

Бронинъ подошелъ къ Княжнѣ, сѣлъ возлѣ нея и заглядѣлся на ея руку, кошорая играла колокольчикомъ.

» — Онъ мнѣ запрещаетъ бывашъ у васъ, машушка совѣшуетъ, чшобъ я слушался его; не ужли и вы спанеше мнѣ шоже совѣшываетъ? «

» — Папинька всегда бранишъ меня за неблагоразуміе, « опвѣчала Княжна. Черныя рѣсницы закрыли выраженіе ея глазъ, солдапъ вспыхнулъ и пошомъ разговоръ оживился.

—»О, если вы шакъ помнили нашу деревню,« сказала она Бронину, перерывая его одушевленный рассказъ о прошломъ времени, о первой ихъ встрѣчѣ, »не должно ли мнѣ принявъ ваши слова за упрёкъ, опъ кошораго я передъ вами не буду умѣшь защищиться? «

» — За упрёкъ, Княжна?

»—Пашинька говорилъ шогда, что я была причиной «.... Она наклонила немного голову и, расшягивая кончикъ носоваго. плашка, спала прилежно разсмащивашъ его. »Можешъ бышь, вы безпреспанно думали, что безъ несчастнаго знакомства съ нами, съ бѣднымъ Адью-

пантомъ, ваша машушка не пролила бы столько слезъ? ... Ахъ, ради Бога, облегчите мою совѣсть. ... вы обвиняли насъ? »

«—Будьте, пожалуйста, покойны. Неужели вамъ кажется, что нѣтъ въ жизни этакъ сладкихъ минутокъ, копорыя перевѣшиваютъ всякое несчастіе? Неужели вы думаете, что нѣтъ такихъ пріятныхъ воспоминаній, копорыя опнимаютъ силу у настоящей бѣды? Я помнилъ вашу деревню, но за шѣмъ, чтобы забывать все другое; я спрадалъ, но только отъ того, что не смѣлъ надѣяться быть опять здѣсь, въ этой комнатѣ, возлѣ васъ « ...

Бронинъ заглянулъ нескромно въ лице Княжнѣ: она, не поднимая головы, не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія, обернула на него полный, внимательный взоръ съ вопросомъ, кошорый требовалъ еще увѣреній, еще болѣе ясныи, необходимой для прихошливыхъ, безчисленныхъ, вѣроломныхъ сомнѣній женскаго сердца....

Въ это мгновеніе двери распворились и человекъ доложилъ проворно:

» Полковникъ ѣдетъ. «

Оба вскочили съ мѣсцъ; но вдругъ Бронинъ, вѣрошно, приспыженный боязливой шоропливостью,

сѣлъ опяшъ въ кресла шакъ смѣло и шакъ рѣшишельно, какъ будпо не хопѣлъ никогда вспавашъ съ нихъ.

»—Ради Бога, уйдише!« проговорила безпокойно Княжна, подходя къ нему и взглядывая въ одно время на него, на дверь и на окна. Она измѣрила разомъ всю бездну опасносши; она призналась себѣ шупъ, что въ обращеніи съ Полковникомъ пересшупила невольпо за границу добродѣшельнаго расчеша и поддалась извинишельному желанію: попѣшишься жершвой своей красомы.

»—Ради Бога уйдите!« повшоряла она, съ умилишельной шревогой.

» — Вошь, Княжна, самая ужасная
минуша, « сказалъ Бронинъ угрюмо,
начиная колебаться между гордо-
стью и зависимостью. » Какъ не-
пріятно пряшасься! «
.

VIII.

»—Его просяпъ,« говорилъ Князь, погружая послѣ обѣда тяжелое шѣло свое въ Воллеровскія кресла.

»—Помилуйте, его просяпъ! . . . не было примѣровъ,« рѣзалъ Полков-

никъ, вспряхивая сіяющіе эполеты.

— »Его просяшъ,« шепшала про себя Нашалья Сшепановна, заспегивая поздно вечеромъ крючки моливленника и посмаширивая на иконы, слабо освѣщенныя лампадой.

— »Его просяшъ,« думала Княжна ушромъ передъ зеркаломъ, въ сумерки за форшепьянами и въ полусонномъ забышьи на постели. Но не довольная одною эшой мыслью, она прибавляла къ ней другую, чшобъ прожитъ заранѣе нѣсколько мгновеній эшаго полного счастья, кошорое въ женской головѣ всегда слаживаешся шакъ спройно и шакъ хорошо!

»—Папінька согласишся,» прибавляла она. А пошому эпаго прощєнія ей хотѣлось шакъ сильно, шакъ нешерпѣливо, шакъ молодо, чшо едва ли чувствво самой машери, болѣе благоговѣйное, болѣе шихое, не уступало ея деспотическому чувству. Но по спранный несообразности, она украсила суровое званіе Бронина всѣми розами воображенія, шакъ, чшо казалось офицерскій мундиръ шолько опни-мешъ у него какую-нибудь прелешъ, а ни одной не прибавишъ. Если мущина любишъ унизишъ женщину до себя, шо женщина всегда возвышаешъ его надъ собой и надъ цѣлымъ міромъ.

Въ немъ видѣла она не грубаго

солдаша подъ сѣрой шинелью: для нея эшо былъ солдашъ романсовъ, солдашъ сцены, солдашъ, кошорый при свѣтѣ мѣсяца споишъ на часахъ и поешъ, посылая пѣсню на свою родину, къ своей милой; эшо былъ дезершеръ, юный, пугливый и свободный; увлекашельно прелестный проспошой своего распахнушаго шеапральнаго мундира, съ легко-накинушой фуражкой, съ едва наброшеннымъ на шею плапкомъ; для нея эшо былъ человѣкъ, разжалованный не по обыкновенному ходу дѣлъ, но жершва зависти, гоненій, человѣкъ, прошивъ кошораго вселенная сдѣлала заговоръ, и Княжна всшупалась за него и взглядывала шакъ гордо, шакъ

нѣжно, какъ будшо сполько любви у нея, чшо она можешъ вознаградишь за ненависшь цѣлаго свѣща.

Словомъ, въ немъ былъ шолько одинъ недоспашокъ. Эшаго не умѣли уже исправить ни ея сердце, ни ея воображеніе, и для эшаго-шо нуженъ былъ прежній мундиръ. Спокойспвіе, блестящую будущность, добрую славу, самую жизнь она ошдала бы ему, да какъ ошдашь руку? ... Солдашу не лъзя ѣздишь въ карешы! ... Припишише эшо порочному успройспиву общеспвъ, проклянише обычаи людей, но согласишесь, чшо еспъ ядовитыя бездѣлки, на копорыя не наспушишь ничья нога и о копо-

рыхъ можно безъ грѣха помнишь въ самыя небесныя минуцы на землѣ.

Впрочемъ, солдапскій мундиръ шакъ ей нравился, что однажды она спросила у Бронина: за чѣмъ ходишь онъ во фракъ? Была ли это женская прихоть, нѣжностъ, или Княжна хотѣла отъ него полного признанія какъ въ словахъ, шакъ и въ одеждѣ, во всемъ, что обыкновенно считается унижительною и что одна смѣлая опкровенностъ можетъ облагородить? Во всякое другое время и отъ всякой другой женщины, солдапъ принялъ бы такой вопросъ за упрекъ въ мулодушїи, но между

ними не было уже разделяющихъ чувствъ. Онъ слышалъ это на единѣ съ Княжною, въ саду, когда она позволяла уже ему высказывать всю необъянность счастья, бывъ съ нею на единѣ.

Эти прогулки оставались непроницаемой пайной для Полковника. Хотя Князь, узнавъ сперва о приказаніи, полученномъ солдатомъ отъ начальника, закричалъ: »вдоръ, вдоръ, я ему скажу;« но дочь остановила отца и убѣдила, что не надо противорѣчить Полковнику, когда онъ довольно добръ, и когда нѣтъ никакой особенной причины настаивать на бесполезномъ позволеніи. Скрывая свои сви-

данія съ Бронинымъ опъ одного, она не всегда доводила ихъ до свѣденія и другихъ, шакъ, чшо эпъ невинныя прогулки прятались иногда опъ самаго Князя и опъ всѣхъ въ пишинѣ мрачныхъ аллей, охраняемыя прелесшями шаинспивенноспи, освѣщенныя мирно прекрасными глазами, робкимъ румянцемъ и волнуемая шолько невоздержными порывами влюбленнаго мущины. Эшо были минушы искренноспи, къ кошорой рвешся возвышенное сердце и за кошорую Княжна плапила дорого, пошому чшо Полковникъ не прекращалъ почти ежедневныхъ посѣщеній и, считая себя благодѣтелемъ Бронина, сдѣлался еще болѣе заносчивымъ. Онъ не зналъ

что дѣлалось съ Княжною, когда ей докладывали о его прїѣздѣ и какимъ образомъ она всякой разъ произносила: »что?« переспрашивая у чловѣка неизбѣжную и слишкомъ внятную вѣсть; было онѣ чего Полковнику проклясть жизнь свою, еслибъ онѣ услышалъ это: »что « и увидѣлъ его на лицѣ Княжны.

Наступило утро, въ которое опасный соперникъ солдата проснулся необыкновенно рано, началъ ходить по горницѣ, ходилъ чрезвычайно долго и шагаль очень широко, шакъ, что въ каждый конецъ для его шрешьяго шага не доспавало проспранспва. Къ нему позвали Бронина.

Когда эпопъ явился, Полковникъ подошелъ къ нему быспро, схватилъ его за руку, разрушилъ ея форменное положеніе и съ полусмѣхомъ командовалъ: » вольно, снимите киверъ!« Такой пріемъ могъ бы околдовать душу всякаго подчиненнаго, даже и шого, кшо не былъ бы опдѣленъ опъ своего начальника ничѣмъ не наполненной бездной, но въ солдапѣ не замѣчалось ни изсущленія воспорга, ни шоропливости усердія. Спокойно онъ бросилъ киверъ на спуль.

» — Мнѣ нужно съ вами поговорить, по пріятельски, « сказалъ Полковникъ, сжимая руку Бронина и налегая съ особеннымъ выраже-

ніємъ на слово: *по пріятельски*.
Вы видѣли Княжну?»

«—Вспрѣшилъ у машушки,» оп-
вѣчалъ Бронинъ медленно.

«—У насъ скоро будетъ смопръ,»
продолжалъ Полковникъ, начиная
набивать трубку. » Я представляю
васъ дивизионному Генералу. «

Бронинъ наклонилъ голову. Тушъ
послѣдовало молчаніе.

Полковникъ разкурилъ трубку,
потомъ пошелъ опъ солдата въ
другой уголь и на ходу, обернув-
шись къ нему спиною, сказалъ:
» послушайте, поговорише обо мнѣ
вашей машушкѣ. « . . .

» — Чшо вамъ угодно?« спросилъ солдатъ съ удвоеннымъ вниманіемъ.

«—Я увѣренъ, чшо вы оцѣните мою довѣренность. Я съ своей стороны постараюсь быть вамъ полезнымъ; надѣюсь, чшо ваша машушка не прочь ошъ шого, чшобъ оказатъ мнѣ небольшую услугу. Вы знаете, я часшо бываю у Князя и, сколько могъ замѣлишь, мои посѣщенія не прошивны Княжнѣ«....

Солдатъ попянулъ свой галспукъ: крючки заспегнушаго ворошника начинали его душишь.

«—Признаюсь, я никогда не былъ о себѣ слишкомъ высокихъ мыслей;

но ея ласковое обращеніе, ея особенная внимательность ко мнѣ.... припомъ же, согласишесь, я Полковникъ, служилъ.... Молодой человекъ! вы не знаете, что такое служба, вы не въ состояніи еще понять, какъ спрастно можно любить службу.... ну, теперь она мнѣ въ голову нейдетъ.... я прошу вашу мамушку поговорить обо мнѣ съ Княжною и съ Княземъ.»

Краска начала выспунать на лице Полковника, и онъ опять опшвернулся онъ солдаша.

Этотъ стоялъ, опустивъ глаза и ломая пальцы. Только волненіе, въ какомъ находился Полковникъ,

мѣшало ему замѣшпшь, какъ шя-
жело слушапшь и молчапшь, когда
другой смѣепшь намекапшь намъ, чшо
нравишся женщинѣ, кошорую мы
обожаемъ.

»—Княжна можешъ быпшь увѣре-
на,« продолжалъ Полковникъ, опу-
ская шрубку на полъ, опираясь съ
жаромъ обѣими руками на чубукъ
и спановясь болѣе каршиннымъ,
»—чшо ей не найпи шакого мужа.
Захочешъ она, чшобъ я продол-
жалъ служишь — спану служишь;
захочешъ, чшобъ вышелъ въ ош-
спавку — выйду; вздумаешъ жишь
въ сполицѣ, въ деревнѣ — гдѣ ей
угодно; мнѣ съ нею вездѣ будешъ
шакже весело и пріятно, какъ въ

то время, когда я получилъ первый кресшъ, или когда мнѣ дали полкъ, и я, выѣхавъ къ нему на ученье, окинулъ его глазомъ. Но вы расскажете краснорѣчивѣй чшó я чувствую. Я мало вершѣлся въ свѣшъ, мой языкъ привыкъ къ командѣ, вы моложе, вы ближе къ женскому вкусу. «...»

Тутъ Полковникъ взглянулъ при-
спально и любопытно на солда-
та, какъ будшо хопѣлъ опыскашъ
на его лицѣ опроверженіе своихъ
словъ.

»—Или я ошибаюсь, или мнѣ не
должно бояшся опказа. Во вся-
комъ случаѣ надѣюсь, что ваша
машушка согласишся бышъ посред-

ницей: мое счастье зависишь теперь отъ нея. «

Онъ подошелъ къ солдапу, опять взявъ его за руку съ большимъ чувствомъ и черезъ секунду прибавилъ:

» — Не худо будетъ упомянуть между прочимъ, что мнѣ скоро доспается въ Генералы. Для Княжны это, конечно, ничего.... но Князь.... вы знаете, чины еще дѣйствуютъ. «

» Очень хорошо, я скажу мамушкѣ, « отвѣчалъ Бронинъ сухо.

Не прошло насъ послѣ этого разговора—онъ былъ уже въ саду у Князя.

IX.

Княжна гуляла и шла къ нему на встрѣчу; но, завидя его издали, пошла пише, хопя глаза ея при-мѣтно развеселились.

«—Что съ вами? Вы смотрише

пакъ насмѣшливо? « спросила она, шутя.

« — Мой Полковникъ предлагаетъ вамъ руку и сердце, и поручилъ мнѣ просить машушку, чѣмъ бы открылась вамъ за него въ любви. Онъ безъ памяти ошъ того, что очаровалъ васъ. «

« — Ахъ, Боже мой! онъ шеперь догадается и спанешъ мспитъ вамъ! « сказала Княжна, измѣняясь въ лицѣ.

« — О, да какъ онъ влюбленъ! и я выслушалъ его изъясненіе по формѣ, молча, съ начала до конца. Тысячу разъ думалъ я, что пере-

рву его, не позволю продолжашь, скажу, что мнѣ не слѣдуешь эшаго слушаашь, что онѣ выбралъ шакого повѣреннаго, кошорый не можешь благородно выполнишь его порученія—но, что дѣлашъ? душа моя присмирѣла въ шискахъ эшаго мундира....» и онѣ дернулъ съ досадой красный воротникъ. »Ахъ, Княжна! какъ мнѣ въ эшу минушу жалъ спало моихъ впеленъ. «

Трудно выразишь ея заботливосшь, когда начала она перебирашь разныя средсшва, чтобъ согласишь безопасносшь солдаша съ ошказомъ Полковнику. То хощѣла сама обратишь къ нему, ввѣришься благородсшву его военного.

характера и произнесши швердымъ голосомъ: » проспише меня, я не люблю васъ, я для другаго рассыпала передъ вами драгоценные камни моей красоты и воспишанія. «— Тушь задумчивые глаза ея раскрывались мгновенно въ полномъ блескъ, вспыхивая надеждой на величіе души, на самоопроверженіе. То вдругъ эша свѣшлая надежда пошухала въ ней, какъ одна изъ шѣхъ вѣтренныхъ мыслей, копорыхъ испину доказываетъ сердце, но копорыя слишкомъ дерзки для женскихъ привычекъ и слишкомъ мечшательны для разсудка. Княжна переходила опъ чудесъ жизни къ обыкновеннымъ явленіямъ и полагала, что опецъ

ея.... — она обовѣшся около его шей, расплачешся передъ нимъ — его связи удержашъ Полковника въ почшипительной боязливости и не дадушъ разыграшся его негодованію, или ревности.

Напрасно Бронинъ силился вырвать ее изъ эшаго міра заботъ, учащія, ... восхищительнаго, какъ доказательство любви и нѣсколько непріятнаго, какъ желаніе женщины защитишъ мушину. Онъ бросалъ безопасно свою судьбу на жертву непроницаемой будущности, онъ швердилъ ей о настоящей минуть.... они сидѣли рядомъ.... Солнечные лучи, пробираясь сквозь густыя вѣшвы деревъ, образовали передъ

ними спѣну зелени, унизанную щочками свѣща. . . . Княжна и солдапъ, два спранныхъ наряда вмѣстѣ. . . . два существа съ одной планешы, но раскинушыя, какой-то мыслью, по концамъ ея и соединенныя чувствомъ, кошорое не знаешъ проспранства, не боишся разсшоянїя.

Долго она не слушала его, долго прибѣгала ко всѣмъ усиліямъ воображенїя, чшобъ ушѣшишь себя какой нибудь счастливой увѣренностью, пошомъ задумалась, пошомъ взглянула на Бронина, какъ будто упомянутая испугомъ, и ласково сказала:

» Боже мой! зачѣмъ васъ перевели къ нему въ полкъ? «

Онъ схватилъ ея руку въ первый разъ, прижалъ крѣпко къ губамъ. . . . она покраснѣла, но оставила руку на произволъ любви, и вѣтеръ накинулъ широкую ленту ея пояса на колѣна къ солдашу.

Между тѣмъ распреревоженный Полковникъ вышелъ изъ своей квартиры.

Его замысламъ спало душно, его чувству нужно было и прохладу воздуха и просторъ неба. Съ дороги сбивался онъ на пропинку, съ пропинки на пашню. Онъ шелъ скоро, какъ будто догонялъ свои мысли, кошорья все опере-

жали его. Онъ шелъ Богъ знаетъ куда, а очутился, услалый, передъ домомъ Князя.

Войдши или нѣтъ?... Полковникъ не будешь умѣшь сохранишь должнаго спокойствія!... Не лучше ли дождашься опѣша?... да нѣтъ ничего пріятнѣй, какъ передъ рѣшишельной минушой, подмѣчаль самому эпошъ опѣшъ, дѣлашь догадки о насупающемъ блаженствѣ по разнымъ пуссякамъ гостинной!... И попомъ чѣмъ наполнишь пустошу времени? Куда бѣжашъ ошъ сомнѣній?... Онъ вошелъ,

Князь былъ на охошѣ. Въ пере-

дней никого. Почтишьельно про-
крался Полковникъ до одной ком-
наты, изъ которой окна выходили
въ садъ. Никшо не попадался ему
на встрѣчу.... Счишая неприлич-
нымъ ашаковать дальнѣйшую часть
дома, онъ опустился на диванъ,
покойно упругій, обложеный мяг-
кими подушками, обшпанушый поло-
сатымъ шпофомъ,—и разцвѣль!...

Бура войны, ея голодъ и холодъ,
кочевая жизнь.... какъ все это
показалось вдругъ слишкомъ моло-
до, шажело, невозможно болѣе
для Полковника, убавоканнаго нѣ-
гой роскошнаго дивана! Великоль-
пие спроя, чудная выправка и
склейка людей—какъ все это по-

казалось ему хуже, чѣмъ мраморный каминъ, маховые шары лампъ, малахитъ и бронза подсвѣчниковъ. Полусонно смолпрѣлъ онъ на поясные и миниатюрные поршпрешы Княжескихъ предковъ, вѣроятно, съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ Наполеонъ думалъ о родословной Австрійскаго Императора, когда свашался за его дочь. Полковникъ послужилъ... пора отдохнушь... чшо въ славѣ, которая спитъ на сырой землѣ!... Какая въ шомъ честь, чшо солдаты сдѣлаются на караулъ!... Ему захошѣлось ошнѣдать барской епѣси, причудъ богашсина, понѣжиться въ обѣщаннѣхъ знатности и красотѣ... И почему не лѣлать такой сладкой

мечты? почему не надѣялся на это заслуженное счастье? ... Онъ дрался храбро, Княжна шакъ восхищенно привѣтлива къ нему, помѣщики съ шакимъ подобоспросиѣмъ спанованися около него въ кружокъ, сажающъ на первое мѣсто, ждущъ къ обѣду, а Андрей Сшепановичъ, рѣшищельно увѣренный, что для Полковника нѣтъ невозможнаго, набожно говорищъ ему всякій разъ: » въ ваши лѣша, въ нашемъ чинѣ «....

Этѣ великія и малыя воспоминанія, эщю высокомеріе, внушенное ему не собственнымъ самолюбіемъ, а ложью общесшва, злая ошибка другихъ, пощому что они смо-

прѣли на него въ увеличительное
спѣкло; наконецъ безгрѣшное, по-
нятное въ немъ желаніе палашъ и
сердца—все эшо оплило его наде-
жды въ прекрасную, крѣпкую фор-
му.... и онъ поднялся лѣниво съ ди-
вана и медленно подошелъ къ окну,
чтобъ окинуть глазомъ еще часни-
цу своихъ будущихъ владѣній.... Но
пушъ болѣе любви, чѣмъ надменно-
сти проявилось у него. Любовь ду-
шиспая, свѣпшая, безпечная повѣла
ему изъ сада!... любовь, какой не
видывалъ онъ въ деревенскомъ сара-
фанѣ, въ корчмѣ жида и у мѣлоч-
ныхъ Нѣмокъ. Какъ нѣжно погля-
дѣлъ онъ на энтѣ укашанныя доро-
жки,... гдѣ будешь прохаживашься
съ своей обворожительной женой;

на эти кусы розъ, на эти шоль-
паны.... а шамъ, вдали, глубокая,
немная бесѣдка.... шамъ, можешъ
быль, много схоронишся супруже-
скихъ шайнъ....

Вдругъ Полковникъ дрогнулъ,
лице его оцѣпенѣло, и онъ примѣт-
но вооружался всею зоркостью
глаза, какъ будто повѣрялъ дис-
танцію при построении колоннъ къ
атакѣ.... что-то мелькнуло сквозь
вѣтви,.... что-то похожее на мун-
диръ и на женское плащье.... Онъ
ошпоронился отъ окна, оперся
на эфесъ шпаги и, я думаю, паль-
цы его выпечатались на бронзѣ....
это Княжна, это Бронинъ....

...Итакъ, Полковникъ, это демонъ,

который принимаешь на себя вся виды, чшобъ вырвашъ насъ изъ обласши счаснїя и показашъ намъ жизнь, какова она безъ украшенїй, накинупыхъ на нее головою и сердцемъ челоувѣка, жизнь съ усмѣшкой безвѣрія, съ опчаяннымъ взоромъ!... Но бѣлое плащье мелькнуло опяшь, но знакомый зоншикъ заслонялъ опъ солнца знакомые черные волосы, но красный ворошникъ, но шемно — зеленое сукно.... Въ нихъ не лѣзя ошибишься Полковнику.... эшо онъ, эшо она....

Да, Полковникъ, эшо онъ, эшо солдашъ, который, по швоему слову, не шелохнешся при шрескахъ грома, не смигнешъ подъ грохономъ ядерь....

это солдашъ, для котораго ты
опецъ и машъ, жизнь и смерть, и
небо и адъ... ты обходился съ
нимъ какъ съ равнымъ, шакъ ща-
дилъ его, ты высказалъ ему всю
душу, а онъ обманулъ тебя, а
Княжна разсыпалась передъ тобой
для него, а шамъ они смѣются
надъ швоей неловкой любовью....
Кудажъ дѣвалась швоя служба?...
какой же шенерь смыслъ въ шво-
ихъ креспахъ?... Всѣ раны Смо-
ленска, Бородина и Лейбцига рас-
крылись у несчастнаго Полков-
ника!...

Смотри, Полковникъ... онъ ца-
луешь ея руку, эшу руку, такъ
хорошо освѣщенную солнцемъ, что

ны опсюда можешъ видѣнь ея бѣлизну и нѣжностъ!... смощри... ихъ только двое.... никого нѣтъ еще.... они давно здѣсь.... ошорви его.... чшобъ Княжна не ошпыскала и слѣдовъ солдана!... Но не поздно ли?...

Полковникъ не понималъ, чшо ешъ невинныя ласки, непорочное уединеніе.... Подозрительно вшивались его глаза въ бѣлое плашье, и не блѣдностъ, кошорая грозилъ смерщью, но грубая краска гнѣва зардѣлась на его полныхъ щекахъ.... Онъ ворошилсѧ назадъ, къ привычкѣ цѣлой жизни, къ своей не вероломной сшрасши, въ міръ войны, дисциплины и зашмганьямъ зву-

ковъ барабана! Заблужденіе вырвало его изъ спроя и предашельски покинуло одного, далеко отъ Княжны! . . . Ему показалось, что они идутъ къ дому. . . . онъ кинулся изъ комнашы, но вдругъ приосшановился, спрашный, огромный. . . . повернулъ голову, бросилъ еще одинъ взглядъ. . . . шолько не на Княжну, не на сгибы бѣлаго плашья. . . .

Онъ взглянулъ на солдаша.

X.

Еслибъ вы вбѣжали за Полковникомъ въ его кварширу, вамъ бы представилось одно изъ этихъ загадочныхъ явленій, копорыми душа разспроиваетъ опчешливый по-

рядокъ нашихъ мыслей, когда ошъ ежедневныхъ, правильныхъ впечатлѣній, переносишся внезапно къ какому нибудь впечатлѣнію спрашному и, обнаруживая все могущество своихъ поэтическихъ волненій, даешъ мершвымъ предметамъ чшо-шо живое, сливаешъ ихъ съ собою въ одну спройную картину. Изба, дворецъ равно отражаютъ эшо напряженное состояніе души. Эшошъ взрывъ ея поднимаетъ все на одну высоту съ нею и вы видише кругомъ или блескъ или обломки.

Полковникъ курилъ, но эшо была пуча дыма!... Дымъ, выносясь густыми клубами, вился въ кóльца, расширялся, шянулся къ пошолку

и распягивался подъ нимъ въ шонкую, прозрачную пелену. Пошомъ прокрадывался и разспилался по спѣнамъ, пошомъ бѣжалъ, пошомъ спруился по полу, пошомъ спало ему шѣсно. Въ эшомъ аду дыма одинъ уголь, освѣщенный двумя, према лучами солнца, осшавался чѣмъ — шо ушѣшипельнымъ, чшшымъ, какъ будшо человѣколюбіе пришайлось шунъ опъ грозы ожешпоченнаго сердца. Ковры, писшолелы, знамена, — все исчезло, шолько мерцали часпицы кинжаловъ, да виднѣлись двѣ неподвижныхъ фигуры, два синихъ, дымчашыхъ лица, да прошивъ нихъ сверкали глаза Полковника и гремѣлъ его начальническій голосъ.

Горячо сердился онъ на офицеровъ (эшо были офицеры) за шо, чшо избавлялъ солдаша ошъ службы. Гнѣвъ его разразился въ своемъ полномъ объемѣ, какъ вообще гнѣвъ чловѣка, кошорый шумишь на безомѣшнаго, а пошому бываешъ не робко дерзокъ и не шрусливо храбръ.

» — Ни шагу ни куда ошсюда! « кричалъ онъ. » Ужо его на ученье, завшра ко мнѣ въ вѣшповые! «

Но въ эшихъ звукахъ было чшо-шо дикое, шаинсшвенное, какъ будшо они ошносились къ какому-шо призраку, какъ будшо Полковникъ искалъ возлѣ офицеровъ кого - шо

другаго, и на него смошрѣлъ и другое говорилъ ему. »Я спану между шобой и ею.... сквозь меня шы не увидишь ни нѣжной руки, ни яснаго дня, ни цвѣшовъ, ни румянца, ни яркой улыбки.... Я покажу шебѣ шолько, какъ блѣдно можешъ бытъ лицо, какъ впалы щеки и какъ мушны глаза.... мнѣ не нужно обманывашъ, хипришь, кидашся къ шебѣ на шею, жашъ съ восшоргомъ руку; мнѣ не нужно шайшся, подъискивашся, клеветашъ на шебя, сшперечь шебя за угломъ, красшся къ шебѣ ночью— шы мой, при свѣшѣ солнца, при шысячѣ глазъ «

Ученье шло дурно. Полковникъ былъ не доволенъ до того, что передалъ свою яросшь лошади: вся въ пѣнѣ, она бѣсилась подъ нимъ красиво, только безпокойно несла голову, пошому что онъ безпре-спанно зашягивалъ поводья. Особенно же его раздраженное внима-нье обращалось на безпорядки шо-го взвода, гдѣ съ полу-насмѣшли-вой и съ полу - горькой улыбкой сшоялъ подъ ружьемъ Бронинъ. Тамъ все было не шакъ: люди не ровнялись, фронтъ волновался, шагъ былъ коропкій, вялый, взглядъ не быспрый. Замѣчая по всюду недосшашки, безъ милосши прищор-ривая лошадь, Полковникъ все ози-рался въ одну спорону и, куда ни

переносился—дирекція его огнедышущихъ глазъ не перемѣнялась.

» — Не качаться «, кричалъ онъ, смотря на Бронина; »ровный его!«

Фельдфебель пошянулся черезъ заднюю ширенгу и слегка далъ прикладомъ шолчекъ солдашу. Эшошъ поблѣднѣлъ.

Въ самомъ дѣлѣ, несносно, когда ученье идеть дурно. Оно требуетъ непременно стройности, правильности, какъ признаковъ дружной храбрости и единодушія, необходимаго для неодолимой силы, состоявляемой изъ тысячи силъ.

Представляйте себѣ быструю точность движеній; эти ряды ровные, крѣпкіе, кошорые по

сплошяшся спройно въ свѣшлыя
шучи шшыковъ, шо развернушя
свободно длинной, гранишной спѣ-
ной, прошянушя блиспапельнымъ
лучемъ! Эшѣ груди впередъ, эшѣ
дерзкія лица идушѣ на цѣлый
міръ, эшѣ ноги спупаюшѣ твердо
и поднимаюшя рѣшишельно; пред-
спавыше себѣ эшопѣ чиспый,
дружный, опдѣланный шагъ и
вы поймеше, что церемоніальный
маршъ можешѣ васъ броситѣ и въ
жаръ и въ холодъ. Тушѣ орудія
смерти не безпорядочны, не бе-
зобразны, шушѣ смерть нарядна,
шушѣ шоже чувсшво изящесшва,
шоже чувсшво красопы, но вмѣ-
спѣ и чувсшво силы, невоз-
можное для опдѣльнаго человѣка.

Теперь представьте, что ученье идешь не шакъ, что въ немъ нѣтъ эшаго согласія, и вы поймете, почему Полковникъ, выведенный наконецъ изъ шертѣнья, опшравился во весь карьеръ и, прямо передъ Бронинымъ, масперски осадилъ лошадь.

»—Что это за стойка? ... опустился! ... Господинъ взводный командиръ поправьше его.... выпустилъ колѣна.... плечи ровнѣе, грудь впередъ. «

Слова начальника произвели пагубное дѣйствіе: губы у солдаша задрожали, но это было единственное проявленіе жизни на его лицѣ,

пошому чпо весь буйный пылъ
ея, всѣ лучи собрались въ глаза.
Въ нихъ все было: и презрѣніе, и
ненависнь, и опвага, и эша гор-
доснь, кошорую внушаетъ безум-
ная любовь, и опъ кошорой мы
предспавляемъ себѣ весь свѣтъ
сердцемъ женщины, хошимъ вездѣ
спояшь на первомъ мѣспѣ, зане-
спись куда-шо высоко, выше всѣхъ
общеспвенныхъ опношеній, всѣхъ
соперниковъ и выше всякой славы.

Но проспая команда не могла
бы, конечно, привести Бронина въ
такое раздражительное соспояніе;
вѣрояпно онъ подозрѣвалъ почему,
когда ворошилъ въ шшабъ, по-
спребовали его на ученье. Невы-

носимо посмопрѣлъ онъ и, забывая свой долгъ, свою мать, свою Княжну, сказалъ замирающимъ голосомъ:

«—Полковникъ, не мучьше меня, вамъ ошъ эшаго не будешъ лучше; я говорю, не мучьше. «

Шпыкъ зашевелился у него на ружьѣ, только движенія щпыка начальникъ не видалъ уже. Лошадь подъ нимъ взвилась и ошскочила, пошому ли, чшо онъ не былъ болѣе въ силахъ править ею, или пошому, чшо не могъ спояшь подъ взглядомъ солдата и шолкнулъ ее.

Нарушеніе дисциплины, на ко-

порую опираешься общее благосостояніе, да шайна Полковника, мучительная шайна.... да еще: »вамъ опгъ эшаго не будешъ лучше «.... съ него было довольно. Онъ понесся, вскрикнулъ дико и грозное слово раздалось по рядамъ.

У солдата выхватили ружье и сдернули мундиръ.
.
.

» Полно, брось его, « скомандовалъ Полковникъ черезъ нѣсколько секундъ съ другаго конца фронша; пошомъ подскакалъ къ рошному начальнику, махнулъ полковому Адьюшаншу и скоро проговорилъ съ примѣшнымъ волненіемъ:

»— Не высылашь его на ученье, не наряжашь въ вѣшповые; пускай онъ дѣлаешь что хочешь, ходишь во фракъ, бываешь гдѣ ему угодно: оставишь его въ покоѣ. «

Что-то похожее на слезу блеснуло у него въ глазахъ; онъ опвернулся проворно, вонзилъ шпоры въ лошадь и исчезъ.

Возвращаясь съ ученья, нѣкоторые солдашы разсуждали, между собой: о преимуществахъ шолсшой рубашки передъ шонкою, и приправляли свои слова однимъ изъ тѣхъ мудрыхъ изрѣченій, въ которыя воплощается прошедшее: за бѣлаго двухъ небѣлыхъ даюшь.

XI.

Смерклось.

**Въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ
кресстьянскихъ домовъ, въ горни-
цъ, убранной, какъ убираешь ма-
шеринская попечительность, и**

блещащей эпѣми волшебными бездѣлками, эпими подарками на память, кошорыми дорожишь любовь при своемъ началѣ—едва можно было различать предметы и по опѣ мѣсяца, да опѣ пусклой, нагорѣвшей свѣчи, пославленной въ шакъ называемой передней.

На полу валялся солдашскій мундиръ, на немъ рубашка, разорванная по поламъ, съ верху до низу, вѣрояшно, въ припадкѣ бѣшеннаго негодованія. Павелъ, старый слуга, какихъ слугъ болѣе нѣтъ, не смѣлъ ничего прибавить, а робко выглядывалъ изъ-за дверей, и раза два уже обширалъ глаза рукавомъ.

Бронинъ лежалъ на Турецкомъ диванѣ, лицомъ въ подушку, шипую по канвѣ Княжною. Еслибъ онъ не повершывалъ иногда головы на окно, какъ будшо хошѣлъ по шемношѣ опгадашь время, да еслибъ еще не пожималъ плечами, какъ будшо чувсшвовалъ боль въ спинѣ—должнобъ было подумашъ, чшо онъ спишѣ. Камердинеръ его и дядька давно покушался войши; наконецъ переспунилъ шихо порогу, подкрался къ дивану и, помолчавъ, сказалъ унылымъ голосомъ:

»—Вошѣ, сударь, къ вамъ записка; какъ вы были на «.... онъ оспановилъ и перемѣнилъ оборотъ рѣчи. » Давича прислала Княжна.»

Бронинъ прощянулъ руку, не поднимая головы, взялъ записку, списнулъ—и не прочелъ. Грустно Павелъ отправился назадъ, но черезъ четверть часа вбѣжалъ въ большихъ шорняхъ.

«—Барыня, сударь, приѣхала, барыня!»

Бронинъ вскочилъ, крикнулъ: »не говори ей«... и замеръ на мѣспѣ.

Казалось, онъ испугался иныхъ слезъ, иныхъ рыданій мы боимся и умирая. Вѣрно дошло до нея... она никогда не приѣзжала такъ поздно....

Павелъ вздѣлъ на него проворно

мундиръ, кошорый попался подъ руку, забросилъ рубашку, попомъ внесъ свѣчу и — подарокъ машери, подарокъ въ день рожденья, драгоценный яшаганъ засверкалъ на свѣтъ. Его ножны были уже обшпаны новымъ, зеленымъ бархатомъ, золошья бляхи ярко опчищены, жемчугъ опмышъ и на мѣсто выпавшихъ камней сіяли другіе. Павелъ поднялъ проворно зонтикъ у подсвѣчника и поставилъ его въ углу, подалѣе, чѣмъ бы ни одинъ лучъ не освѣшилъ для машери лица ея сына.

»—Сашенька, другъ мой!« кричала Нашалья Спешановна еще за дверьми, съ сильнымъ движеніемъ въ голосъ.

Бронинъ запресся, и прежде чѣмъ пошелъ на встрѣчу къ ней, его судорожный вздохъ ошвѣчалъ на эши звуки, какъ будто душа, выпирадавшая свою часшь на землѣ, оробѣла при видѣ лишняго спраданія. Павелъ провожалъ Барыню, не смѣя поднять глазъ.

» Сашенька, шы прощенъ. «

При этомъ словѣ она кинулась къ нему на шею съ быспропой и веселоспью молодоспи,

»—Князь сей часъ получилъ письмо изъ Непербурга, на дняхъ будешъ въ приказахъ! «...»

Слезы шакъ и капились у нея

опъ радости, поцѣлуи шакъ и сыпались на щеки Бронина.

Можешъ бышь, онъ не устоялъ бы прошивъ рыданій о его позорѣ, можешъ бышь, онъ палъ бы подъ маперинской печалью, но радость, но насмѣшка судьбы нашла его нѣмымъ. Есть же это чувство, которое не принимаетъ въ себя никакихъ постороннихъ волненій, котораго не умѣешь называть, раздобишь на ошпѣнки и — пусть небо прояснится, подуешь попутный вѣтеръ, разыграется парусъ, — тяжелый грузъ эшаго чувства все топитъ корабль чловѣка.

» Поѣдемъ, другъ мой, поскорѣй; себя ждущъ ужинашь; добрый

Князь зовешъ, пишъ шампанское!...
Какъ онъ радъ, а какъ рада Княжна! «... Тушъ Наташья Спепановна улыбнулась съ двусмысленнымъ восхищеньемъ. » Да что у тебя такъ шемно? «... »

»—Свѣшло, машушка« опвѣчалъ Бронинъ, опуская голову на ея руку.

»—Повѣдемъ же поскорѣй. «... »

»—Не лѣзя... мнѣ надо видѣшь Полковника. «

»—И, другъ мой!... «

»—Мнѣ надо видѣшь Полковника, машушка, « сказалъ сынъ, усиливая голосъ и взглядывая на яшаганъ.

»—Да онъ вѣрно не осердился. Полковникъ, право, миль! . . . какъ добръ до тебя! . . . Завтра мы здѣсь опслужимъ молебень и я буду молишься за него. Да чшо съ тобой, другъ мой, ты будшо не радъ? «

»—Радъ, машушка, очень радъ. «

» — Ай! « вскрикнула она, » какъ ты сжалъ мнѣ руку, Сашенька! « и крѣтко поцѣдовала сына, . . .
: . . . ,

Долго отговаривался онъ. Наконецъ Наталья Степановна замѣпила его блѣдность, и съ заботливостью, въ которой не было ничего горькаго, пощому чшо ра-

досць покрывала всѣ другія чувства, спросила:

» — Ты боленъ, другъ мой? что съ тобой? «

» — Много ходилъ сего дня, усталъ; да вы не беспокойтесь, машушка: къ завтраму эшо пройдешь. «

Тушъ поразительна была странность человѣческаго сердца: сынъ испугался, что мать обезпокоится о его нездоровьи, а между тѣмъ безобразный умыселъ по немногу выступалъ изъ души къ нему на лице. Слабое освѣщеніе, старость глазъ и потомъ слѣпой воспоргъ и самая чудовищность, невѣроятность

сыновней бѣды, помѣшали Натальѣ Степановнѣ проникнуть тайну или сдѣлать какую нибудь печальную догадку. Она убѣдилась, что ему не лѣзя ѣхать, что онъ уснулъ, долженъ ошдохнуть, и что къ за-вѣсрамъ это пройдетъ.

»—Да чтожь ты не велишь ничего сказать Княжнѣ?...

»—Поклонись ей, поблагодари-те ее.»

И онъ опять схватилъ руку у мащери, прижалъ къ губамъ, и она опять разцѣловала его.

»—Такъ завтра, мой другъ, мы всѣ приѣдемъ къ обѣднѣ!»

»—Завтра, мамушка!
.

Коляска промчалась—и все зашумело: только кое-гдѣ перекликались собаки.

»—Павелъ, ложись, я раздѣнусь самъ. «
.

Прошелъ длинный часъ; слышно было, что и Павелъ спитъ. . .

Бронинъ ходилъ по горницѣ; по смотрѣлъ на окна, по на стѣны, по не смотрѣлъ ни на что. Вдругъ подошелъ къ япсагану, дико снялъ передъ нимъ и впился въ него глазами! . . .

Въ эту минушу рѣшительно не лзя было узнать въ солдатѣ юнаго Корнеша... ни одной похожей чершы!... только волосы, не обстриженные еще по формѣ и разбросанные въ исподражаемомъ безпорядкѣ, сохранили свой прежній лоскъ, прежнюю увлекательность... и, не смотря на пугающее выраженіе его лица, прекрасная женщина могла бы еще взглянуть на ихъ волнистые, роскошные опливы и помно впустишь свои ласковые пальцы въ эти густые локоны, и нѣжно приподнять ихъ, и сладостраспно размѣшать, и вспыхнуть, и обомлѣть, любуясь ими. Это были еще волосы Корнеша.

Онъ снялъ ятаганъ со стѣны .

.
.

Мѣсяцъ раздѣлилъ широкую ули-
цу села на двѣ рѣзкія половины:
свѣшлую и мрачную.... На рубежѣ
свѣша и мрака, на эшой чертѣ,
гдѣ конецъ жизни сливался съ на-
чаломъ смерти, — нѣсколько разъ
появлялась и исчезала шѣнь сол-
даша! . . .

Но часовой ходилъ у кварширы
Полковника.... но страхъ или
презрѣніе къ самому себѣ.... но
что-то оспанавливаетъ человѣка,
когда онъ крадется ночью. . . .

.

XII.

Ударяли къ обѣднѣ. Былъ какой-то праздникъ въ селѣ.

Мало по малу высыпали на улицу солдашы, крестьяне и крещь-

янки. У инаго на шляпѣ былъ вопкнушъ за шесъму пучекъ желшыхъ цвѣшовъ, у иной въ косу была вплетена леша. Многіе, идя въ церковь, переваливались лѣниво и не безъ чувства поглядывали на запершой кабакъ. Погода была чудная. Это было одно изъ шѣхъ невыразимыхъ мгновений, когда жить значишь не воспоминашь, дѣйствовать или надѣяться, а просто дышаешь, смотришь на небо, на зелень, на цвѣты. . . . наслаждение, не купленное ни трудомъ, ни деньгами! . . . Тихо и свѣшло шекла красивая Мечь! . . . Мѣлкій дождь, сквозь солнечные лучи, вспрыснулъ землю и радуга, какъ газовый шарфъ, опоясала половину прекраснаго неба.

Вдали мчалась къ церкви коляска въ шесть лошадей; изъ нея высовывалась нарядная шляпка, вылепалъ бѣлый вуаль, и нѣкопослыхъ говорили: » это Его Сіятельство съ дочкой! «

Показался и Полковникъ. Выходя изъ кварширы, онъ обернулся назадъ и пасмурно сказалъ кому-то: » помирите меня съ нимъ, «

Потомъ опираясь въ церковь, но едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, какъ съ нимъ поровнялся солдатъ. . . . безъ кивера, мундиръ на распашку, лице искажено. . . . лѣвая рука его упала съ гигантской силой на плечо Полковника. . . .

Лезвее япагана блеснуло на солнце и исчезло....

Ударяли ко обѣдни, но никто не шелъ въ церковь. Огромная толпа стояла тѣсно и мертво, съ оцѣпенѣлыми глазами, съ бессмысленнымъ любопытствомъ. Движеніе боязливое, неслышное, было замѣтно только въ шѣхъ, которые пришли позади другихъ, а потому тянулись, чтобъ полюбоваться невиданной картиной.... Нѣсколько офицеровъ поддерживало голову бѣднаго Полковника, и лѣкарь, обрызганный кровью, зашивалъ спертую рану. Нѣсколько солдатъ рвало и вязало убійцу. Блѣдное лицо его ожило, оно вздрогнуло

жизнiю, какъ вздрагиваетъ пруть
ошъ гальванической искры: румя-
нецъ заигралъ на щекахъ, слезы
полились градомъ.... на паперши
опширали двухъ женщинъ.... онъ
смошрѣлъ шуда и прискорбные,
раздирающiе звуки: » мапушка, ма-
пушка! « неслись на воздухъ.

Еще слова два прибавлялъ онъ,
да ничего болѣе не лзя было ра-
зобрашъ, пошому что онъ глопалъ
ихъ вмѣстѣ съ слезами.

.
.

Черезъ сколько-шо дней глухой,
перерывистый бой барабана, обтя-
нушаго чернымъ сукномъ, возвѣ-

спилъ похороны Полковника. Ружья на погребенье, Флеръ на шпагахъ — эшошь смиренный видъ оружія, даннаго въ руки не для изъявленія тихой скорби; наконецъ эшо нѣмое, торжественное благоговѣніе къ свяшынѣ покойника, выражаемое вполне только послушными солдатами и ихъ печальнымъ маршемъ — все заспаляло шосковать по умершемъ. Краснорѣчивыя, военныя почести проводили его шѣло въ могилу, почести, на кошорыя мы, живые, смопримъ, часто съ горькой, глубокой, шемной зависью. Эшо смерть съ какимъ-шо ошголоскомъ изъ жизни, съ какимъ-шо слѣдомъ на землѣ.

Черезъ сколько-шо времени шощъ

же баталіонъ, кошорый шелъ за гробомъ Полковника, поспроился на полъ для другаго дѣла. Передъ фронтомъ спало пятеро солдатъ. Между ними былъ одинъ безъ ружья, въ одеждѣ, не подчиненной уже формѣ. Опдали чesнѣ. Баталіонный Адъютантъ прочелъ бумагу. Раздалась команда:

»Спройся въ двѣ ширенги, ружья къ ногѣ «. . . .

Проворно разнесли по рядамъ свѣжіе прутья. Иные солдаты ловко схватили ихъ и красиво взмахнули ими по воздуху и, подшучивая надъ своимъ шоварищемъ, пробормошали:

»—А, пришлось прогуляться по зеленой улицѣ.»

Забили въ барабаны и—ввели его въ эту улицу....

Многіе офицеры отвернулись....

Позади рядовъ прохаживался лѣ-
карь, и вблизи дожидалась пѣлеж-
ка.
.
.

Я не знаю, что спалось съ Княж-
ною. Она исчезла отъ меня, какъ
исчезаетъ отъ насъ будущностьъ
въ пошемкахъ неба и завтрашняго
дня. Исчезла, можешь быть, въ оди-

ночесивъ печали, а можешъ быть, въ ослѣпительныхъ, неясныхъ пере-
ливахъ блистательнаго свѣта. Знаю
только, что, нѣкогда, на берегу
красивой Мечи лежалъ граничный
камень, обнесенный желѣзною рѣ-
шеткой, куда, бывало, каждый день
приходила она плакать и откуда,
однажды, убѣжала съ ужасомъ, по-
тому что къ этому же камню
привели два лакея дряхлую, ве-
шную женщину съ печалью спра-
шнаго разрушенія на лицѣ и съ
цвѣтами на чепчикѣ.

Эта полу-испѣвшая женщина
проснулась рано, если болезненное
оцѣпенѣніе членовъ можно называть
сномъ, вскочила на постели и
вскрикнула:

»—Сего дня рожденіе Сашеньки!
» подавайше новое плашье, наряд-
» ный чепчикъ, цвѣшовъ; подайше
» яшаганъ.... я подарю его Са-
» шенькѣ!«

ЦѢНА 8 РУБ. МОН.